

ВЕСТНИК
Литературного института
имени А.М. Горького

№ 1

2017

Москва
Литературный институт
имени А. М. Горького
2017

ВЕСТНИК ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА имени А. М. ГОРЬКОГО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета — С. Ф. Дмитренко, к. ф. н., доцент

Члены редакционного совета:

В. Н. Аношкина, д. фил. н., проф., заслуженный деятель науки РФ (Москва)

Н. П. Видмарович, д. фил. н., проф. (Хорватия)

Франк Гёблер, д. фил. н., проф. (ФРГ, Майнц)

В. П. Гребенюк, д. фил. н., проф. (Москва)

М. Н. Громов, д. ф. н., проф. (Москва)

В. Н. Захаров, д. фил. н., проф. (Москва)

М. В. Иванова, д. фил. н., проф. (Москва)

Н. В. Корниенко, д. фил. н., член-корр. РАН (Москва)

В. В. Лепехин, д. фил. н., проф. (Венгрия)

М. А. Маслин, д. ф. н., проф. (Москва)

А. В. Моторин, д. фил. н., проф. (Великий Новгород)

М. В. Строганов, д. фил. н., проф. (Тверь — Москва)

А. И. Чагин, д. фил. н., проф. (Москва)

Элизабет Шорэ, д. фил. н., проф. (ФРГ, Фрайбург-им-Брайсгау)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — А. Н. Варламов, д. фил. н., проф.

Шеф-редактор — А. М. Камчатнов, д. фил. н., проф.

Члены редакционной коллегии:

И. И. Большев, к. фил. н., доцент

С. А. Васильев, д. фил. н., проф.

В. И. Гусев, д. фил. н., проф.

И. А. Есаулов, д. фил. н., проф.

С. Н. Есин, д. фил. н., проф.

А. И. Зимин, д. ф. н., проф.

О. А. Казнина, д. фил. н., проф.

Б. А. Леонов, д. фил. н., проф.

Л. М. Царева, к. экон. н., проф.

И. А. Шишкова, д. фил. н., проф.

Научный редактор — Е. Э. Юрчик, к. ист. н., доцент

Выпускающий редактор — Е. В. Дьячкова, к. п. н., доцент

Корректор — А. Г. Елатонцева

VESTNIK OF GORKY LITERARY INSTITUTE

EDITORIAL COUNCIL:

Chairman — S. F. Dmitrenko, Ph. D. (Philology), assistant professor

Members of the Council:

V. N. Anoshkina, Ph. D. (Philology), professor, Honoured Researcher of Russia (Moscow)

A. I. Chagin, Ph. D. (Philology), professor (Moscow)

Elisabeth Cheauré, Ph. D. (Philology), professor (BRD, Freiburg i. Br.)

V. P. Grebenyuk, Ph. D. (Philology), professor (Moscow)

M. N. Gromov, Ph. D. (Philosophy), professor (Moscow)

Frank Göbler, Ph. D. (Philology), Univ.-prof. (BRD, Mainz)

M. V. Ivanova, Ph. D. (Philology), professor (Moscow)

N. V. Kornienko, Ph. D. (Philology), corr. memb. of RAS (Moscow)

V. V. Lepakhin, Ph. D., professor (Hungary)

M. A. Maslin, Ph. D. (Philosophy), professor (Moscow)

A. V. Motorin, Ph. D. (Philology), professor (Novgorod)

M. V. Stroganov, Ph. D. (Philology), professor (Tver — Moscow)

N. P. Vidmarovic, Ph. D. (Philology), professor (Croatia)

V. N. Zakharov, Ph. D. (Philology), professor (Moscow)

EDITORIAL BOARD:

Chief Editor — A. N. Varlamov, Ph. D. (Philology), professor

Deputy Chief Editor — Kamchatnov A. M., Ph. D. (Philology), professor

Members of the Board:

I. I. Bolychev, Candidate of Philology, associate professor

V. I. Gusev, Ph. D. (Philology), professor

O. A. Kaznina, Ph. D. (Philology), professor

B. A. Leonov, Ph. D. (Philology), professor

I. A. Shishkova, Ph. D. (Philology), professor

L. M. Tsareva, Ph. D. (Economics), professor

S. A. Vasyliiev, Ph. D. (Philology), professor

I. A. Yesaulov, Ph. D. (Philology), professor

S. N. Yesin, Ph. D. (Philology), professor

A. I. Zimin, Ph. D. (Philosophy), professor

Scientific editor — E. E. Yurchik, Ph. D., associate professor

Managing editor — E. V. Dyachkova, Ph. D., associate professor

Proofreader — A. G. Elatontseva

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- «Упавшее небо»: к истории создания романа «Города и годы» К. Федина.
Статья и публикация Н. В. Корниенко 6
- В. Е. Добровольская*. «Царевна у нас урода!»: сюжет и образный мир
русской волшебной сказки «Безручка» (СУС 706) 48
- Б. Н. Тарасов*. «Жизни странная звезда»: Тема человека и золота
в «Дон Жуане» Байрона и её переключки в русской
и французской литературе 60

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Этюды как экзамен. *Опыты и начало теории (Продолжение)* 68

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА

- М. В. Зоркая*. Вольфганг Казак и Литературный институт 80
- Е. А. Попов*. Ржавая винтовка и русская литература
спасли Вольфганга Казака 85

РЕЦЕНЗИИ

- Ю. А. Азаров*. Памятник Федину 90

ХРОНИКА

- «Розановские встречи» — 2017 (*И. А. Едошина*) 94
- «Меня будут читать через много лет...»: Литературный вечер
к 125-летию со дня рождения К.А. Федина (*Е. М. Трубилова*) 99

- SUMMARY 124

CONTENTS

THEORY and HISTORY of LITERATURE

- “The Fallen Sky”: to the History of the Creation of Konstantin Fedin’s Novel
“CITIES and YEARS.” Article and Publication by *Natalya V. Kornienko* 6
- Varvara E. Dobrovolskaya*. “Our Princess is a Cripple!”: the Plot and Images
of the Russian Fairy Tale “The Maiden without Hands” (ATU 706) 48
- Boris N. Tarasov*. “The Strange Star of Life” (the Theme of a Human Being
and Gold in “Don Juan” by Byron and its Links to Russian
and French Literature) 60

LITERARY EDUCATION

- A Sketch as an Exam. *Experiments*
and the Beginning of Theory (Continuation) 68

FROM the HISTORY of LITERARY INSTITUTE

- Maria V. Zorkaya*. Wolfgang Kasack and the Literary Institute 80
- Evgeny A. Popov*. A Rusty Rifle and Russian Literature
Saved Wolfgang Kasack 85

REVIEWS

- A Monument to Fedin (*Yuriy A. Azarov*) 90

CHRONICLE

- «The Rozanov Gatherings» – 2017 (*Irina A. Edoshina*) 94
- «My Books will be Read after Many Years ...» Literary soiree
to the 125th Konstantin Fedin’s anniversary (*Elena M. Trubilova*) 99

- SUMMARY 124

УДК 821.161.1; 82-3

Н. В. КОРНИЕНКО*

«УПАВШЕЕ НЕБО»: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РОМАНА «ГОРОДА И ГОДЫ» К. ФЕДИНА

В работе исследуется история создания романа К. А. Федина «Города и годы». В Приложениях представлены тексты Федина, которые послужили основой для романа, также анализируются различные источники, оказавшие влияние на формирование этих текстов. Роман не просто одно из иллюстративных произведений об интеллигенции в революционных событиях; показан глубинный смысл его художественного своеобразия и перспектива его развития в последующей литературе: субъективное восприятие героем-интеллигентом окружающей его действительности находится в контексте исканий ведущих русских философов того времени, переводивших разговор о миссии интеллигенции на новый уровень содержания жизни и делавших предметом рефлексии и беспощадного самоанализа собственную мысль интеллигенции о человеке, русской и мировой истории и культуре.

Ключевые слова: Константин Федин, «Города и годы», русская литература 1920–1930-х годов, интеллигенция, революция, Старцов, Никита Карев.

О романе «Города и годы» написаны диссертации, опубликованы монографии; библиография статей насчитывает несколько сотен наименований. История восприятия романа — это отдельная большая, сложная и одновременно фантастически интересная тема с очень непростыми вопросами не только к писателю, но и к исследователям русской литературы XX в.

1) Когда роман «Города и годы» ушёл из актуального поля не только филологической, но и литературной мысли и почему это произошло?

2) Как так случилось, что история вокруг публикации романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» заслонила тему глубоких творческих связей и перекличек романов Федина «Города и годы» и «Братья» и романа «Доктор Живаго»?

3) Насколько точен сам Федин в своих поздних высказываниях о романе «Города и годы», что он-де не исправлял его текст? На последний вопрос впервые даёт ответ статья Е. М. Трубиловой, готовящей издание романа «Города и годы» в серии РАН «Литературные памятники» [20, 45–56]. Направления проведённого в начале 1950-х гг. радикального исправления текста

---

* Наталья Васильевна Корниенко — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующая Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы РАН имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); info@imli.ru

романа «Города и годы» (добавим, что в это же время принимается решение о редактировании романа «Тихий Дон», назначается редактор нового издания романа) позволяют отчасти ответить на первый и второй поставленные нами вопросы. Именно в это десятилетие формируется новая концепция истории советской литературы, в которую, не без помощи проведённой редакторами работы, а также концептуальных построений филологов и критики, вписываются первые романы Федина... Заметим, что именно на вторую половину 1940-х — первую половину 1950-х приходится работа Пастернака над романом «Доктор Живаго». Восприятие Фединым «Доктора Живаго» и его отношение к публикации романа на Западе — это две разные темы, они, естественно, пересекаются, но не тождественны. Суждение Федина о «Докторе Живаго», зафиксированное в дневнике К. И. Чуковского (запись от 1 сентября 1956 г.), является своеобразным камертоном судьбы главного героя первого романа самого Федина — «рохли» Андрея Старцова: «А роман, как говорит Федин, “гениальный”. Чрезвычайно эгоцентрический, гордый, сатанински надменный, изысканно простой и в то же время насквозь книжный — автобиография великого Пастернака. (Федин говорил о романе вдохновенно, ходя по комнате, размахивая руками — очень тонко и пронизательно, — я залюбовался им, сколько в нём духовного жара.)» [25, 240]. Совсем скоро пастернаковский интеллигент Юрий Живаго получит другие характеристики литературной общественности, правда, по масштабу выявленных идеологических пороков Живаго явно уступал обвинениям, предъявленным в 1920-е гг. Андрею Старцову, также автобиографическому и «насквозь книжному» герою романа Федина.

Подчеркнём, что в двадцатые годы мимо романа «Города и годы» не прошёл ни один из ведущих критиков, о нём говорили и писали в русском зарубежье, роман читался и страстно обсуждался собратями-писателями... Это первый русский роман на жгуче актуальную для времени, живую и в некотором смысле сокровенную для каждого писателя — вне зависимости от его политической ориентации (попутчики, пролетарские, внутренние и внешние эмигранты, сменовеховцы и т. п.) — тему самоопределения молодого русского интеллигента нового века в революционной современности. К роману возвращаются и в тридцатые годы, возвращаются, хотя уже написаны «Братья» и бесприютному Старцову, кажется, найден выход. Никита Карев — художник, и хотя он заканчивает свою жизнь, как и Андрей Старцов, на «пустыре», фактически в пустыне полного, почти экзистенциального одиночества, но он композитор. В возвращении на родину его спасение как художника, а в традиции сокровенной связи с русской жизнью, «одушевлении» реальности открываются для Карева не разрывы, а связь современной и исторической России:

«Он не ошибся: источник, питавший его воображенье, неиссякаемо бил на родине, там, где он впервые увидел мир, где возникали и забывались первые противоречия любви и жестокости. И он мучительно хотел вознаградить эти камни, деревья, дома, весь этот убогий и милый клочок земли, вознаградить созданием, достойным их расточительности. Он наделял бессловесный, жалкий степной оазис волей и великодушием, он чувствовал себя должником яблоневых садов, тихого, стоячего Чагана, сгнившего крыльца у избы Евграфа, пуганых зарослей луки.

Он думал о родном, о повелевающей силе родного, о том, что созданное человеком создано преемством, и, если сын имеет уши, он должен услышать голос камня, положенного отцом, — и счастлив тот, кто его слышит» [22, т. 2, 210].

Как и герой первого романа Старцов, Карев-музыкант потерял всё, и одновременно он приобрёл весь мир через своё искусство. Дисгармония мира побеждается гармонией созданной им симфонии. Понятно, что это — формула решения самого Федина-писателя, что замечательно прочитал в «Братьях» Борис Пастернак. Письма Пастернака Федину 1928 г. исполнены страстными и откровенными признаниями о близости и «однотипности» материала («Германия, музыка, композиторская выучка, история поколения»); он страшится своей зависимости от найденных Фединым решений («Явился страх (так близок мне Ваш мир), что Вы заподозрите меня в подражании Вам») [8, 164] и не скрывает восхищения найденными в «Братьях» решениями нравственно-этических коллизий, всегда возникающих, когда художник, заключив «добровольную сделку» со своим временем, примиряет в реальности непримиримые стороны и факты, «замирает память» и склоняет «факты» любовью, заботясь лишь об одном — «о восстановлении нарушенной нравственной преемственности» [8, 165–166]. Ответные письма Федина свидетельствуют, что он был несколько смущён и даже насторожен потоком восторженных признаний Пастернака об их близости и общей для них автобиографичности творчества... Действительно, для лирического героя Пастернака 1920-х гг. и фединского Никиты Карева музыка — это высшее искусство... Однако в отличие от поэта прозаик всегда имеет дело с событием, фактами действительности, часто с реальной хронологией, строит сюжеты и персонажей жизни, в общем, несколько по-иному работает над текстом произведения. Заметим, что формула героя-интеллекта «Братьев» Никиты Карева, генетически восходящая к герою первого романа Федина, отличается от него совсем малым: Карев наделён талантом музыканта, и не просто, как Старцов, жил в дореволюционной Германии, но учился там музыке... Во всём остальном рисунок жизни героя в «Братьях» повторяет контуры пути Старцова — как в сфере любовно-лирической, психологической, так и культурно-исторической. Потенциально возможность решения и выхода для героя-интеллекта, найденная в «Братьях», уже существует и в первом романе, но для этого Старцов должен стать художником и некоторым образом повторить путь самого молодого Федина, который начал писать в 1910-е годы (многие его ранние рассказы написаны в Германии)... Такой, в некотором смысле облегчённый — литературно-книжный — вариант пути героя-интеллекта несколько раз возникает в романе. Практически уже на первых страницах из письма Старцова к Мари мы узнаём, что Андрей не смог ответить на вопрос о своей профессии:

«Недавно я хлопотал о каких-то бумагах. Мне задали вопрос: ваша профессия? Я не мог ответить. Мне вдруг пришло в голову: к какой профессии готовился я прежде? Я сбился, вышло глупо» [21, 12].

Примечательно, что первая встреча Андрея и Курта в революционной России начинается с философского вопроса, что такое человек и человечество, перерастающего в тему литературного труда и нового романа:

«— Ты никогда не пробовал писать?

— Нет, не пробовал, — сказал Андрей.

— Я тоже нет. Но я как-то думал, что романы пишут так же, как строят ящики. Надо, чтобы каждая доска всеми сторонами сошлась с другими досками. Так, по крайней мере, писали романы до войны. Теперь и в романе нельзя, наверно, в одном месте свести больше двух человек разом. Клей не годится, не держит.

— Старый клей? — спросил Андрей.

— Конечно, старый» [21, 282].

Замечательное наблюдение о романе «Города и годы» принадлежит исследователю русской классической литературы (и автору первой монографии о Федине 1934 г.) литературоведу Д. Тамарченко. Если «критерием художественности является степень верности отражения тем или иным писателем существенных сторон действительности», то следует признать, что оба романа Федина не вписываются в эту парадигму реализма, ибо они по-другому написаны и о другом: «... есть такие произведения художественной литературы, в которых это *отношение к миру* является основным объектом изображения (курсив наш. — Н. К.)». Для Тамарченко, как и других его современников, было очевидно, что роман Федина ни к пролетарскому реализму, ни к социалистическому реализму отнести невозможно объективно. О чём роман? — О революции? Нет, утверждает исследователь, потому что ни война, ни революция не показаны в действии, а даются сквозь призму восприятия главного героя — «неопределённой профессии интеллигента — Андрея Старцова» [17, 82], и именно самоанализ и рефлексия этого героя являются сюжетным содержанием и нервом романа.

Часто можно встретить утверждение, что интеллигенция — это часть нации, имеющая самостоятельное суждение, и что в этом-де её ценность и статус. А что, рабочий или крестьянин не имеют самостоятельного суждения и их суждения менее ценны для истории?.. Федин в первом романе идёт на предельное обнажение и заострение самой темы интеллигенции, не даёт Старцову ни литературного, ни иного простого выхода из свода той проблематики русской истории, с которой соотносится само понятие русской интеллигенции и обозначается её место в отечественной истории, прежде всего в революциях 1905 и 1917 гг. Замысел романа об интеллигенции возникает у молодого Федина в знаменитом 1922 г., когда из России в Европу отчалит «философский пароход» с авторами «Вех» (1909) и «Из глубины» (1918), русскими интеллигентами, давшими самый жёсткий анализ «вклада» русской интеллигенции с её идеалами европейского гуманизма в «совершившееся крушение» России. Русские философы предложили перевести разговор о миссии интеллигенции на новый уровень содержания жизни и сделать предметом рефлексии и анализа её *собственную* мысль о человеке, русской и мировой истории и культуре. И похоже, именно эта позиция беспощадного *самоанализа* оказалась наиболее близка Федину.

Мы остановимся на автобиографичности именно этой — рефлексивной — линии романа, обратившись прежде всего к истории его создания — тем материалам, которые входят в генетическое досье романа, а также к биографическому и литературному контексту времени работы над текстом. Судя по признанию самого Федина (запись в дневнике 1928 г.), важнейшим источником в работе над романом «Города и годы» являлись его дневники:

«Первый мой “дневник” — 1913–14 гг., вёл в Москве, на Ордынке. Пожалуй — самые неотступные и болезненные мечтания о литературной работе, о писательстве. <...>

Второй: в Zittau i/Sa, 1915–1918, очень плодотворное время, о германском тыле, роман “Глушь”, рассказы. (Многое — в “Городах и годах”.)

Третий: в Görlitz’e, летом 1918.

Четвёртый: продолжение тетради 1913–1914, вёл в Москве и Сызрани в 1918–19 г. Иногда бывало необъяснимо тревожно (в Сызрани, летом 1919). Тетрадь хоронилась в бане, за кирпичом печного чела.

Пятый: в Петербурге, в 1919–1921 гг. В нём — всё начало “настоящей” литературной работы, весь надлом весной 1921 года (Кронштадт), кое-что о первом периоде Серапионовых братьев, знакомство с Горьким и др. писателями. <...>

Первый, второй, четвёртый, пятый дневники сожжены в 1925 году. Третий потерялся в Германии. Из четвёртого сохранились записки о встречах с М. Горьким¹.

К автобиографическому материалу, являющемуся частью творческой истории романа, относится публицистика Федина в газетах Сызрани (1919 г.) и Петрограда (1920 г.). Генетическое досье текста также представляют автограф романа и «материалы» к нему, переданные Фединым в Пушкинский Дом, переданные, думается, с надеждой, что они когда-нибудь будут прочитаны и введены в научный оборот. Переписка Федина времени работы над романом (1922–1924) позволяет восстановить основные этапы работы над произведением, отражённые в «Материалах к роману».

Папка «Материалы к роману» частично восполняет материалы утраченных дневников и наполняет реальным содержанием рассказ Федина о работе над романом «Города и годы», известный по знаменитой и часто цитируемой статье «Как я работаю» (1930). Кажется, Федин ничего не утаил в рассказе о том, как он написал роман «Города и годы» — «книгу, “отставшую от эпохи”», когда сообщает, что «драгоценнее всего» для него как писателя оказались «клочки и обрывки бумаг, собранные когда-то в Германии и сохранившиеся в ящике стола, да торопливые записи, которые я носил с собою в вещевом мешке несколько лет назад» [24, 116–117]. Читая подобное признание писателя, естественно было задать вопросы: а были на самом деле эти «торопливые записи»? сохранились ли? и главное — о чём они? В поисках ответа на эти простые вопросы я обратилась к материалам, переданным Константином Александровичем в Пушкинский Дом, ознакомилась с ними и поняла, что Федин в 1930 г. ничего, кроме общих слов на тему «как я работаю», не сказал, а упоминаемые им уникальные материалы творческой истории романа не введены в научный оборот. Судя по листу использования, папку с рабочими материалами к роману брали и читали, правда, не так часто². Почему

¹ Дневник К. Федина цитируется по авторизованной машинописи, хранящейся в семейном архиве дочери писателя Н. К. Фединой.

² К папке «Материалы к роману “Города и годы”» в 1980-е гг. несколько раз обращалась заведующая отделом новейшей русской литературы Пушкинского Дома Н. А. Грознова, делала выписки для монографии и публикации в журнале «Русская литература» (ИРЛИ. Ф. 172. Ед. хр. 1166. Лист использования); в 1992 г. (год столетия К. А. Федина) Наталья Александровна просматривала папку с автографом романа (ИРЛИ. Ф. Р1. Оп. 1. Ед. хр. 124. Лист использования).

записи не публиковались, тоже понятно. Федин — признанный классик соцреализма, уже сложилась и утвердилась концепция эволюции Федина, с акцентом на плодотворные уроки М. Горького, который помог молодому Федину изжить идеалистические представления о России, русском крестьянине и «жалостливой» русской литературе. «Рабочие материалы» к самому идеологически невнятному роману, каким является роман «Города и годы», всем своим содержанием разрушали данные представления о Федине и вносили явный диссонанс в мирный рассказ самого Федина 1930 г. о том, как он писал первый свой роман... Если в оттепельные и «застойные» годы «торопливые записи» к роману не пропустила бы цензура за их «веховское» содержание и антисоветский характер, то в наступившие перестроечные и антисоветские годы этими материалами просто никто не интересовался, так как Федин был «сброшен» с парохода актуальной русской литературы и без особой рефлексии вписан в литературу соцреализма.

Папка с рабочими материалами к роману «Города и годы» позволяет внести значительные уточнения в генетическое досье романа, т. е. более полно представить и описать материалы раннего творчества Федина, которые прямо или косвенно были использованы писателем в работе над романом. К уже ранее отмеченным исследователями статьям, очеркам и рассказам 1919–1921 гг. [26, 267–294] можно добавить рассказы о войне и мире 1915 и 1916 гг., находящиеся в указанной папке (это в основном автографы, выполненные в старой орфографии): «После госпиталя» (апрель 1915), «Патриотическая индустрия» (12 мая 1915), «Настроение» (24 февраля 1916), «Тоска по миру» / «Мира» (13 июля 1916), «Тоска» и др.

Папка с рабочими материалами — это своеобразная записная книжка к роману, хранилище самых разных источников текста; в папке находятся: первые записи к роману; планы композиции романа; редакции и варианты глав и отдельных сцен; наброски к образу Старцова; автографы завершённых и незавершённых произведений; автограф рассказа «Актриса», машинопись опубликованного рассказа «Дядя Кисель» с авторской правкой; немецкие бланки и извещения; вырезки из немецких газет и т. п. Лишь некоторые материалы из этой драгоценной и бесценной папки представлены в нашей публикации: два рассказа 1916 г. (Приложение 1)¹, первые записи к роману (Приложение 2), автограф не вошедшей в роман главы (Приложение 3), лист с вариантами заглавий романа (Приложение 4). Мы сочли возможным включить в предварительные материалы варианты эпиграфов к роману (Приложение 5), которые находятся в папке с автографом романа.

Сама история написания первого романа, отложившаяся в названных материалах (они, безусловно, ждут самостоятельного описания), весьма непросто переплетается с перепиской Федина времени работы над произведением.

Начнём с датировки работы над романом. Первые упоминания о романе появляются в начале 1922 г. в письме А. Воронскому от 13 февраля 1922 г.: «Я задумал современный большой роман. Он охватит *наши изумительные годы и людей*, каких я видел в Германии, в Польше, на Волге, в Москве и Петербурге. При более или менее благоприятных условиях я окончу работу через год (курсив наш. — Н. К.)» [12, 23]. Сообщение о романе занимает

¹ В Приложение 1 также включена одна статья Федина 1919 г., опубликованная в журн. «Отклики» (Сызрань).

небольшое, но весомое место в письме, в целом посвящённом ситуации отношений серапионов с петербургскими «стариками» и Е. Замятиным, от которых Воронский старался оторвать молодых писателей... Красочное художественное определение времени «наши изумительные годы» вписывается в контекст выработки в 1921–1922 гг. серапионами, в том числе и молодым Фединым, стратегии-тактики отношения с влиятельным московским чиновником, поставленным новой властью управлять современной литературой. К роману «изумительные годы» не имеют никакого отношения: там эта эпоха и её герои предстают скорее отчаявшимися «детьми страшных лет России» (А. Блок)... Контекст упоминания о работе над романом важен и при чтении других писем Федина 1922–1924 гг.

В письме к Горькому от 28 августа 1922 г. с подробным и даже несколько весёлым рассказом о жизни серапионов, о том, кто из них над чем работает, о себе Федин сообщает в общем ряду: «Точно сговорившись, все мы засели за “романы”. <...> я — роман о войне и революции» [12, 40–41]. Из письма можно понять, что Федин «бьётся над поисками формы» романа, её адекватности содержанию: «Очевидно, одно и то же можно сказать по-разному. А раз так — как идти, чтобы не сорваться в пропасть?» [12, 42]. Именно этот присокровенный вопрос, на который, кстати, Горький не будет отвечать, нам представляется, имеет отношение не столько к проблемам формотворчества, а к самым что ни на есть насущным вопросам жизни человека и культуры, которыми в августе жил весь Петербург. Весёлая интонация в письме безусловно также имеет свои веские причины. 28 июня в статье Воронского, опубликованной в главной газете страны, «Правде», четверо серапионов — Вс. Иванов, Н. Никитин, К. Федин, М. Зощенко — названы надеждой новой русской литературы, идущей на смену эмиграции и прежним «властителям дум». 28 июля В. Каверин на открытом собрании Серапионовых братьев, посвящённом столетию Гофмана, делает доклад «Речь к столетию со дня смерти Э. Т. А. Гофмана» — о «великом писателе Запада», который доказал, что «магия невероятного живёт рядом с нами» [5, 22–24]. 1 августа выходит третий номер журнала «Литературные записки», в котором печатаются дерзкие, ироничные и даже весёлые автобиографии серапионов и статья Л. Лунца «Почему мы Серапионовы Братья». В центральных московских и петроградских газетах начинается обсуждение выступления молодой группы... Эти бурные литературные события разворачиваются на отнюдь не весёлом, а скорее трагическом фоне петербургской реальности, когда, перефразируя строки Федина, можно было легко «сорваться в пропасть», причём не метафизическую, а самую что называется реальную.

Август 1922 г. оказался для Петрограда не менее мрачным, чем август 1921 г. (смерть Блока, расстрел Гумилёва). Завершился начавшийся в мае суд над митрополитом Петроградским Вениамином и его паствой. Каждый день «Петроградская правда» в специальной колонке «Суд над церковниками» сообщала о работе революционного трибунала, обрушивая на читателя потоки сфабрикованных обвинений: «Это суд над старой церковью, крепко спявшей себя с российской контрреволюцией, суд над церковью, которая после разгрома белогвардейщины продолжает под сенью креста контрреволюционную работу Колчака и Деникина» [13, 1]; «Вениамин Петроградский раскладывает костёр гражданской войны в стране, самозвано выступая против близкой к

народным низам части духовенства (речь идёт о послании митр. Вениамина к православной пастве, в котором была осуждена “обновленческая” церковь, а возглавивший обновленчество прот. А. Введенский был отлучён от церкви. — *Н. К.*) Карающая рука пролетарского правосудия укажет ему его настоящее место» [14, 1]); «Церковь “православная” не выдержала испытания. Она провалилась. Она избалована. Она — преступница. По делам и воздастся её преступным “апостолам”» [15, 1]. 6 июля «Петроградская правда» извещала читателей о вынесенном трибуналом приговоре: к высшей мере наказания были приговорены 22 человека. В ночь с 12 на 13 августа митрополит Вениамин был расстрелян (прославлен в лике святых в 1992 г.). В подобной же стилистике освещался и другой, не менее громкий процесс — процесс эсеров: «Контрреволюция стоит перед судом Революции. Как ни извиваются предатели и убийцы, им не избежать тяжёлой руки пролетарского правосудия» [16, 1]. 7 августа поздно вечером, на 49-й день процесса, верховный трибунал объявил приговор по делу петербургских эсеров (суды над эсерами шли не только в столицах, но и в других крупных городах). 11 августа все центральные газеты печатают речь Г. Зиновьева «Возрождение буржуазной идеологии и задачи партии», с которой он выступил на Всероссийской партийной конференции (открылась 4 августа), и принятую конференцией резолюцию. 29 августа на пленуме Петросовета глава питерских большевиков Г. Зиновьев, один из инициаторов высылки русских философов, сформулировал вопрос идеологии — для бывшей столицы Российской империи и её представителей: «Арестовывая и высылая враждебных нам интеллигентов, мы знаем, на что идём. Особенно это относится к Петрограду, в котором много интеллигентных сил и где имеется масса учёных и учебных заведений. <...> значение акта, предпринятого против части интеллигенции, можно кратко сформулировать словами, что — “кто не с нами и не хочет помогать возрождению России, тот против нас”» [16, 3].

Записи, которые мы даём в Приложении 2, относятся именно к 1922 г. Очевидно, что в контексте уничтожения старого Петербурга и нужно читать сохранившиеся первые записи к роману (это 9 листов одного формата). Запись на л. 1 «Начато в мае месяце 28 числа 1922 года» с тремя заглавиями романа — «Зачатье», «Семь лет», «Проволочный человек» — отмечен первый подступ к роману (л. 1–2). Признание Старцова «Моя вина в том, что я не проволочный» [21, 13] (первая глава романа «Глава о годе, который завершил роман»), — появляется в его исповедальном письме к Мари, являющимся важнейшим историко-философским метатекстом всего романа. Письмо Старцова датировано 13 июня <1921 г.>.

Записи насыщены интеллектуальной атмосферой Петрограда 1922 г., философскими вопросами культуры, наполнены бытийной трагедией России, «достоевскими» темами и героями, той метафизикой русской истории, вокруг которой разворачивались идейная схватка и шли политические баталии в первый год нэпа. Вопрос нового человека из сферы интеллектуально-дискуссионной и литературной (теории «производственности» Пролеткульта, «жизнестроения» футуристов, «Восстания культуры» А. Гастева, «Заката Европы» О. Шпенглера и др.) перешёл тогда в самую наипрактичную и современную. Власть не скрывала откровенно атеистического характера новой идеологии, презрения к исторической и литературной традиции России, ути-

литарного отношения к вопросам культуры: «1) переделка самой психологии человека; 2) соединение марксистской теории с американской практичностью и “делачеством”; 3) уничтожение гуманитарного направления в образовании и замена его техническими практическими знаниями; 4) замена универсализма специализацией; 5) физическая, волевая и умственная тренировка человека» [3, 3]. Это не краткое изложение проекта Великого Инквизитора («Братья Карамазовы») или труда Шигалёва («Бесы»), а тезисы доклада одного из вождей и теоретиков нового государства, опубликованные в начале 1922 г. на страницах газеты «Правда». Упоминание «шигалёвщины» в фединских записях о новом человеке вполне вписывается в философский контекст первого романа. К «общественной формуле» исторического прогресса Шигалёва — «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [4, 311] — в эти годы не раз обращались русские философы в своих размышлениях о «духах» русской революции, «крушении гуманизма», «бесноватости русских революционеров» и антихристианских основах «социалистического муравейника»: «Все русские революционеры-максималисты смотрят так, как смотрел Шигалёв, все ждут разрушения старого мира послезавтра утром. И тот новый мир, который возникнет на развалинах старого мира, есть мир шигалёвщины» [1, 89].

Упомянутая в записях к роману статья с евангельским заглавием «И на земле мир...» (1919) также указывает на глубинные связи философских исканий молодого Федина с русской религиозной мыслью XX в. Философско-публицистические статьи Федина 1919 г., с их «сомнительной философией» (по характеристике Горького) и «остатками ошибочных идеалистических концепций» [26, 276], отзовутся в большом своде «проклятых» вечных вопросов жизни и культуры, вопросов Достоевского и Толстого, которыми мучится и от которых так и не сможет отказаться герой («рохля») Старцов и автор. «Победа достигнута, но благоденствия не наступило не только у немцев, но и у англичан, французов и прочих «победителей. <...> Все страны оказались инвалидами, нуждающимися в лечении. Победителей нет» (статья «Версаль — этап мировой революции», 1919); «...мировая война вскрыла вены, и кровь хлещет из них, как из рукава» (статья «И на земле мир...», 1919) [26, 271]. Это — из публицистики Федина 1919 г., в которой язык официальной идеологии («мировая революция») во многом поглощается и преодолевается языком русской литературы, а мировая революция мыслится не как перманентная гражданская война во всём мире, а как всеобщий мир после кровавой бойни мировой войны. Этими мечтаниями о мире живут в германском плену мужик Лепендин и интеллигент Старцов, своеобразные литературные двойники толстовской пары в романе «Война и мир» (Пьер Безухов и Платон Каратаев в плену у французов). Толстовскими и достоевскими вопросами войны и мира болеет сам автор романа, о чём и говорят его записи и пометы на полях страниц рукописи романа. Мы приведём лишь некоторые из этих авторских комментариев разной направленности.

Две страницы с записями под эмблематическим названием:

«Основное

Нужно, необходимо что-то сделать, чтобы не было страданий.

Война ужасна.

Война — позор, крах, зло [*цивилизации*], проклятие!
Пока война — нет ничего, не о чем спорить, нечего добиваться.
Революция — борьба со злом, позором.
Революция — протест против страдания!
Вот почему —

Ещё ничего не кончилось.

Старцову, поэтому, нужно видеть страдания, чтобы загораться ненавистью и идти в революции самой — страдание и это отталкивает Старцова и он нигде не может жить органически, войти в жизнь, свариться с нею, как сваривается гвоздь или болт с обломками железных рельсов.

Так он и бежит!

[*В наше время надо уметь погибать — больше ничего.*]»¹ (Л. 77–78).

Вновь и вновь Федин возвращался к «основной» теме романа — войны и мира в новом веке. В папке сохранилось огромное количество записей с вечными вопросами к этой вечной теме человеческой истории:

«К гл. I о 1914.

В Германии — почему все обрадовались войне? Не потому ли, что она разбила невыносимые условия обычной жизни, быта и вдохнула в каждую душу — замурованную в стену цивилизованного рабства — надежду на... что? Надежду на что-то!» (Л. 13);

«Он вечно разгадывает — как могло случиться, что человечество ввергло себя в войну. И его не успокаивает никакая разгадка.

Вся революция покрывается войной.

Война — это главное событие, она — всё.

Человек, который был потрясён (поражён) войною, раз и навсегда выбывает из строя обычных людей. Его воображение поражено язвой. Она неизлечима. Такой человек вечно думает о войне. Он пропитан ею, как море пропитано солью. Отнимите от него эту его вечную думу о войне — его существование потеряет смысл.

<на обороте листа:> Тем, что я написал этот роман, я обязан двум своим дурным качествам: лени и упрямству» (Л. 27–27 об.);

«1919

С тех пор, как на яблоне повесили человека, она перестала цвести» (Л. 50).

Некоторые из записей Федина приоткрывают лабораторию рождения его математически точных и блистательных формул. К примеру, эта запись: «Газеты — насекомые = распространители эпидемий» (Л. 33), представляющая формулу любой агитпропаганды, появляется на полях большого «документа» из эпохи Гражданской войны, со всеми характерными для него темами, интонациями и клише:

«Из резолюции, помещенн. в “Изв. Семид. Совета” после разгрома белых:

“Приветствуя полное поражение и разгром белогвардейцев, которые предательски из-за угла занесли руку на наш уезд и подняли кулаков-пайков

¹ Материалы к роману К. Федина «Города и годы» // РО ИРЛИ. Ф. 172. Ед. хр. 1166. Далее материалы из данной папки цитируются по данному источнику с указанием листа в тексте статьи. Фрагменты печатаются по нормам современной орфографии, авторская пунктуация сохраняется. Сокращённый текст даётся курсивом и заключается в прямые скобки [ ], новый вариант или вписанные сверху слова даются полужирно. Сокращения, если они легко прочитываются, сохраняются; при раскрытии сокращений используются угловые скобки <>.

Саньшинской волости в лице товарищей, которые приняли участие в разгроме названных зелёных банд. Мы клеймим позором и пролетарским проклятием всех, кто осмелится помешать мирному восстановлению труда, которому мешает из злобы и ненависти буржуазия. Но мы не боимся её угроз. Победа недалеко и за нами.

Общими усилиями мы прорубим второе окно — в Европу и Америку, как хотел сделать Пётр I, но у него это было с враждебной целью пролетариату. Красный Семидол рука об руку с мировой революцией протянет руку народам Востока, Запада и Северной и Южной Америки, чтобы раз <i>и</i> навсегда сказать обнаглевшей буржуазии — руки прочь! Мы не позволим устраивать заговоров против власти мозолистого рабочего и бедняков-крестьян! Да здравствует Красный Семидол! [*Да здравствует мировая революция!*] Да здравствует полная победа пролетариата» (Л. 33).

Этот микросюжет, в котором безусловно нашла отражение собственная журналистская работа в 1919 г. в сызранских «Известиях, будет преобразован, и в окончательном тексте от него останется только упоминание о «воззвании семидольской ревтройки» и замеченной Голосовым в гранках опечатке в последней фразе воззвания: «Да здравствует победа рабочих и крестьян во всём пире» [21, 355]. Приведённая формула выражает отношение автора не только к данному воззванию (известно, чем занимались ревтройки), но и к другим текстам подобного типа, в частности, к тексту воззвания «друга мордовского народа» Шенау.

Записи для себя на листке из школьной тетради в клетку посвящены анализу «каратаевского» и «карамазовского» начал в Старцове.

«Старцов

А с моим маленьким добрым, куда я?

<...> Повесят белые безногого, а это вдохновит Старцова, будет за “правду” биться. А без “науки белых” (ужасы и несправедливость) Старцовы биться не умели. Бились только продкомиссары, Голосовы да Лейтсины¹ (последние научены были ещё прежде)» (Л. 52).

Несмотря на то что Евангелие в записях пишется Фединым по новой орфографии, евангельские темы истины, идеала, оправдания добра, любви, страдания, преступления, наказания и покаяния остаются главными для самого Федина и героя его романа. Характерная «запись для себя» на крохотном фрагменте листа: «1920 = А я не могу до сих пор пройти мимо нищего, чтоб не подать ему...» (Л. 68) войдёт в самохарактеристику Старцова в его знаменитом диалоге с Куртом о ненависти и любви:

«— Ужасно. Этот призрак заслоняет собою всё. Голод! Чтобы переступить через него, нужно быть очень смелым. И что за ним?

— Эх ты, революционер! Стыдно, Андрей.

— Я — революционер? Мне до сих пор совестно пройти мимо калеки, не подав ему милостыни» [21, 284].

На альбомной странице с записями «К похоронам профессора д/последней главы» после зарисовки бытовой картинки из жизни Петрограда 1920 г. записаны слова из покаянного псалма царя Давида (Пс. 50, 19):

¹ В окончательной редакции Лейтсин будет заменен на Покисена; страницы с исправлением имени героя находятся в автографе романа (РО ИРЛИ. Ф. РІ. Оп. 1. Ед. хр. 124).

«Песня о могильщиках»

Отводились участки кладбища — кресты — на продажу на топливо.

Жертва Богу — дух сокрушён, сердце сокрушённо и смиренно — Бог не уничтожит (Из Псалмов Давыдовых)» (Л. 18).

Большое место в материалах к роману занимают страницы с набросками сюжетной линии Старцова и Мари, также, как известно, в основе своей автобиографической. В планах 1922–1923 г., когда роман ещё мыслился с заглавием «Семь лет», не было ещё подглавки «Формула перехода» и 1-я глава включала только две подглавки — «Речь» и «Письмо» (листы с заглавием «Распределение по главам и подглавам и порядок глав романа “Семь дней”», л. 11). По этому замыслу Мари приезжает в Петербург летом 1920 г. на Второй конгресс III Интернационала:

«40. Ленин и Мергес на II конгрессе III Интернационала.

41. Мари приезжает вместе с Мергесом¹ и др. делегатами» (Л. 11).

Федин перебирает несколько вариантов в развитии любовной сюжетной линии. В самых разных вариантах в записях представлена тема отъезда Старцова в Германию:

«Андр. — Я уеду, уеду! Нужен конец! И он уехал. Уехал через два года — разбитый, усталый, ненужный — за своим концом. Но об этом мы знаем из рассказа о годе, который завершил роман» (Л. 11 об.).

Федин пробует в деталях описать встречу Мари с Андреем и Ритой, но, прописав её, отказывается от подробностей и набрасывает сцену ухода Мари, оставляя на полях свои комментарии:

Уходит от него.

— А он — разбитый временем и обескровленный, полупомешанный — едет за ней (весна 22 — пролог романа) с Куртом, которого встречает случайно в Пб. («Речь», «Письмо»).

М. б. Где-нибудь умирает в России? (Пропадает) Ведь она приехала, как зверь, бегущий преследователя, севером, через Скандинавию. А Андрей едет к ней в 22 году. (Л. 12 об.)

Несколько раз Федин переписывает письмо Старцова Мари, при этом во всех вариантах этот текст остаётся трагическим и безысходным по содержанию:

¹ Второй конгресс III Интернационала — одно из центральных событий 1920 г. Ещё шла Гражданская война, а в стране уже готовился грандиозный всемирный «пролетарский праздник». На страницах «Петроградской правды» печатаются сообщения о прибытии иностранных делегаций, программа грандиозного «церемониала» шествий в день открытия конгресса, которое прошло в Петрограде 19 июля. Август Мергес — делегат от Коммунистической рабочей партии Германии на конгрессе, чья позиция разошлась с московским руководством Коминтерна по вопросу о скорейшей революции в Германии (См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 51, 69). В июле 1920 г. Федин встречался и беседовал с Мергесом; основные вопросы беседы — положение в «униженной» Антантой Германии (Версальский договор 1919 г.), предреволюционная ситуация в стране: «Власть лежит в Германии на улице. — Скоро её поднимет германский пролетариат» (Германия сегодня (Из беседы с тов. Августом Мергесом) // Петроградская правда. 1920. 8 июля. С. 1. Подпись: *Пётр Швед*).

«[Мне некуда больше идти.] Но только одна дорога осталась мне — дорога к тебе.

Вот лежат позади меня годы, которые бился я, чтобы жизнь приняла меня. Смотри, вот сочится из-под ногтей моих кровь: это я царапал двери, как пёс, чтобы открылись они.

Будет гадко, если ты пожалеешь меня. Я не хочу. Не надо. <...> Но выслушай. И не кричи, о, не кричи, как тогда!

Я всё ищу [какое-нибудь] слово, каким можно передать тебе всё. И слова нет. Надо рассказывать по порядку. С этим я приду к тебе.

А сейчас (Фраза не завершена. — Н. К.)» (Л. 21);

«В Письме!

Все эти годы смешались для меня, слились, как лигатура с благородным металлом, в одно сплошное — страдание. Но за страданием все эти годы необъяснимый подъём и небывалая жажда жить — подъём, какого никогда не было» (Л. 34).

С вариантом гибели Мари в Петрограде соотносится и другой вариант конца романа в новой структуре романа, более близкой к окончательной (Л. 36–37 об.):

«Конец романа

Но конец его (Старцова) произошёл в год, который не участвует в этом романе.

Насколько же он (А. Старцов) счастливее нас, что не узнал о смерти Мари.

На этом месте нужен эпилог. Но всё, что мы могли бы сказать о конце Андрея, рассказано нами в прологе и мы только позавидуем ему» (Л. 37 об.).

Но и это ещё был не конец романа. Федин напишет другую, более оптимистическую историю Мари и сделает ещё не один набросок с записью «Конец». Приведём ещё один набросок, сделанный на листах из записной книжки с записью «Конец», и представляющий один из вариантов финала романа (в издании подглавка «Мы квиты, товарищ Старцов» заключительной главы романа):

«Как это странно. Вот мы кончаем повесть о человеке, который неустанно стремился к делу и который ничего в жизни не сделал... Мимо него прошли люди.....

Доброй воли не достаточно, чтобы принять участие в этой жизни. Нужны ещё (м. б. больше) простые, неказистые качества, помогающие столяру делать столы, химику — краски, механику — моторы.

Нам нужно пожалеть Старцова не только потому, что ему не суждено принести пользу, но и потому, что это трагично — хотеть и не мочь.

М. б. и Курт пожалел его, помогши уйти ему со света??» (Л. 74).

Здесь произнесена очень важная для новой молодой русской литературы характеристика эпохи «семи лет» как трагической. «Это трагично» Федина весьма близко по интонации и пафосу размышлениям А. Толстого лета 1922 г.:

«Новая личность *сострадательна* с революцией, или соокаянна с ней. <...>

Жестоко и мужественно новый русский поэт и прозаик не отделяет себя от русского, трагического бытия.

Трагичность, мужественность, страстность (уклон в фантазию, романтизм), жестокость и, очень часто, цинизм, — вот намечающаяся характеристика новой русской литературы.

На крови и бедствиях заложен фундамент, на котором строится новый храм трагедии. Фундамент трагедии — миф. Фундамент новой, русской трагедии — миф революции: её роковая последовательность, её противоречия, её высоты и бездны, её обольщения и непереносимый ужас, её сложная, многоголосая, как фуга, сама себя уязвляющая, иступлённо творческая, славянская душа. Её неотделимое участие в совершающемся.

<...> Они же, новые писатели, — дети полей войны. А на полях войны — нет прикрас: грязно, кроваво, честно и мужественно.

И ругаются на полях войны военными, нечеловеческими словами.

<...> В поэзии — трагический диалог. В прозе — диалог рассказчика, повествователя (крутой поворот к Гоголю, к Гофману)» [18, 5–6].

Обратим внимание на приведенную в Приложении 2 запись к роману: «Андрей Старцов (“Mitläufer”; центр романа)». Взятое в кавычки немецкое слово в переводе означает важнейшее политическое понятие, которое в 1922 г. было введено Л. Троцким и стало одним из базовых в литературно-политическом языке первого советского десятилетия: «попутчик». Ещё один контекст прочтения романа как энциклопедии попутчика, идеологический портрет которого был дан в статье Л. Троцкого «Литературные попутчики революции» («Правда». 1922. 3 октября):

«Они не охватывают революции в целом, и им чужда её коммунистическая цель. Они все более или менее склонны через голову рабочего глядеть с надеждой на мужика. Они не художники пролетарской революции, а её художественные попутчики в том смысле, в каком это слово употребляется старой социал-демократией. Если внеоктябрьская (по существу противооктябрьская) литература есть умирающая литература буржуазно-помещичьей России, то литературное творчество “попутчиков” есть своего рода новое, *советское народничество*, без традиций старого народничества и — пока — без политических перспектив. Относительно попутчика всегда возникает вопрос: до какой станции? Этого вопроса нельзя сейчас, однако, предпретить и в самой приблизительной степени» [19, 56].

Старцов — трагическая фигура, и стоящая за ним философская, литературная, этическая традиция не фикция, а реальность, без которой мир проваливается в «шигалёвщину». Миру не хватает любви евангельской, той любви к маленькому человеку, которой был наделён толстовский Каратаев и которую исповедовала русская классическая литература. Риторический вопрос о Курте будет переформулирован в жёсткое рациональное умозаключение, которым завершается роман: «Когда же наступил этот год, Курт сделал для Андрея всё, что может сделать товарищ, друг, художник» [21, 408].

В 1922 г. роман ещё мыслился с посвящением Серапионам и, очевидно, летом появилось ещё одно его заглавие — «Ещё ничего не кончилось». Именно это заглавие представлено в публикации фрагмента из романа в сменовеховском журнале «Россия» (1922. № 4): «Как это по-вашему? (Из романа “Ещё ничего не кончилось”»». Тёплые и ободряющие слова шлёт Федину Борис Пильняк в письме от 23 декабря: «...прочёл я твой отрывок в “России” — прекрасно, больше ничего не скажешь. Если весь роман будет так написан, это будет событие...» [7, 519]. К сожалению, не сохранилось датированное маем 1922 г. письмо Федина Пильняку; оно было посвящено роману, о чём мы знаем по цитате из майского письма Пильняка: «...пишу,

“беременен романом — про бульвар, про Германию, деревню Усолье, про газетчиков и прах знает про что” (это фраза в кавычках — твоя фраза)» [7, 453].

Заглавие «Ещё ничего не кончилось» является прямой цитатой. Это финальная фраза мемуарно-автобиографической книги В. Шкловского «Революция и фронт», вышедшей в 1921 г. и представляющей первую часть «Сентиментального путешествия». Хронологически события в книге Шкловского развиваются с февраля 1917 по 19 августа 1919 г. и представляют картину столичной и фронтовой жизни России, увиденной глазами эсера и филолога-интеллигента. «Эпоха всеобщего беженства» [2, 167] (определение С. Булгакова, 1918) представлена Шкловским в переплетении почти документальной хроники с событиями его личной жизни: «Интеллигенция оказалась в бегах» [28, 32], «Россия горит. Мы бежим» [28, 41]. В начале 1922 г. «в бегах» оказался сам Шкловский. В Петрограде шли повальные аресты и подготовка к открытым судебным процессам над церковниками и эсерами. Шкловскому удалось бежать в Финляндию. Это была самая близкая дорога из Петрограда в Европу: в 1921 г. в пограничный город Териоки (с 1917 по 1939 — в составе Финляндии) по льду из Кронштадта пришли 8 тысяч беженцев. «Я убежал из России 14 марта. Меня ловили по Петербургу с 4 <по> 14 марта. Сейчас нахожусь в карантине в Финляндии» [29, 30], — сообщал Шкловский Горькому в письме от 24 марта 1924 г. 2-я часть «Сентиментального путешествия» под заглавием «Эпилог (Конец книги “Революция и фронт”»)» вышла перед побегом из Петрограда, в феврале 1922 г., 3-я часть «Письменный стол» — в составе всей книги в январе 1923 г. [28, 397–398]; она начинается с указания точной даты: «Начинаю писать 20 мая 1922 года в Райволе (Финляндия)» [28, 142]. В отличие от Шкловского фединскому Старцову не удалось в 1922 г. покинуть Петроград и миновать разворачивающийся там террор, процесс над ним не был открытым, его вообще не судили, а самосуд большевика Курта, покаравшего предателя Старцова, был оправдан не только ревтрибуналом, но и современной революционной литературой, героизирующей образ чекиста. Упоминаемые в письме к Виктору (Приложение 3) Териоки выступают в тексте Федина как символический хронотоп эмиграции (в Териоках находился дом Леонида Андреева, невольно оказавшегося в эмиграции).

Поразительная параллель возникает при сравнении писем Шкловского Горькому из Финляндии с подготовительными материалами Федина к роману. Оказывается, именно весной 1922 г. рождается у Шкловского замысел романа о современности, которым он делится с Горьким. Это письмо Горькому представляет оригинальное эссе на тему современного романа о современности:

«Я расскажу Вам про роман, который я напишу, если оторвусь от преследования и буду иметь месяц-два свободных.

1) Идут передовицы “Правды” и передовицы буржуазных газет, прямоугольные до безмысленности.

Иногда эта прямоугольность огненная. Идут списки расстрелов, цифры смертности.

Передовицы прямоугольно отрицают друг друга.

2) Между ними идут письма к Вам. Записки, письма, записки. Идут Ваши письма (дружеских нет), но больше записки “прошу выслушать такого-то”, “прошу не расстреливать такого-то”, “прошу вообще не расстреливать”.

Потом между этим советские “анекдоты”.

Моя маленькая (7 лет) племянница плакала в церкви. Мы знаем, что плачущего нельзя спрашивать. Потом спросили дома “почему”. Она ответила: “Я не знаю, где могила папы” (Николай расстрелян), где “тёти Женина могила знаю, а папиной нет”.

О, дорогой мой, о друг мой, как горек от слёз воздух России.

О счастье наше, что мы заморожены и не знаем, как безнадежно несчастны.

Идут передовицы прямоугольные, декреты, и все они отражаются то в письмах, то в маленьких отрывках из маленьких человеческих жизней. Тюрьмы, вагоны, письма и декреты.

Вы в этой вещи не вы, а другой.

Я не знаю, как кончить. Кто-то, правозащитник и кто пишет всем отпусную, какой-то последний из раздавленных или Вы сами, на чьём сердце скрещены два меча, пишете миру письмо о прощении.

Прощаю себя за то, что смеюсь, за то, что бегу от креста, прощенье Ленину, прощенье Дзержинскому, красноармейцу, издаваемому в вагоне над старухой, красноармейцу, взявшему Кронштадт, всему племени, продающему себя. Всем себе-иудам.

У меня нет никого. Я одинок. Я ничего не говорю никому. Я ушёл в науку “об сюжете”, как в манию, чтобы не выплакать слёз. Не будите меня» [29, 33].

Но Шкловский не был бы формалистом, если бы в конце этого пронзительного и почти исповедального текста он не написал: «Романа же я не напишу» [29, 34].

«Первый Серапион»¹ был всего на год младше Федина, оба были гуманистами, оба прошли через мировую войну, общим был Петроград 1919 года, голод и утрата самых близких людей, беженство и плен... Пропагандируемый теоретиками-серапионами авантюрный сюжет реализован у Шкловского в «Сентиментальном путешествии» в логике или антилогике самих исторических событий, свидетелем и участником которых был сам повествователь, являющийся и объектом, и субъектом рассказа-повествования. «Мысль бежит и бежит по земле и всё не может взлететь, как неправильно построенный аэроплан», и тут же: «Жизнь течёт обрывистыми кусками, принадлежащими разным системам. <...> И с осколками своей жизни стою я сейчас перед связным сознанием коммунистов» [28, 186] — в этих коллизиях и противоречиях, в которых пребывает повествователь в «Сентиментальном путешествии», заключается притягательность книги Шкловского и её жанровое своеобразие...

Зачастую, говоря о Шкловском, мы чаще помним об «обнажении приёма», «остранении» и пародии (иронии), и забываем, что созданное в 1919–1922 гг. «Сентиментальное путешествие» является подтверждением другой историко-теоретической концепции Шкловского — о приоритете нелитературного материала (будущая «теория факта») в современном литературном процессе. Никому из своих современников, в том числе серапионам, Шкловский не советовал писать роман. Федин, пожалуй, первым из серапионов открыто объявляет о работе над романом и посвящает этому событию отдельную главу романа «Глава, которая совсем не нужна читателю» (Приложение 3). В самом ироническом характере заглавия главы, которая не войдёт в окончательный текст романа, содержится элемент литературной игры. Глава построена в

¹ В книге «Горький среди нас» Федин назвал Шкловского «первым Серапионом — по страсти, внесённой в нашу жизнь, по остроумию вопросов, брошенных в наши споры» [22, т. 3, 199].

форме письма к Виктору (Шкловскому). Текст, вероятно, более позднего времени написания (конец 1922 — начало 1923). В главе отражено «настоящее мученье» в поисках формы и одновременно «распутье» в отношениях с теориями серапионов, о котором Федин пишет Соколову-Микитову 19 сентября 1922 г. Диалог с Шкловским продолжится после публикации романа «Города и годы», о котором «дорогой Виктор» выскажется достаточно критично, и с точки зрения его формы (старые-де приёмы), и исповедуемого им после возвращения в советскую Россию социального заказа [27, 288, 514]. Теперь, зная о замысле самого Шкловского 1922 г. написать роман о современности, можно сказать, что его критические, порой язвительные высказывания о романах его современников (К. Федина, Л. Леонова, М. Булгакова) были пристрастны и не лишены художественной зависти: они фактически сделали то, о чём он мечтал, соединили в различных конфигурациях несоединяемое — жестокую хронику истории и лирическую исповедальность, литературную традицию и современность.

Однако вернёмся в 1922 год, когда и для Федина, и для Шкловского вопрос о романной форме отнюдь не исчерпывался формальными проблемами. У Федина в это время уже была написана и опубликована («Литературные записки», 1922, № 3) его автобиография, которую можно рассматривать как ещё один подготовительный материал к будущему роману. В главах автобиографии («Школа», «Студенчество», «Революция») отмечены основные вехи пути не только Федина, но и будущего автобиографического героя. Выполненная в привычном для серапионов ироническом стиле автобиография представляет в некотором смысле текст жизни, который будет подвержен жёсткому и беспощадному анализу в работе над романом.

Письмо Федина к П. Зайцеву от 20 октября 1922 г. является по сути дела официальной заявкой на роман и включение его в планы издательства; так этот текст и нужно читать: «Роман называется “Ещё ничего не кончилось”. Размер — от 12 до 14 листов (в 40 000 знаков). Эпоха — война и революция. Место действия — Германия и Россия. Отдельные главы посвящены Петербургу (1919), Москве (1918), немецкой провинции (1916, 1917), Нюрнбергу (1914) и т. д. Участники — красные и белые, коммунисты и маркграфы, инвалиды, артистки, лётчики, попы и монашенки, крестьяне и помещики, башкирские кавалеристы и академики. Материал — быт. Сюжет есть (в двух параллельных плоскостях: романической и историко-бытовой)» [23, 542]. Судя по письму Соколову-Микитову от 7 декабря 1922 г. осенью и зимой Федин над романом почти не работал, нужно было зарабатывать средства для пропитания и содержания семьи: «Роман я свой оставил. Надо было достать денег. Много денег. Я взялся за переделку романа Гюго — “Отверженные” — для частного издателя. <...> Но что делать? Что делать, чёрт побери! Подумай, это случилось в разгар моей работы над романом, который я как-то полюбил. <...> Друг мой, ведь надо быть дубиной или каким-то механизмом, чтобы после переделки “Отверженных” сейчас же сесть за свой роман! — Словом, мне трудно материально» [11, 23–24]. Здесь важна не только информация к уточнению хронологии работы над романом, но и сам факт перечитывания одного из самых пронзительных европейских романов о страданиях бедного маленького человека, о любви и прощении, возмездии и праведниках. Два эпиграфа из «Отверженных» (в дословном переводе — «Несчастные, нахо-

дящиеся на краю горя и нищеты») появляются именно в 1923 г., когда роман ещё носит название «Семь лет».

1923 год начинался с новых планов по завершению романа, главы из которого читаются Фединым на собраниях серапионов. Роман становится одной из домашних тем в переписке серапионов. 14 января Вс. Иванов сообщает Горькому своё впечатление от романа Федина: «Хороший роман пишет Федин. Здорово насадил — и сентиментальное есть, а я, грешный, люблю сентиментальное, да коли ещё, прохвост, улыбнётся ещё... конец! Здорово. Хорошо. Вообще он человек размеренный — ему бы протопопом быть, а он вылитый Мозжухин» [12, 85–86]. 24 января делится с Горьким своими впечатлениями о писаниях серапионов Л. Лунц, о Федине: «Федин пишет сейчас большую повесть (называет её роман — неверно). Судя по прочитанным отрывкам, это будет превосходная вещь. В Федина я очень верю. Он пишет дольше нас всех, медленней всех, но работает верно и твёрдо. С каждой новинкой — шаг вперёд. Особенно люблю его спокойный язык без вывертов. Хотя в общем, конечно, его манера письма мне чужда» [12, 89]. В письме Вс. Иванова к Федину от 9 апреля в шутовском обыгрывании то ли названия романа, то ли одного из эпиграфов (см. Приложение 5) кроется вопрос, интересующий всех братьев-серапионов: «Как твой роман? <...> под эпиграфом — “он когда-нибудь окончится”?» [12, 104]. 9 октября Каверин сообщает Лунцу: «Костя кончает роман» [12, 176]. 17 октября Лунц в письме Федину интересуется окончанием романа: «Сильно интересуется меня, как подвигается твой роман. <...> Кончаешь? Свёл концы с концами?» [12, 182]. В октябре в коллективном письме Лунцу на тему романа Федина высказывается Зоценко — естественно, на языке мещанского стиля: «Федин романы пишет. После него мой стиль пропадает» [12, 185]. В октябре же Тихонов сообщает Лунцу: «**Костя Федин** хорошеет. Кончил первую часть романа: читал. Хорошо. Немного стиль в иных местах отдаёт спокойной стариной — но это ничего. На такой роман руку поднял храбрый муж — во цвете и силе. Добро ему» [12, 189]. 20 октября в письме к Лунцу Л. Харитон рассказывает о прошедшем у серапионов чтении Фединым новой главы из романа [12, 192]. 2 ноября Слонимский сообщает Лунцу: «Федин романа не кончил, но новые главы есть» [12, 198]. 11 ноября Федин рассказывает Лунцу: «Мой роман движется медленно. Как я тебе говорил, концы сведены уже давно. Я осуществляю прочный и цельный план. Но осуществляю со всей медлительной осторожностью. <...> Но теперь меня мучит тема для рассказа в духе “Сада”» [12, 205]. 14 декабря Каверин — Лунцу: «Костя всё тот же — умный, твёрдый, ясный и благородный человек. Я люблю его крепко. Роман его имеет успех — хотя ещё не напечатан. Он читает его чудесно. Дамы, с непривычки, дрожат от силы голоса» [12, 223].

Отмеченные Вс. Ивановым уверенность и «размеренность» Федина демонстрирует, пожалуй, только в письмах к Горькому и Лунцу. Так, 7 апреля 1923 г. он сообщает Горькому о скором завершении работы над романом и даже предлагает прислать главы из романа: «С прошлого лета работаю над романом, который начну печатать не раньше осени. Речь веду о плене в Германии, о революции в уездной России, о том, что видел и знаю. Знаю, конечно, “по-своему”» [6, 472]. Однако до поры до времени Горького роман

об интеллигенции, за написание которого взялся молодой серапион Федин, особо не интересуется (интерес придёт, когда у него самого начнёт оформляться замысел повести-эпопеи об интеллигенции «Жизнь Клим Самгина», в работе над которой ему пригодится и опыт романов Федина 1920-х гг.), а потому в письме Каверину от 25 ноября Горький сообщает: «О романе Федина — ничего не знаю...» [12, 211].

Самому Федину, в отличие от его собратьев, было явно не до шуток: концы с концами в работе над романом не сходились; назначенные им самим сроки окончания романа нужно было вновь менять. «До сих пор не написал и половины своего романа, — признаётся он Соколову-Микитову в письме от 25 июня. — Надеюсь в июле дописать до половины и осенью начать печатать. Ничего кроме романа писать не могу. А работаю над ним второй год и за это время не написал ни единого даже малюсенького рассказа» [11, 31]. С середины августа до конца октября 1923 г. Федин жил в деревне Кочаны у Соколова-Микитова, и именно там, в *тишине*, продвинулась работа над романом и родились два новых замысла: рассказ «Тишина» и совместный проект переписки «Кочаны — Петербург». 26 ноября в письме с предложениями по проекту «переписки» Федин сообщает: «Я сижу за “Тишиной”, роман лежит как бы в нетях» [11, 39]. Посмотрим на дату письма — ноябрь 1923 г. Дата весьма значимая для романа, где тема Германии занимает большое место. Осенью 1923 г. ожидали победы революции в Германии, что, безусловно, отпечаталось в набросках линии Мари, которую, как свидетельствуют приведённые выше материалы, Федин пытался сделать чуть ли не делегатом конгресса Коминтерна, сделать — вопреки правде прототипа героини. Уже в ноябре стало очевидно, что революция в Германии провалилась, что не могло не сказаться на необходимости внести коррективы в первоначально запланированные «немецкие» главы и в линию Мари. На этом историческом повороте работы над романом, когда воистину не сходились концы с концами, Федин пишет «Тишину» и, кажется, в это же время он вписывает в текст «Автобиографии», опубликованной в 1922 г., несколько абзацев об истории своей семьи: «Отец мой происходил из крепостных. <...> Мать была потомственная дворянка»¹.

Сохранилась тетрадь с записями, датированными 14–27 сентября 1923 г. и сделанными в Кочанах. Среди разнообразных записей и набросков из деревенской жизни для нас важны прежде всего записи, относящиеся к замыслу «Тишины»:

«М. б. взять разорённого помещика, к-рый “не ушёл, остался”. Он ходит в тишине, не жалуется, живёт, как может. Потому что над злобой, над революцией и прочем, что было, конечно, в деревне есть большее: это — тишина, те изначальные отношения, которыми держится мир (Оставить их нельзя). Это отношение к земле, полю, лесу. И тишина — не человеческая, а тишина земли, поля, злаков. Оставить её из-за злобы, из-за разора — нельзя. И грустно такому человеку не потому, что у него нет ярицы, а потому что ярицы нет на земле (нет вообще)» [10].

¹ Вписано в текст «Автобиографии», представляющей вырезку из «Литературных записок» (РО ИРЛИ. Р I. Оп. 31. Ед. хр. 1. Л. 1–2).

Это размышление Федина напрямую корреспондирует с судьбой героя романа, который тоже ведь «не ушёл, остался», однако с другим финалом жизни. Хронологически в рассказе представлен тот же, что и в романе, период шести-семи лет жизни одной русской деревни со всеми прошедшими через неё историческими катаклизмами времени, при этом в рассказе доминирует тихая элегическая и мирная евангельская интонация. «Тишина» по интонации, да и по внутреннему сюжету, очень бунинский — суходольский — рассказ о том, как приходит и обретается героями то прощение, о котором мечтает Старцов: мужиками — бывших бар, Таисией Родионовной — обманувшего её Александра Антоновича. Рассказ завершается идиллической картиной мирного труда бывших бар и мужиков... Для романа подобное решение было просто невозможно — и по правде жизни и истории, и по правде героя, который был обречён исторически и наделён автором своей трагической судьбой. Однако именно «Тишина» высвечивает эстетический и философский идеал самого Федина, формируемый прежде всего русской классической литературой. Заметим лишь, что эта тихая интонация отличает и последующий творческий путь Федина, одного из самых неагрессивных мирных писателей в истории советской литературы.

В 1923 г. отрывки из романа печатаются в самых разных журналах. Почти весь год Федин перебирает старые и сочиняет новые заглавия романа. К трём уже названным (дольше всего держалось заглавие «Семь лет») добавляются: «Упавшее небо», «Бурелом», «Побеждённые» и др. Окончательное заглавие — «Города и годы» — было выбрано в Кочанах и датируется 22 августа 1923 г. (см. Приложение 4).

Обещанного в 1923 г. завершения романа не произошло. Роман переместился на новый 1924 год. 26 января Соколов-Микитов напишет Федину об отказе от проекта переписки, прямо указав на причину своего решения: «Я обдумывал нашу “переписку”, и мне кажется, что это почти неосуществимо. — Можно бы переписываться на философские, на литературные, на религиозные темы, — но мы думаем описывать действительность и наше настроение и отношение к действительности. Невозможно — просто невозможно» [11, 45]. В мартовском письме Соколову-Микитову Федин впервые, пожалуй, говорит не только о внешних обстоятельствах, не позволявших завершить роман (необходимость зарабатывать и редакторская служба), но и о внутренних, писательских:

«Задача моя — протянуть до лета, окончить роман, уехать. <...> И потом — надо, непреренно надо окончить роман, потому что нельзя же топтаться на одном месте, как бы оно ни было хорошо. Надо всё время двигаться. Недаром в разгар выдумок, трюков, на какие я только способен (у меня будет вполне толковый роман, с началом и концом, на русском языке, но весь он — опыт, попытка, проба, и я устаю от него, хотя и вписываюсь в него) в разгар экспериментальной работы над собой и своей сущностью, приходит желание написать “Тишину”. Я окончил её, она вышла, по-моему, удачной, и вовсе не сухой, как показалось тебе. Серапионы были сбиты с толку: не могли уяснить себе теоретически — отход ли это к окостеневающей форме Бунина, измена — стало быть — роману, или только этап, веха на пути к новой форме. Разговору было много. А мне захотелось тем временем написать новые “заметки” о твоей деревне <...> Всё это к тому, что надо кончить роман, отдать ему всё, что у меня есть экспериментаторского, непокойного, пусть высосет, возьмёт, пусть оставит меня запахам дня» [11, 51].

В связи с проектом переписки, инициатива отказа от которого принадлежала Соколову-Микитову, Федин парирует его тезис, что публиковать правду о действительности (а переписка планировалась к изданию) никто не позволит: «Писать можно и о действительности — почему нет? Надо описывать не отношение наше к действительности, а преломление её в нас, её самое через наши души» [11, 52]. Это ответ уже умудрённого литератора. В письме указан новый срок окончания работы над романом: «У меня расчёт: к 1-му августа я должен окончить работу, написав за 5 месяцев 7–8 листов. Тогда с 1-го августа я свободен и уезжаю» [11, 51].

В ответном мартовском письме Соколов-Микитов слегка отрезвит Федина и даст, может быть, самый адекватный ответ на мучительные «непокойные» вопросы самого Федина о его романе и герое, для которого не оказалось места в современности:

«Частенько мне кажется, что мы — наш возраст — самые несчастные из живущих ныне (разумеется, из тех, чья шкура не годится для выделки спиртовых подошв) — мы не можем забыть, и война выглодала лучшую половину жизни. — В тебе, в себе, во всех нам ровесных я вижу какую-то надсекнутость (ежели только у меня это не от мнительности и от “одичания”), “обречённость” — точно колесом перееханные. Вот почему так тянет меня к мужикам, в нашу “тишину”, в дупло — колесо мужика миновало и, если не миновало, — потерпел он на разряд меньше, оброс новой шерстью, а мы бесприкаянно, до самой смерти, ходить будем голыми, “плыть на льдине”. В сущности, революция для интеллигенции и была этой льдиной: оторвались от народа, от всего, и поплыли — ничего не примечая, покуда не растаял под ногами лед. И вся революция — Москва (тут у нас так и мыслят, так и представляется — есть Россия (деревенская), что соединена с миром и миром, и есть Москва (городская) — что соединяется с властью, и вечной войной) — тоже “плывёт на льдине”, оторвавшись от берегов, и Петербург, и “новая литература” — так мне это думается, из дупла — и, разумеется, я знаю, что “запах” моего дупла не есть запах проходящего часа...» [11, 57].

Лето 1924 г. проходит у Федина за завершением романа. Об этом 22 июня сообщает Каверин Горькому: «Здесь насчёт новой литературы — тихо. Серрапионы разъехались на лето; за последнее время никто не писал ничего нового — кроме Тихонова, который работает неустанно, и Федина, который медленно, раздумчиво, осторожно кончает “Города и годы”» [12, 307]. Нам представляется, что работа над романом в июне-июле уже была завершена, и Федин занимается общей редактурой текста: уточняет композицию романа, сокращает количество подглавок, по-новому складывает из написанных глав и подглав общую рукопись романа, работает с вариантами эпиграфов (Приложение 5). «Я отодвинул в сторону свой роман, который начал угнетать меня, и *бросился* писать вам» — этим вполне понятным признанием начинает Федин 16 июля большое письмо Горькому с подробнейшим рассказом — о работе каждого из серрапионов, общей литературной ситуации в издательствах, объединениях, журналах Петрограда-Ленинграда и Москвы и т. п. Сама умиротворённая интонация письма свидетельствует, что муки с романом уже закончились. О самом романе и работе над ним Федин уже не просто рассказывает, а повествует с эпическим спокойствием, упоминает он и о рассказе «Тишина» с указанием, как должно читать этот текст (это опять тот же случай, когда автору смеем не во всех оценках доверять):

«Это — единственный рассказ, написанный мною во время работы над романом. Написал я его после житья в Дорогобужских дебрях, в деревне, где ещё жгут лучину и верят одним колдунам. Он вышел чуточку старомодным, в роде “Сада”. *Я отдыхал в нём от тряски и ухабов романа, в котором ещё не всё отстоялось и многое не отстоится вообще.*

Этот роман занимает меня целиком вот уже почти два года. Сейчас я оканчиваю его, в августе сдаю в набор. Выйдет он осенью, сразу книгой. Кое-какие главы будут напечатаны в журналах, но целиком провести роман в журнале не удастся. Название его — “Города и годы”. Материал — война и — отчасти — революция. На три четверти роман германский: действие развивается в немецком городишке, на фоне обывательского “тыла”. Я до такой степени влез в Германию, что сплошь и рядом не пишу, а “перевожу” с немецкого, думаю по-немецки и чувствую. Когда перехожу на русскую землю, к русским людям, к русской речи — испытываю непреодолимые трудности: чужой материал! Я попробовал в этом романе сдвинуть пласты общественного материала механикой авантюрно-романтического сюжета. Но я — не Каверин, не часовщик и не математик, и — вероятно — расчёты мои очень часто неверны: то чересчур много общественности и мало авантюры, то наоборот. Композиция — самая трудная на свете вещь. На первый взгляд в большом романе (“Города и годы” будут по объёму листов 17) легко спрятать концы в воду, а на деле, наверно, всякая лишняя косточка торчит и выпирает корявой стрехой (курсив наш. — *Н. К.*)» [6, 474–475].

Федин уменьшает сроки работы над романом, пишет о собственном романе, как бы уже предвидя серьёзные возражения Горького, которому глубоко чужды и идиллическая «Тишина», и толстовско-достоевский Старцов, и тем более Лепендин. О проекте «переписки» с Соколовым-Микитовым и новых заметках о деревне он даже не упоминает. В письме Горькому от 7 декабря, вдогонку к отосланному ему роману, Федин практически реконструирует «суждение» Горького о его романе, даже подтверждает его правоту и одновременно произносит своё «но»:

«В сущности, этот роман — всё, что я мог сказать об изумительной полосе своей жизни и жизни двух народов, с которыми связана моя судьба. Я припоминаю, как вы однажды сказали о пороке русских литературных произведений: во всех них отсутствует герой. Традиция оказалась сильнее меня, и как ни героична эпоха, о которой я писал, герой мой прочно удержал наследие своих литературных предков. Но я не ставил себе задачей героизировать лица своей повести, а только хотел показать характер эпохи и стремился сделать это правдиво» [6, 478–479].

После выхода романа в свет начинается новая — публичная — жизнь текста, складывается непростая история восприятия романа и героя современниками Федина — писателями, критиками, читателями. Но это уже другая тема. Мы пытались конспективно обозначить лишь некоторые вопросы, связанные с работой писателя над романом, и представить в публикации новые материалы его творческой истории.

КТО ВИНОВАТ?

Двое гибко-мускулистых, литых из чугуна, обтянутых стальной кожей тел озлобленно наносят друг другу удары...

Чем свирепее нападает одно, тем ожесточеннее отбивается другое, чем лукавее и неожиданнее задумываются выпады, тем гениальнее оказываются отражения...

Наконец один из бойцов изловчается и разит противника решительным ударом в висок.

— За что ты нанёс ему этот удар?

— Если бы я этого не сделал, то этот удар получил бы я!

— А ты за что его хотел ударить?

— Чтоб он не ударил меня...

— Но почему у вас обоих на руках эти страшные рукавицы??

— Почему? Да потому что мы — профессиональные боксёры!!!

Мировая война???.....

Ноябрь, 1916

(РО ИРЛИ. Ф. 172. Ед. хр. 1166. Л. 103. Машинопись)

НАСТРОЕНИЕ

Там в Бессарабии, в восточной Галиции ряд за рядом бегут серые герои в атаку. Падают или навеки, или подымаются и бегут снова наперевес со штыками с безумными, бессмысленными лицами, бегут за победой, за славой, за смертью. Их встречает ураган металлических шариков и ошметок, а они бегут за победой. Об этом можно говорить, это можно обрисовать с силою, которая изувечит душу, но охватить это умом, или представить себе — невозможно, как нельзя представить, что будет через миллионы лет. Но это терзает, гнетёт. И всё думается — прибегут к победе или расплятятся в вихре смертоносных гранат эти серые, безумные герои. И ещё. Что-то дикое творится на Руси. Оступение, гнёт и неправда небывалые, ужас страшный, точно смерть за воротами. Бедная страдальца! Есть ли выход у тебя, непонятная? Мозг леденеет от дум.

И вдруг...

— Хотите послушать музыку? — Мой сосед по комнате, вольноопределяющийся местного полка, инженер по профессии, с обворожительной улыбкой входит в комнату. — Что вы тоскуете! Пойдём ко мне; мой приятель — редкий игрок на цитре.

Цитры я не люблю — уж очень плаксивый инструмент и силы в нём нет, мощи... Соседа тоже не люблю — уж очень немец, мысли нет и фантазии, при разговоре пересказывает своими словами передовицы из гаденькой газетки. Но соглашаюсь.

— Позвольте представить — унтер-офицер такой-то.

— Очень приятно...

Вольноопределяющийся варит на спиртовке чай и извиняется, что у него всё слишком по-холостяцкому. За столом сидит чернявая немочка, видно, глупая, глупая — всё хихикает.

Цитра на столе чистенькая, гладенькая. У игрока лицо точно у вяземского мужика — корявое, усы в разные стороны, морщинки смешные, точно нитки из распущенного чулка, глаза хитро-добрые, светлые. И мне уже не жалко, что пошёл: такой хороший мужичонка, хоть и немецкий унтер-офицер. Пальцы у него ровные, длинные и белые, всё он улыбается, струны перебирает с любовью и ни словом, ни одним нехорошим словом не обмолвился, только предупредил:

— Очень давно не упражнялся. Немного трудно играть.

Сосед разливает чай сквозь ситечко, немочка хихикает до удивления глупо, а струны воркуют, серебрятся и звенят целомудренно. Цитра не хнычет и не жалуется, а рыдает, разрывается, словно всю печаль мировую на полноправных своих боках выдерживает. И лицо у игрока — немецкого солдата — похоже на мужичкое, умное и много горя перенёсшее. И всё точно где-то в России, в келье что ли какой, или в просфорне, чем-то даже пахнет таким церковным. Он играл какую-то шотландскую песню — странную песню, тоже напоминавшую русскую. То зарыдает, задумается, то успокоится, прояснится, загорится и разразится хохотом с присвистом, а потом опять упадёт и затуманится. Немочка, глядя, как танцуют по грифу белые пальцы, открыла рот, а вольноопределяющийся шепчет мне, чтобы не помешать музыканту:

— Сегодня ваших земляков видел...

— Военнопленных?

— Да. Врача и вольноопределяющегося.

— Ну?

— Ничего... Хорошо по-немецки говорят.

— Сыграйте ещё что-нибудь! — прошу я.

Вяземский мужичонка собирает лоб в гармонику и брякает тоскливо. Рокочут о чём-то милом бойкие струны. Ползёт вверх пар из чашки, окуроч дымит в пепельнице. Уютно и просто.

— У русских замечательно красивые песни, — шепчет мне сосед.

— Да...

Мучится неразрешимый минорный аккорд. У немца лицо усталое и болезненное. Выискивает, как бы передать загадку песни. И уже как будто разгадывает, улыбаться начинает, губы толстые свои приоткрыл.

— Вам, поди, скучно, — слышу я, — что вы целый день делаете?

— Читаю, пишу... — мямлю я.

— Это должно быть ужасно! — сожалеет он.

Что же ужасного — думаю я. Разве это ужас? Ужасно другое. Ужасно и... слова не хватает... Немец-солдат играет мне — русскому, может быть больше русскому, чем он сам немец — на цитре, и улыбается мне добро и ласково. Другой германский солдат наливает мне сквозь ситечко чай и сердится, что я не ем его печенья, и спрашивает, не скучно ли мне. И так всё просто и ровно. И каждый из нас — чувствую это и удивляюсь, что есть и такие немцы — боится говорить о том, что может обидеть, сделать больно. А там, в Бессарабии и в восточной Галиции обливают лавиной металла немцы русских и русские бегут навстречу смерти и несут с собой тоже смерть...

Немецкий унтер-офицер улыбается смешно голосистому звону цитры. Немочка хихикает и строит глазки, стараясь угодить всем нам троим.

— Хотите ещё чашечку, — обворожительно спрашивает бош.

Да будет всё проклято!

Zittay, 1916

(РО ИРЛИ. Ф. 172. Ед. хр. 1166. Л. 17–18 об. Автограф)

И НА ЗЕМЛЕ МИР...

Две тысячи лет назад нашёл свои прекрасные формы на земле великий демократический идеал равенства и братства. Цель земного существования всего человечества была указана. Оставалось только её достичь. Оставалось только воплотить на земле идею, за которую было пролито так много крови: — идею любви...

И через две тысячи лет человечество запятнало свою совесть несмываемым позором страшной невиданной войны. Человечество, которое больше девятнадцати столетий считало себя носителем религии непротivления, обрелось в лоне церкви братства, церкви всепрощения!

Одно из многих евангельских изречений, исказивших весь глубочайший смысл гениально простого учения о любви, омрачивших всю абсолютную красоту христианства, гласит премудро:

«Кесареви — кесарю, богами — богу»...

В сотнях тысяч храмов, воздвигнутых во всех частях света, протестантские, католические, англиканские и православные служители церкви ежечасно воздавали богами богу. И все эти наместники Христа ежечасно благословляли войска и ежедневно освящали закладки муниципальных заводов, окропляли святою водою 42-х сантиметровые пушки и бронированные корабли...

Словно какой-то исполин-циник воссел на земной престол и нагло хохочет в страдальческий, искажённый от боли лик человечества. Подлым, жирным смехом:

— Ты думаешь, что ты достигнешь намеченную цель непотривлением? Кесареви — кесарю? Так благословляй же одной рукою то, над чем другая поднимется у тебя с проклятием! Проповедуй с амвонов и папертей любовь и братство и строй, строй ружья, пулемёты, пушки, митральезы! Строй! После обедни, где ты сказал проповедь на великую тему — «не убий» — спеши, спеши скорей в казармы, чтобы воздеть руки над головами, обречёнными на убой. Спеши, спеши! Ведь тебе нужно поспеть воздать кесареви — кесарю, не только богами — богу! Спеши!..

Подлый смех раскатисто и страшно носится над вселенной. Исполин-циник издевается над человечеством.

Безумие! Человечество запуталось, смешалось, пришло в тупик. Где же выход, где путь к прекрасной цели, поставленной две тысячи лет тому назад? Где?

И неужели мир, в котором поют дивные песнопения столетие за столетием, никогда не воцарится на земле? Неужели никогда не победит любовь?

О, да! Она победит! Но там, где говорят о победе, необходима борьба. Только в борьбе побеждают.

И «горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!» Служить можно только или кесарю, или богу... тот путь, по которому шло до сих пор человечество, приравливая и приспособливая христианство для сокрытия преступлений и вопиющей неправды, этот путь пройден. Этот путь был усеян шипами, на которых висят клочья человеческого мяса. Этот путь устлан острыми камнями, залитыми потом и кровью. Этот путь привёл человечество на Голгофу.

Но за Голгофой следует Воскресение!

I

Трагедии, подобные той, которая совершается сейчас в Версале, где англо-франко-американцы заключают, если так можно выразиться, мир с побеждённой Германией, — не видал свет, на протяжении всей истории. Простое физическое завоевание народа и обращение его в рабство — мера гораздо более «гуманная», чтобы употребить любимое выражение союзников. В самом деле, почему они называют версальские переговоры «мирными»? Неужели только из простой деликатности? Но разве можно назвать деликатным грабителя, который в то время, как он душит в тёмной улице свою жертву, галантно спрашивает: простите, вам воротничок не жмёт? Впрочем, союзники отлично знают, что с тех пор, как они начали блокировать германское побережье, немцев, могут надевать воротнички через голову, и если сейчас и раздаются вопли со всех концов Германии, то это объясняется не малым номером воротничка, а мёртвой хваткой английского бульдога.

Мирные условия, поставленные союзниками немцам, представляют собою историческое бесстыдство обезумевших от упоения победой шовинистов.

Никто, никогда в Германии, даже самые непримиримые враги союзников, не допускали и мысли о возможности, в случае поражения, предъявления подобных

требований. Эти требования всем слишком хорошо известны из газет, чтобы распространяться о них здесь. Эти требования невыполнимы...

И нам хотелось бы попытаться представить себе, какие последствия могут разыграться на почве версальских безобразий. Для этой цели необходимо бросить взгляд назад и посмотреть, какой путь прошла Германия и другие народы, участвовавшие в войне.

От прошлого к настоящему; через настоящее к неизбежному будущему...

В 1871 году в Версале — родине напудренных париков, придворных этикетов и неотразимого величия французского победителя — немецкий сапог наступил на горло Франции. Железный канцлер, кумир немецких фабрикантов и мещан, Отто Бисмарк одним росчерком пера уничтожил окончательно последнее обаяние напудренных париков, подписав мир, по которому Франция должна отдать Эльзас и Лотарингию и заплатить пять миллиардов франков.

Вскоре после этого в Германии почти не стало ни одного города, где бы не высился бронзовый памятник Бисмарку с мечом или саблей в руках. Это оружие можно было бы заменить акушерскими щипцами, потому что если Бисмарк был крёстным отцом объединённого германского капитализма, то он, безусловно, способствовал рождению милитаризма во Франции, Германии и других странах. Того милитаризма, который сделал мировую войну такой безжалостной и страшной.

Одновременно с версальским миром родилась во Франции идея реванша. Во всей Европе началась бешеная стройка всех видов судов, оружия, крепостей и пр. Франция лила пушки, чтобы отомстить Германии. Германия — чтобы не дать отомстить себе, Англия — чтобы не отстать от соседей и не потерять своего морского могущества, Россия — чтобы не оказаться слабее каждого из европейских государств и, главным образом, Германской империи. С каждым годом народы затрачивали больше и больше сил, чтобы вести огромные тяготы вооружённого мира. С каждым годом правительства расходовали больше и больше средств, чтобы доказать своим народам всю неизбежность вооружения и неизбежность войны. Война была действительно неизбежна, логически неизбежна, потому что всё благополучие старого мира строилось на фортах и держалось штыками.

Но человек создан верящим в добро. И ни одно правительство, зная природу человеческого духа, никогда не решалось бы сказать, что оно вооружается с целью захвата чужих земель, чужих капиталов и с намерением поработить чужие народы. Если бы это случилось, то такое правительство осталось бы без всякой опоры, за ним оказалась бы не дисциплинированная армия, а кучка грабителей и преступников. Поэтому все правительства империалистических государств непрерывно доказывали, что это *не они* хотят грабить, а на них нападают, их насилуют, их вынуждают защищаться. И в июле 1914 года трагикомедия достигла своего апогея. Сцепились в смертном бое люди, желавшие задушить друг друга, и клявшиеся, божившиеся и уверявшие, что они ни в чём не повинны, что они добрые, хорошие, святые и борются за счастье, свободу и справедливость. Англичане доказывали, что в войне виноваты немцы, немцы, наоборот, винули англичан...

Исполни-циник, восседавший на троне, сложенном из человеческих костей, демонически хохотал... А люди, жалкие, обманутые, с верой, что они защищают правое дело, шли на великие страдания, умирали, убивали, несли на своих хитроумных пушках ненависть и злобу...

Война раскрыла глаза слепцам. Они увидели, что их обманывали. Что кровь лилась не во имя достижения демократических идеалов, а во имя карманных интересов, во имя насилия и обмана...

Для тех, кто ещё сомневается в наступившем переломе и поэтому не верит в осуществление всемирного поворота именно в тот период истории, в котором живём

мы, для тех, кто не верит в близость момента, начиная с которого история человечества покатится по рельсам мира, а не по рельсам войны, по которым она бежала до 1914 года, — для тех особенно поучительно должно быть пережитое за последнее пятилетие Германией.

В этой стране выразилось наиболее характерно и выпукло то течение, под знаком которого европейские народы жили и развивались последние годы: милитаризм.

Вслед за Версальским миром Германия пережила небывалый хозяйственный рассвет. Этому, несомненно, способствовали и вновь приобретённые области, и полученные с Франции миллиарды, и проведённый Бисмарком союз дотоле разрозненных и незначительных немецких государств. За сорок три года мирного строительства Германия, путём умелой капиталистической политики, успела доказать на практике всем своим верноподданным, что удачно проведённая победоносная война — очень хороший «гешефт». Армия капиталистов, многочисленная армия купцов и ещё более многочисленная армия странствующих приказчиков-комиссионеров бросились на мирное завоевание иностранных рынков. По мере того, как росло материальное благоденствие, руководители народов, опираясь на очевидное, бросающееся в глаза довольство, наступившее после победы над французами, стали постепенно приучать массы к мысли, что достатком, сытостью и развитием хозяйственной жизни страны они обязаны исключительно политике своего правительства, сумевшего и сумеющего победить, в случае — избави бог! — наступит новая война. Школа была превращена в военную лабораторию, где изготовлялись массами «истинные патриоты своей страны». Школьная политика предусматривала все возможности, чтобы доставить государству человека, у которого на каждый вопрос был бы готов ответ, угодный политике общегосударственной. Из школы привыкший к дисциплине и мышлению чужими мыслями человек попадал в обработку прессы, певшей умилительные хоралы правительственной мудрости.

Целое поколение было выращено в таких условиях. Колоссальная организация, продуманная до последнего винтика, не позволяла подданному германского кайзера оторваться от уготованных ему шаблонов мысли и духа. И он шёл за школой, церковью, судом, прессой, полицией, кружками, обществами, партиями, как слепец идёт за поводырём, шёл под звуки гимна, начинавшегося и кончавшегося словами: «Германия превыше всего на свете»!

Ты счастлив, говорила германская политика своему подданному, но твоё счастье принесли штыки; если ты хочешь обеспечить его, ты должен держать в руках своих оружие. Потому что — смотри — кругом враги, у которых глаза горят, при виде твоего достатка, и стоит только тебе задремать от сытости, как тебя ограбят. Ты добр, ты не хочешь никому зла, тебе ничего не нужно. Но ведь ты — единственный в своём роде, тогда как все твои соседи злы и преступны. Конечно, война — это ужас, но ты не должен забывать закона железной необходимости!

В конце концов из германца был сделан тип сентиментального варвара, который всегда готов был прослезиться при мысли о том, что «он добр и справедлив» и впасть в дикую ярость при мысли о «неблагодарных преступных иностранцах», вынуждающих его «защищаться»! Государство принуждено, в силу закона жизни и природы человека, воспитывать и беречь в своих гражданах начало добра. Иначе невозможно никакое общество. Но государство прошлого, заставляя своих сынов быть «добрыми и покорными» внутри своей страны, воспитывало в них убеждение, что вследствие того, что другие народы хуже и преступнее его, он должен быть нещадным за пределами своего государства. В этом направлении успела, как мы уже сказали, больше всех Германия.

И когда неизбежное случилось и люди, как безумцы, начали истреблять друг друга, германское правительство могло только потерять руки от удовольствия: воспитание не прошло даром!..

II

Нет надобности описывать то, что происходило в Германии до революции и, особенно, в начале войны. К услугам историка на книжных полках покоятся миллионы книг, отразивших в себе ту или иную черту Германии-победительницы. Интересно проследить те этапы, которые прошла страна от победного ненавистничества 1914 года до борьбы с большевизмом 1919-го.

Именно на Германии — стране, где меньше всего думали о перевороте — легче всего убедиться, что переворот всемирный неизбежен, как неизбежен восход солнца ранним утром.

Как один, бросилась вся Германия памятным летом на своих врагов. Государственный механизм, строившийся в течение 43 лет, был приведён в движение одним поворотом рукоятки на улице Фридриха в Берлине. Люди рванулись с пеною у рта защищать своё отечество от окруживших их «заговорщиков». Не было человека, который усумнился бы в разумности начавшейся вакханалии. И если бы такой человек нашёлся и поднял свой голос, то дыхание обезумевших масс испепелило бы смельчака мгновенно.

Война для Германии была победным шествием. Льеж, Брюссель, Антверпен, Седан, Лилль, Мобеж, целый пояс французских крепостей, целые провинции, целые страны очутились в руках немцев в течение двух-трех недель. Вот-вот должен был пасть Париж, за ним Петроград, за ним Лондон, потом — мир. Прочный, выгодный мир! Немцы упивались. Это было что-то необъятное, стихийное, страшное. Это был сплошной праздник, каких никогда не бывало в мирное время. Германия захлебывалась победами, предвкушая ещё более упоительное удовольствие, готовясь к заключению торжественного мира и всенародному признанию её величия.

Но этого не случилось. Другой народ, в котором горело ещё больше ненависти, чем в германце желания наступить сапогом на весь земной шар, другой народ нечеловеческим усилием приостановил бешеный бег германского колеса. Французы дали битву на Марне, и Париж остался за ними. Эта битва только приостановила колесо. В обратную сторону оно было повернуто значительно позже...

Началась окопная война. Успех оставался почти всё время на стороне Германии. Но война показала свою настоящую сущность, свой отвратительный, ужасный лик. Становилось всё труднее и труднее жить. Недоставало продуктов, не хватало материалов, останавливалась промышленность, увеличивались расходы, умирали люди, возвращались с полей брани калеки, и всё реже и реже приходили вести о победах. Былая уверенность в том, что мир будет продиктован побеждённым противником, казалась уже мечтой. Но ещё горела вера в то, что мир вознаградит за все страдания и, главное, покроет убытки.

С какою постепенностью и насколько незаметно для широких масс просачивалась в общественную жизнь утомлённость и тоска по миру! Как трудно было признаться в том, что хочется мира, что силы тают, что руки опускаются! Но жизнь диктовала, жизнь повелевала, и через три года от немца, с пеною у рта оравшего, что «через неделю мы покажем, что значит нападать на мирную страну», не осталось ничего. Его подбодряли победы, действительные и бумажные, порой просыпалась надежда на победу окончательную, но сейчас же и угасала, как одинокая искорка, попавшая на камень. Жить становилось в тяготу.

Старожилы, помнившие ещё австро-прусскую войну 1866 года, жившие на тех местах, где она разыгрывалась — восточная Саксония, северная Богемия, верхняя Силезия, — перенёсшие все её тяготы, в раздумье заявляли, что такой нужды, какую приходилось испытывать уже на третий год мировой войны, они не знали, даже сидючи под пулями. Бывали войны, тянувшиеся дольше, поднимавшие также всю Европу на ноги, но ни одна война не истощала народы до такой степени, как великая всемирная война 1914 года. Через три года люди были захвачены настолько войной,

что мир казался несбыточной, невозможной мечтой. Мира не стало... В одной небольшой социал-демократической газете появилось стихотворение, в котором бабушка рассказывала внучке сказку, начиная своё повествование словами: «на свете был однажды мир»¹... Да, мир стал сказкой, небылицей, о которых старухи рассказывали детям, выросшим «на пайке», под треск барабанов и раскаты выстрелов... Голодным, хилым, не одетым детям.

У немцев, рвавшихся в драку, как звери, у немцев, метавших пламенные речи о «наказании» всех наций, появилась тоска по миру.

И вот в это время с востока впервые раздалось слово, которому уже не суждено сойти с человеческих уст и которое будет благословляться будущими поколениями:

— В России — Революция!

III

Всё вострепелось, всё ожило в Германии, когда по свету прокатилось тысячеголосое эхо: Революция... Ближе к миру — почувствовали массы. И даже в прессе, не успевшей сразу сориентироваться на неясную политику правительства, словно против воли, проскользнуло это чувство — ближе к миру. И в мире, которого ждали от революции, уже не чудился мир, вдохновлявший Германию в медовые месяцы войны, а намечался сам собою какой-то особенный, новый, действительно достойный названия мира. Однако влияние правительственной политики на народ в то время хотя и ослабло, но не исчезло бесследно. Посредством мобилизации всех сил, находившихся в его распоряжении и к его услугам, правительство сумело ещё натравить широкие круги на вступившую в войну Америку. Но это был шаг отчаяния, шаг безвыходности, шаг последний. К этому времени не только радикальная партия независимых, но и армия большинства социал-демократов и даже умеренные буржуазные партии встали в оппозицию к зарвавшемуся правительству. Известный журналист, редактор ежемесячника «Будущее», Максимилиан Гарден² в статье, посвящённой вступлению Америки в войну, пророчески писал, что германские лейтенанты и юнкера напрасно громыхают саблями и стараются доказать, что война с Америкой не внесёт никаких изменений в создающуюся ситуацию. Наоборот, Америке суждено сыграть решающую роль в мировой войне и, в частности, в подписании мирного договора, и простая арифметика подсказывает, что, чем больше голосов за мирным столом окажется у союзников, тем труднее будет вести с ними переговоры. В этой же статье Гарден ясно высказывал свой взгляд на мир вообще и говорил, в связи с русскими событиями, что заря мира загорается на Востоке.

Мысль о мире, как грибок, попавший в благоприятную среду, стала неудержно распространяться... Но самое решающее значение в психологическом переломе германских масс имело значительно позднее заявление русских большевиков в Бресте, когда была объявлена демобилизация всех русских сил и в то же время к стопам германских генералов и экспертов был положен почтительный отказ подписать насильнический мир. С точки зрения политической, этот шаг был мудрейшим агитационным средством!

— Да, мы не хотим войны, — заявила русская революция, — и это — не лицемерие, не ханжество, не обман; и чтобы доказать это на деле и всенародно, мы разоружаемся. Но чтобы показать всему миру, что мы имеем дело с насильниками, а вовсе не с людьми, которые защищаются и ведут «навязанную» им войну, мы не подписываем с вами договора...

¹ Буквально — «в стране»: «Es war einmal im Lande Frieden» (Примеч. К. А. Федина. — *Н. К.*).

² «Zukunft», *Monatliche Zeitschrift*, Herausgegeben von Maximilian Harden (Примеч. К. А. Федина. — *Н. К.*).

Сами того не сознавая, немцы, не согласившись на неподписание мира, повели наступление на сложившуюся оружием Россию, сагитировали за революцию внутри своей страны гораздо больше, нежели русские. Уверить, что тобою руководят соображения гуманности, что ты защищаешься, и в то же время открыто идти грабить, не значит ли это заставить задуматься самого глупого и усумниться самого легковерного? Брест анатомировал перед глазами германских масс душу господствовавших классов, оказавшуюся алчной и падкой на наживы, будь эта нажива и простым, неприкрытым грабежом. Германский народ был уже измучен, истощён ко времени заключения договора в Бресте. И после него он окончательно изверился в своих правителях. Революция пришла и в Германию. Страна решила отказаться от безумия «войны до победного конца» и заключить мир, продиктованный разумом. Но этому не суждено было стать.

IV

Тем, кто бряцал саблями и красовался эполетами перед расчётливым американским профессором, не пришлось сидеть с ним за одним столом. Во главе с великолепной и смешной фигурой Нерона 20 века — кайзера Германии и короля Пруссии — все громовержцы немецкого милитаризма разбежались давным-давно по границам и провинциям. А те, кто надеялся на «единственно справедливого» человека, ставшего во главе союзников, жестоко разочаровались в своих наивных мечтаниях. Бостонский профессор и Вашингтонский президент Вудро Вильсон вдруг улыбнулся своею коммерческою улыбкой и неожиданно обнаружил ряд крепких, здоровых и крупных зубов. Четырнадцать пунктов его мирных условий, на которые немцы с некоторой поспешностью, понятной, впрочем, в их положении, были вынуждены согласиться, потерпели моментальную метаморфозу.

— Совершенно верно, — сказал американский профессор, — четырнадцать пунктов... Но они, видите ли, не про вас писаны...

Версальские переговоры — это какое-то утончённое издевательство победителя над побеждённым. В том самом Версале, где поставленная на колени Франция подписала насильственный акт, теперь бывший насильник бьёт челом новым господам положения, унижается, молит о пощаде, просит живота.

Но не было ещё на свете раба, который, стоя на коленях перед своим господином, вымолил бы себе право свободно дышать. И германские либералы не вымолят этого права у своих новых помещиков; Германия стала крепостной, стала обречённой... Версаль — второй «мир», заключаемый старыми государствами. Истощённая Германия не может удовлетвориться подобным миром. Она требует другого мира, мира демократического, мира равенства, свободы, братства. Когда же наступит он, когда вздохнут с облегчением измученные люди? И наступит ли он?

То, что пережито за эти годы Германией, пережито и другими странами Европы. Народы истощены. Смерть, голод и болезнь пронесли по всему старому свету. Всюду нищета, всюду безработица и страшная, нечеловеческая усталость. Тоска по миру, гарантирующему свободное, здоровое развитие, в одинаковой степени сильна у всех народов. Все жаждут мира, как влаги пустыня. И ни один народ не удовлетворяется мирным договором, вторгающим его снова в кабалу «вооружённого мира», когда призрак войны неотвязно стоит перед глазами каждого и над головами детей, не знающих радости, висят дамокловым мечом казарма, пушка и окоп.

Страны-победительницы напрасно думают, что они сумеют «возместить» убытки. Разве можно вернуть матерям, жёнам и детям — миллионы сгнивших в неведомых ямах-могилах сыновей, мужей и отцов? Разве можно вернуть миллионам калек оставленные на чужбине руки, глаза, потерянное здоровье? Разве можно возместить подрастающее поколение новыми силами, миллионы пленных — новыми

радостями, миллионы сумасшедших — новых рассудком? Разве, наконец, можно восстановить расплывённые в воздух богатства? Нет, правительства стран-победительниц стоят перед той же безысходностью, что была причиной гибели правительств стран-побеждённых. Война 1870–71 года продолжалась несколько месяцев вместе с переговорами, и Германия, получив с французов груды золота, могла тогда замазать свои царапинки и самодовольно упрочиться, как внутри, так и вовне. Но настоящая война нанесла не царапинки, а вскрыла вены, и кровь хлещет из нас, как из рукава. Никакое золото, особенно такое дешёвое, как теперь, не в силах остановить этого кровавого потока, и ни один праздник, устроенный в Лондоне и Париже по случаю победы над немцами-варварами, не удешевит цен на хлеб и не заткнёт рта ни одному голодному ребёнку!

Чтобы преодолеть великую разруху, чтобы успеть перетянуть вскрытые вены, пока народы истекли кровью, чтобы залезать бесчисленные раны, нужно всему свету — не только одной Европе, — дружно взяться за единое дело восстановления и созидания. Нужно уничтожить границы, разорвать все договоры, тарифные и пошлинные, морские, и сухопутные и написать новый, из четырёх слов:

— Земля образует единую Республику...

Пока же существуют Версали и Бресты, люди будут умирать в тоске по миру. Будут умирать одинаково и победители, и побеждённые, будут мучиться, голодать и нищенствовать.

Неумолимой неизбежностью стоит этот выход перед всеми народами. И путь, ведущий к этому выходу, одинаков для всех наций: путь свержения классов, мечтающих о возмещении, реванше и силе оружия, путь принудительных мер по отношению к людям, намеревающимся поладить с прошлым, прийти с ним к соглашению, путь диктатуры масс, восставших во имя царства мира.

V

Но будем смотреть в глаза истине. Мы переживаем самый тяжёлый момент человеческой истории. Нам, наверное, не суждено увидеть воспря<ну>вшее от великих недугов человечество. Нам трудно, необычайно трудно жить с сознанием, что путь осуществления демократических идеалов свободы, равенства и братства идёт через диктатуру. Но нам очевидно, что этим идеалам противостоит объединённая сила, которую нельзя убедить и нельзя разжалобить. Силу должна победить сила. И если мы хотим, чтобы наши дети, внуки и правнуки не корчились в предсмертных судорогах, отравленные ядовитыми газами в окопах, если мы хотим, чтобы они не хирели в сырых подвалах фабричных посёлков, если мы хотим, чтобы они не умирали на третий день после рождения, не находя молока в груди измождённой матери, — тогда мы *обязаны* терпеливо перенести все страдания, уготованные нам нашими предками. Несомненно, для самих масс, осуществляющих сейчас диктатуру, эта диктатура более тягостна, чем для классов, против которых она направлена. Потому что именно массы знают и чувствуют глубже идеалы, за которые они борются. Старая революционерка Клара Цеткин говорит в своей статье «Через диктатуру к демократии»¹: «Диктатура пролетариата имеет своё историческое оправдание в том, что она проводится в интересах огромного большинства народа и представляет собою *исключительно переходную меру*, с целью встать на ноги и сделать возможным осуществление идеала демократии: свободный народ, на свободной земле, за свободным трудом». И в той же статье, говоря о Советской Республике, К. Цеткин заканчивает: «...в то время как путь правительства двух революционных периодов

¹ *Klara Zetkin. Durch Diktatur zur Demokratie. Welt-Revolution. № 51. 1918. Перевод и курсив автора (Примеч. К. Федина. — Н. К.).*

шёл от прекрасных идеалов демократии к грубой и жестокой действительности диктатуры, *путь господства Советов поведёт от грубой и жестокой действительности диктатуры к прекрасному и осуществлённому идеалу демократии*.

Непротивление привело нас на Голгофу. Сейчас мир переживает ещё крестные страдания. Но если мы хотим избавить от вечного распятия наши поколения, мы должны отказаться от тактики непротивления и не воздавать более кесареви кесарю. И тогда новая религия, религия осуществлённого братства, словами старой, умершей и чуждой, скажет, наконец, облегчённо, на древнем языке:

«И на земле мир, в человеках благоволение»...
(Журн. «Отклики» (Сызрань). 1919. № 6. С. 6–13)

Приложение 2

<Записи>

<Л. I/1>¹

[*Зачатье*] **Семь лет**

Проволочный

человек

Начато

в мае месяце

28-го числа 1922 года

<Сверху листа поздняя запись синим карандашом:> Окончено — «Города и годы» — 25/IX1924².

Вторая родина	<u>Материалы</u> Начато в мае месяце 28-го числа 1922 года
---------------	--

Петербург 1919 — ночь — ноябрь.

Человек несёт за плечами котомку с мороженой картошкой.

Человек останавливается у недостроенного. Со страшными усилиями отрывает доску от гнилых стропил, тащит её на плече, озираясь: видел милиционер?

Человек тащит котомку и доску. Думает о Петrarке, Возрождении, о буржуйке и картофельных лепёшках, о Микель-Анджело.

Человек — писатель.

Дома, на столе в хранимом хламе бумаг такая:

(Уведомление отдела изящных искусств Парижской Академии, об [изобра] отзыве о его — человека, писателя — книгах, данном на заседании... etc).

Книга о войне, любви [,] и революции [и бандитах.]

У писателя лоб изрезан морщинками. По морщинкам видно, как бежит, извивается его мысль, когда он говорит.

Весь писатель — в кулачок.

Сухой, выжатый, точно его подержали под прессом [товаром], как копировальную бумагу.

1914.

«Колоколец жареной сосиски колбасы»

«Bratwurstglocklei — как это глупо.

Но это очень древне и (потому?) мило. Когда-то м. б. били там в колоколец, когда в завтрак готовили жареную колбасу, и ремесленники — мастера — шли в кабачок, подле костёла. Это ещё до Лютера. Это в католическом Нюрнберге.

¹ Записи сделаны чёрными чернилами. Авторская нумерация листов римскими цифрами (I–VII) проведена не до конца и поэтому не совпадает с архивной. В публикации переход с одного листа на другой обозначается двумя прямыми линиями: ||.

² На последней странице автографа романа имеется следующая датировка работы над романом: «1922–1924, сент. / 28.V — 1922 | 25/IX — 1924» (РО ИРЛИ. Р1. Оп. 1. Ед. хр. 124. С. 533. Л. 546).

³ Рамс — карточная игра, как и очко.

⁴ Имеется в виду Сараевское убийство (убийство в Сараеве 28 июня 1914 г. эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, и его жены), послужившее поводом для начала Первой мировой войны.

Человек, писатель жарит лепёшки на железной печке, думает о Петрарке. Легко...

О сожительстве бандитов-анархистов с милицией и Ч.К. в одной деревне — в 20 в<ерстах> от ж.д. — «зоны влияния», условия «невыдачи», очко, рамс³, учитель, топограф.
Пролеткульт.

Учитель, отец к-рого полет огород на корове.

Редиска с маслом, молоко и пиво с хлебом.

И вдруг Сараево!⁴

Разве есть на свете короли? Войска? Пушки? — Так в бурге, так на Пеглице, похожем на Венецию. (каналы).

Да есть.

И самые сильные войска — наши. Какая кавалерия! И самые славные короли — наши. Каков Вильгельм! Так в новом городе, в автоматах.

И учитель, раздувая ноздри, заиграв челюстями (а до этого — круглые щёки и толстые губы, всегда): — Я пойду, если того требует отечество.

Откуда это? Откуда?

Игра карандашом на зубах и на гребёнке. Русская. Бумажки Риты об искусстве и отношении к Луначарскому.

<Л. II/2>

Назвать БЫЛИНОЙ о семи годах
разбить на песни — (части)

на стихи — (главы)

В начале каждой части: Песнь... о четырнадцатом.

Семь лет в одном: кровь, страдание и вера в воскресенье, в чудо, в мир, в покой.

Бывший вице-губернатор — железно-дорожный сторож на 32-й версте. Всю жизнь мечтал об этом: огород, одиночество. В сторожке на полках кожаные в потемневшем золоте томики Ж-Ж Руссо. Хорошо.

Только весной — скучно: кобель начинает любить, убегает на станцию, что в девяти верстах.

На станцию — каждую субботу за пайком.

Раз-два в полгода — в город. И тогда к писателю.

Пленные русские у немцев, коллекция вшей врача.

Пленные немцы у русских — Волга, Сибирь, Sibirien! Ужасная Sibirien! Коллекция бабочек австрияка; картины и поэмы.

Dieses mein Werk
widme ich
dem traurigen Gedenken
einer märchenhungrigen
Seele —
Hanny Mrwa

О слезах над письмами русского — по-немецки.

О письме, запечатанном австрийской в печенье; это — у председателя австр<ийского> сов<ета> раб<очих> и иных деп<утатов> За вином и печеньем из Красного Креста.

Письма сына парикмахеру-отцу из
Sibirien!

И вдруг — mir geht ganz gut... in Fille
und Hulle...

Моим друзьям,
спутникам **тяжких и прекрасных** дней петербургских —
Серапионовым Братьям —
отдаю эту книгу.

<Л. III/3>

О зачатии новой Руси. Значит — о смерти старой.

Старый мир кончился после выстрела в Сараеве (дать Nurnberg). Кончилась с ним и Россия. Последующие семь лет — война, в России — революция — предсмертная агония, которой суждено продлиться ещё годы. Пусть. В 21-году зачалась новая Русь. Старая догнивает. В спёртой вони разложения растёт зародыш. Плодом он станет ещё не скоро. Пусть.

В чём он? В чём зачатие? И что зачато в смерти?

Человек, который научился прощать.

Научился на своей страшной ошибке: думал [*построить*] **ускорить приход** воскресень[е]я мечом (цель оправдывает средства — моя статья «И на земле мир»¹ — идеология этого разбора), но разбился, упал и понял, что ошибся жестоко и что враги его так же жестоко ошибались, что правд много, а истина — в дружбе, в прощении и мире, а не во вражде — (это интернационально).

Такой человек зачат в России в 1921 году.

Человек научился прощать, поняв, что прощение необходимо. Это вывод из его страданий. Внешне человек пришёл к этому выводу так:

1) Несправедливость стала очевидной каждому, кто не утратил чувства совести и способности видеть. В войну несправедливость предстала оголённой: социальное неравенство, рабство, диктатура класса.

2) Надо было восстать против несправедливости. Революция. Надо было сделать попытку осуществить новый справедливый уклад жизни. Социальный переворот. Надо было сломить упорство врага. Диктатура класса-победителя, террор.

3) И вот — навстречу друг другу: победа за победой и поражение за поражением. Революционная схема социальной справедливости оказалась верной и побеждала вопреки всему. Объективные условия, || <Л. IV/4> в которых росла революция, оказались непригодными для какого-то ни было бы социального уклада (крах у белых и у красных!): в нужде, нищете, болезнях скорее мыслима деспотия, чем коммунизм.

4) И вот: все силы на преодоление нужды; все силы на создание ценностей. И путь — техника, наука, новый проволочный человек — и это он — человек, который умеет прощать, потому что проволочному человеку нужна ассоциация, содружество, сотрудничество.

5) И вот: проволочный человек с мировоззрением Тимирязева — научным мировоззрением — сухой, металлический, быстрый, заводной человек, немного безумный, как и все пионеры, отводит клинок социальной борьбы в сторону борьбы с природой (одна батарейка Лакланше для меня дороже утопии Мора).

Ибо доколе у нас не будет в излишке средств борьбы с природой, орудий борьбы, до тех пор всякая наша попытка устроить мир и водворить в мире мир разобьётся на нашей нищете, — а нищета — предпосылка всякой деспотии —

как великая Р.С.Ф.С.Р. разбилась

(зацвела кабаками!)

на голоде, вшах и бездорожье.

¹ Статья «И на земле мир...» опубликована в издаваемом Фединым в Сызрани журн. «Отклики» (1919. № 6. С. 6–13), см. в составе данной публикации с. 29–36.

(Троцкий сказал: Первейшая задача социалистического строительства — борьба со вшами!)¹.

б) У нищих и людоедов не может быть социальной справедливости; они (нищие) даются только управлению деспотов. А если и возможно в 1921 году равенство на Волге, || <Л. V/5> то только равенство шегулёвское <sic>, социализм Шегулёва <sic>.

И Маркс учил (может быть потому же?). Что социализм приходит, а не вводится и что предпосылка его — необычайное наличие средств и орудий производства, т. е. расцвет техники — которая ни шагу без науки — т. е. расцвет науки.

Приход человека, отстранившего проблему социальную до разрешения проблемы научной, приход человека проволочного есть Возрождение, Ренессанс и... победа Революции: ценою своей смерти Революция одарила мир проволочным человеком (для которого Лакланше² дороже Т. Мора), чтобы воскреснуть и победить, когда этот человек сделает своё дело

(построит свой элемент Лакланше³).

Вот что случилось в России —

(Россия станет новой Америкой — электрификация вовсе не Томас Мор, который — социальное равенство и братство. Справедливость — после электрификации) пришли проволочные люди, оценившие горечью борьбы, поражений и бесплодных побед (ведь победа революции оплочена параличом всего мира, так же, как победа военная на полях Франции) весь пустозвон громких и пышных слов об индивидуальной (буржуазной) и коллективной (пролетарской) свободах и справедливости в условиях быта Европы и особенно России.

Путь проволочного человека⁴: ||

<Л. IV/6>

Гнилой окоп, вшивый концентрационный лагерь, мурманские болота, где дошли пленные немцы, мазурские — где тонули русские.

2) Восстания в России и Германии, победа их, завоевания, провал.

3) Победа над Колчаками вопреки восстаний, вопреки голоду, вопреки отсутствию дорог.

4) После каждой победы — поражение в социальном быту. Усиление болезней, падение материальной культуры города, смерть города (мёртвый Петербург!) Замыкание круга первокабинности деревни.

5) Плуг, лампочка в деревне. Етг. Осознание главного: силы вещи над человеком!

<По левому полю резюме 5-ти пунктов>: Как это не смешно, как это не подозрительно в агитационном смысле! (Это — для эстетов и формальников).

Этот путь — кровавый, крестный, жертвенный, верный — однако. На нём препоны. Она вот в чём:

¹ Имеется в виду программа борьбы за «новый быт», выдвинутая Л. Троцким в статьях 1923 г., опубликованных в газете «Правда» и составивших его знаменитую книгу «Вопросы быта. Эпоха культурничества и её задачи» (1923); см., например: «Борьба с “выражениями” является такой же предпосылкой духовной культуры, как борьба с грязью и вошью — предпосылкой культуры материальной» (*Троцкий Л.* Борьба за культурность речи // Правда. 1923. 16 мая).

² Французский инженер и изобретатель Жорж Лекланше (1839–1882), создавший в 1865 г. угольно-цинковую электрическую батарею, используемую в радиоаппаратуре, телефонных аппаратах, в электронных часах и т. п.

³ Лекланше элемент — первичный источник электрического тока, назван по имени его изобретателя Ж. Лекланше.

⁴ На обороте л. 5: «Лейтсин и сводки мировых событий (Восток, Запад, — число забастовок — продналог, транспорт, фронты — всё в числах, “нужны общие выводы, на которых строится политика в уезде” — он пишет предписания в редакцию газеты — делает политику. Голосов высмеивает)».

Люди, которые не могли стать проволочными, которые сильны по-своему, т. е. располагали всей культурой и верили в силу человека над вещью, пережили страшное. Культура материально ушла от них (была вырвана из их рук), вещь стала управлять ими.

(буржуйка, полено дров, пшёнка и академии, университеты, которые отняли у непроволочного человека вместе с каминами, поваром и паровым отоплением)

Очевидно, культура разбита, если...

(здесь всё, что так мучило русского горожанина и гражданина — от гнилой картошки, от пшёнки до Ч.К. и большевистской газеты).

Очевидно, всё сгубло, если победила Революция, победила деспотически (как только могла! ведь Керенский не победил же!), жестоко и не уступает, не уходит, правит, как деспот.

Отсюда — упадок. Отсюда — вера в чудо. Отсюда — сектантство, лампадка, икона, кликушество.

(Кликуши — писатели, врачи, адвокаты, кликуши — торговцы и спекулянты) ||

<Л. VII/7> Это — каркас — путь проволочного человека,

понявшего новое и сумевшего внутренне простить, и путь бесхребетного человека, не понявшего нового, возненавидевшего его и кликушествующего в вере в чудо.

Былина поётся параллельно о мире художника, который стал проволочным человеком, оставив страсть свою к искусству, вытравив её страстью к техническому деланию, созданию материалов, средств, орудий — (это его путь в искусстве тоже: сделать осязательным материал!) и мире прошлом, его умирании о «Саде», который — заброшенный — увял и Силантий, который возненавидел «недобрые песни» и выкурил детей из усадьбы.

Вот люди, о которых поются песни.

Андрей Старцов («Mitläufer»; центр романа)

Семён Иванович Голосов (Сёма, «Лало»), пред. исполкома

Товарищ [Лейтсин] **Покисен** пред. Уисполкома¹, «гейнианец», пьяница, безукоризненный чиновник, огородник и садовод, учитель (Ч.К., нежный отец, плачет, когда его назначают предс.) из Хуови-мяки на озере Хэпо-ярви

Валя Орлянкина, купеческая дочь

Раиса Тверецкая, поповна Семидольские подружки

<Л. 8>

Человек ушёл с головой в книги — антирелигиозные, советские, партийные, подпольные; газеты, сводки, отчёты, журналы и вдруг —
вдруг —

Этот человек видит, что все эти книги, листы, плакаты — сеют зло.

Каждое слово — зло.

Каждый звук — разжиганье страсти.

Страшно, ужасно человеку от того, что нет доброго слова и

он — партийный,

старый —

вдруг ищет в памяти:

Он писал сам книги, писал о книгах, всю жизнь — в книгах

Не странно ли — нигде нет такого простого слова — любовь...

и даже такие слова, как братство, свобода в книгах дышат злобой.

¹ Уисполком — уездный исполнительный комитет.

Глава, которая совсем не нужна читателю

— Дорогой Виктор, ты [*напрасно*] **конечно, не** думаешь, что если бы у меня была вилла в Териоках, то роман, который я начинаю со следующей главы без всякого плана, оказался бы организованным произведением и мог бы быть одобрен если не Разрядом Изящной Словесности Российской Академии Наук, то по крайней мере Обществом Изучения Поэтического языка.

Но ты ошибёшься, если допустишь, что мною применён нехитрый приём тасовки глав, написанных до того в какой-нибудь человеческой последовательности.

Я утверждаю, что ни в одной из известных мне литератур не было произведения более бессистемного, более путанного по архитектуре, стилю и манере, чем моя книга.

И я утверждаю, что семь лет, в течение которых я искал форму для своего романа, укрепили меня в мысли, что

— отсутствие формы есть форма —

и что

— бесформенность есть такой же закон, как форма —

Я буду говорить о войне, национализме, любви и бандитах, о революции, большевиках, немецких булочниках и Башкирской кавалерии. Буду говорить о газетчиках и женских изменах, о самоубийцах и вице-губернаторах, художниках, монахинях и крестьянах. Буду говорить также о русском рабочем, германском редакторе, окаменевшей марк-графине и японских дипломатах.

И всё это не будет фельетоном.

Всё это не будет простым собранием военно-революционных эпизодов и картинок, а будет

— романом —

Может быть, потому, что я расскажу также о пленных.

Может быть, потому, что моя тема — плен.

Может быть, потому, что ничто, кроме чувства плена, не зудит так крепко в костях моих и в мозгу костей, даже тогда, когда я пишу о свободных людях.

В Москве большевики строят радиостанцию¹, волны которой будут облетать вокруг земного шара. Станция будет говорить сама с собой. Вот когда первая волна чудовищного телеграфа, вылетев из Москвы, ужалит своей головой себя в хвост — щёлкнет первый замок на величайшем концентрационном лагере смерти.

Этот лагерь — тема Семи Лет.

И, конечно, Семь Лет — роман вовсе не потому, что от начала книги и до конца по страницам её прогуливаются, ходят, катаются, ползают на коленях и животах друзья, любовники, предатели, соперники Андрея Старцова, и сам он — Андрей Старцов, вечно пленный, вечно бегущий — стоит передо мною даже там, где о нём нет ни одного слова.

Я знаю, что ты громко посмеёшься, раскусив главу, совсем ненужную читателю.

Знаю, что тотчас по прочтении моей книги схватишь клочок бумаги и весело начертишь [*геометрическую*] **невиданную <ни> одним стереометром** фигуру, утверждая, что по ней, именно по ней, писал я свою книгу о революции, марк-графине, любви и озере Хэпо-Ярви.

Но, друг мой!

Если ты что-нибудь и докажешь, то только моё положение:

— бесформенность есть такой же закон, как форма —

(РО ИРЛИ. Ф. 172. Ед. хр. 1166. Л. 96–98. Автограф)

¹ Первая в СССР радиостанция — имени Нового Коминтерна — была возведена в 1922 г., вторая радиостанция Коминтерна была создана в 1927 г. на месте устаревшей и оборудована самым мощным в Европе передатчиком.

Приложение 4

<Варианты заглавия романа>

Еще ничего (!) не кончилось. 1922

Семь лет. 1922.

Бастионы, редуты, любовь.

(это можно для подглавки)

Позади нас.

Упавшее небо. (и это?)

Провинциальный роман.

(это тоже, для знакомства с Мари.)

Дамба.

Бурелом. Самое лучшее

(Буревал.) **«БУРЕЛОМ»**

Клубок. 13 мая 1923 г.

Побеждённые. 10/VI

Медленный огонь. 17/VI «Der Windbruck»

Города. Колода лет.

[*Сорванный*] мост.

<По правому полю:> «Города и годы» — 22/VIII 23

(РО ИРЛИ. Ф. 172. Ед. хр. 1166. Л. 10. Автограф)

Приложение 5

<Эпиграфы к роману>

<1>

Константин Федин

Семь лет

Роман

У нас было всё впереди,

У нас не было ничего впереди.

Чарльз Диккенс — Повесть о двух городах

[*Высокие и страшные испытания, из которых слабые люди выходят подлецами, а сильные — великими.*]

Что касается вина,

то он пил воду.

Виктор Гюго — Отверженные

Еще ничего не кончилось

Виктор Шкловский

(РО ИРЛИ. Ф. Р1. Оп. 31. Ед. хр. 124. Л. 15)

<2>

<Заглавие вымарано>

Роман

У нас было всё впереди,

У нас не было ничего впереди.

Чарльз Диккенс «Повесть о двух городах»

Что касается вина, то он пил воду.

Виктор Гюго —

[*Отверженные*] Несчастные

[Еще ничего не кончилось

Виктор Шкловский «Революция и фронт»]

Самое трудное было найти место (это ничьё место, но его; с этого же часа дни стали заполняться работой).

Кнут Гамсун — «Соки земли»

(РО ИРЛИ. Ф. Р1. Оп. 31. Ед. хр. 124. Л. 6)

<3>

Города и годы

Роман

У нас было всё впереди,

У нас не было ничего впереди.

Чарльз Диккенс [«Повесть о двух городах»]

Что касается вина, то он пил воду.

Виктор Гюго — [*Несчастные*]

Последняя канонада, как оглушительна она ни была, также не поразила меня, и как рассеялся пороховой дым и умолк гром пушек, так и всё это великолепие исчезло из моей души.

Вольфганг Гёте [«Поэзия и Правда»]

(РО ИРЛИ. Ф. Р1. Оп. 31. Ед. хр. 124. Л. 2)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции [1918] // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. 432 с.
2. *Булгаков С. Н.* На пиру богов [1918] // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. 432 с.
3. *Бухарин Н. И.* Проблема культуры в эпоху рабочей революции // Правда. 1922. 11 октября. С. 3.
4. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 455 с.
5. *Каверин В. Э. Т. А. Гофман* (Речь на заседании Серапионовых братьев, посвящённая памяти Э. Т. А. Гофмана // Книга и революция. 1922. № 7. С. 22–24.
6. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка, М.: Изд-во АН СССР, 1963. 736 с.
7. *Пильняк Б. А.* Письма: В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. 1. 1906–1922. 567 с.
8. Письмо Б. Пастернака К. Федину от 9 сентября 1928 г. // Письма Б. Л. Пастернака — К. А. Федину / Публ. и примеч. Е. Б. Пастернака и Р. Лихт // Волга. 1990. № 2. С. 164.
9. РО ИРЛИ. Р1. Оп. 31. Ед. хр. 1. Л. 1–2.
10. РО ИРЛИ. Ф. 202. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 5–5 об.
11. Свела нас Россия. Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974. М.: КМК, 2008. 504 с.
12. «Серапионовы братья» в зеркалах переписки. М.: Аграф, 2004. 544 с.
13. Суд над церковниками // Петроградская правда. 1922. 9 мая.
14. Суд над церковниками // Петроградская правда. 1922. 30 мая.
15. Суд над церковниками // Петроградская правда. 1922. 6 июля.
16. Суд над церковниками // Петроградская правда. 1922. 9 июня.
17. *Тамарченко Н. Д.* О критерии художественности // Ленинград. 1932. № 8. С. 82.
18. *Толстой А. Н.* О новой литературе // Накануне. Литературное приложение. 1922. 11 июня. № 7 (62). С. 5–6.
19. *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. 400 с.

20. Трубилова Е. О «творческой воле» писателя (к изданию романа К. Федина «Города и годы» в серии «Литературные памятники») // Константин Федин и его современники (Фединские чтения. Вып. 5: к 120-летию со дня рождения К. А. Федина). Саратов, 2012. С. 45–56.
21. Федин К. Города и годы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933. 405 с.
22. Федин К. Избр. соч.: в 3 т. М.: Терра–Книжный клуб, 2009. 1568 с.
23. Федин К. Избр. соч.: в 3 т. М.: Терра–Книжный клуб, 2009. Т. 1. М.: Терра–Книжный клуб, 2009. С. 539–549 (Старков А. Н. Комментарии).
24. Федин К. Как я работаю // Литературная учеба. 1930. № 4. С. 116–117.
25. Чуковский К. Дневник. 1930–1969. М.: Советский писатель, 1995. 560 с.
26. Ширмаков П. П. Публицистическая и литературно-критическая деятельность К. А. Федина 1919–1921 годов // Творчество Константина Федина. Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фединым. Библиография. М.: АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького, 1966. С. 267–294.
27. Шкловский В. Б. Гамбургский счёт. М.: Советский писатель, 1990. 544 с.
28. Шкловский В. Б. Ещё ничего не кончилось... М.: Пропганда, 2002. 464 с.
29. Шкловский В. Б. Письма М. Горькому (1917–1923 гг.) / Примеч. и подготовка текста А. Ю. Галушкина // De visu. 1993. № 1. С. 30.

REFERENCES

1. Askol'dov S. A. Religioznyj smysl russkoj revoljucii [1918] // Puti Evrazii. Russkaja intelligencija i sud'by Rossii. М.: Russkaja kniga, 1992. 432 p.
2. Bulgakov S. N. Na piru bogov [1918] // Puti Evrazii. Russkaja intelligencija i sud'by Rossii. М.: Russkaja kniga, 1992. 432 p.
3. Buharin N. I. Problema kul'tury v jepohu rabochej revoljucii // Pravda, 1922. 11 oktjabrja. P. 3.
4. Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. v 30 t. T. 10. L.: Nauka, 1974. 455 p.
5. Kaverin V. Je. T. A. Gofman (Rech' na zasedanii Serapionovyh brat'ev, posvjashhennaja pamjati Je. T. A. Gofmana // Kniga i revoljucija. 1922. № 7. P. 22–24.
6. Literaturnoe nasledstvo. T. 70. Gor'kij i sovetskie pisateli. Neizdannaja perepiska, М.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 736 p.
7. Pil'njak B. A. Pis'ma: v 2 t. М.: IMLI RAN. T. 1. 1906–1922. 567 s.
8. Pis'mo B. Pasternaka K. Fedinu ot 9 sentjabrja 1928 g. // Pis'ma B. L. Pasternaka — K. A. Fedinu / Publ. i primech. E. B. Pasternaka i R. Liht // Volga. 1990. № 2. P. 164.
9. RO IRLI. P. I. Op. 31. Ed. hr. 1. L. 1–2.
10. RO IRLI. F. 202. Op. 3. Ed. hr. 75. L. 5–5 ob.
11. Sveta nas Rossija. Perepiska K. A. Fedina i I. S. Sokolova-Mikitova. 1922 — 1974. М.: KMK, 2008. 504 p.
12. «Serapionovy brat'ja» v zerkalah perepiski. М.: Agraf, 2004. 544 p.
13. Sud nad cerkovnikami // Petrogradskaja Pravda. 1922. 9 maja.
14. Sud nad cerkovnikami // Petrogradskaja Pravda. 1922. 30 maja.
15. Sud nad cerkovnikami // Petrogradskaja Pravda. 1922. 6 ijulja.
16. Sud nad cerkovnikami // Petrogradskaja pravda, 1922. 9 ijunja.
17. Tamarchenko N. D. O kriterii hudozhestvennosti // Leningrad. 1932. № 8. P. 82.
18. Tolstoj A. N. O novoj literature // Nakanune. Literaturnoe prilozhenie. 1922. 11 ijunja, № 7 (62) P. 5–6.
19. Trockij L. D. Literatura i revoljucija. М.: Politizdat, 1991. 400 p.
20. Trubilova E. О «творческой воле» писателя (к изданию романа К. Федина «Города и годы» в серии «Литературные памятники») // Константин Федин и его современники

- (Fedinskie chtenija. Vyp. 5: k 120-letiju so dnja rozhdenija K. A. Fedina). Saratov, 2012. P. 45–56
21. *Fedin K.* Goroda i gody. L.: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1933. 405 p.
22. *Fedin K.* Izbr. soch.: v 3 t. M.: Terra–Knizhnyj klub, 2009. 1568 p.
23. *Fedin K.* Izbr. soch.: v 3 t. M.: Terra–Knizhnyj klub, 2009. T. 1. P. 539–549 (*Starkov A. N.* Kommentarii).
24. *Fedin K.* Kak ja rabotaju // Literaturnaja ucheba. 1930. № 4. P. 116–117.
25. *Chukovskij K.* Dnevnik. 1930–1969. M.: Sovetskij pisatel', 1995. 560 p.
26. *Shirmakov P. P.* Publicisticheskaja i literaturno-kriticheskaja dejatel'nost' K. A. Fedina 1919–1921 godov // *Tvorchestvo Fedina*. S. 267–294;
27. *Shklovskij V. B.* Gamburgskij schet. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 544 p.
28. *Shklovskij V. B.* Eshhe nichego ne konchilos'... M.: Propaganda, 2002. 464 p.
29. *Shklovskij V. B.* Pis'ma M. Gor'komu (1917–1923 gg.) / Primech. i podgotovka teksta A. Ju. Galushkina // *De visu*. 1993. № 1. P. 30.

**«ЦАРЕВНА У НАС УРОДА!»:
СЮЖЕТ И ОБРАЗНЫЙ МИР РУССКОЙ
ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ «БЕЗРУЧКА» (СУС 706)¹**

В статье на примере сказки «Безручка» (СУС 706) рассматривается репрезентация инвалидности в русской фольклорной традиции. Для народного мировоззрения физическая ущербность довольно часто становится неким знаком избранности, указанием на принадлежность человека к группе людей, наделённых особыми сверхъестественными способностями. В то же время инвалид представляет собой опасность для окружающих, поскольку его инвалидность может быть наказанием за грехи.

Устранение инвалидности в большинстве случаев связано с Богом, святыми угодниками или Божьей Матерью. Они помогают человеку вернуть зрение или слух, реже ликвидировать отсутствие конечностей, излечиться от паралича, неврологических и психических заболеваний. В большинстве фольклорных жанров именно инвалидность указывает на связь с «иным» миром и на наличие каких-то особых способностей. В сказке «Безручка» особые качества героини, её соответствие эталону, правильность выбора царевича и повышение социального статуса подтверждаются именно устранением инвалидности.

Ключевые слова: русская волшебная сказка, история происхождения сюжета, репрезентация инвалидности.

Сказка на сюжет СУС 706 относится к ядру русского сказочного репертуара. Согласно указателю сюжетов «Восточнославянская сказка» [29], зафиксировано около 50 русскоязычных вариантов данного сюжета. Отметим, что в указатель не попали тексты, опубликованные после 1979 г., некоторые публикации в региональных изданиях и архивные публикации. С привлечением этих записей число вариантов существенно увеличивается.

Данный сюжет всегда привлекал внимание исследователей [44; 42; 43; 12, 78–90; 14, 43–65]. История сюжета связана со сказками из «Книги тысячи и

---

* Варвара Евгеньевна Добровольская — кандидат филологических наук, заведующая сектором нематериального культурного наследия Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова (Москва, Российская Федерация); dobrovolska@inbox.ru

¹ Грант РГНФ 16-01-00145 (проект «Репрезентация людей с ограниченными возможностями здоровья») / Грант РФФИ № 17-01-00001 «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями в России».

одной ночи». В 347-ю ночь Шехерезада (Шахразада) рассказывает персидскому царю Шахрияру сказку о женщине с отрубленными руками. Этот же сюжет позднее разрабатывался западноевропейскими средневековыми легендами. Ряд исследователей полагает, что этот мотив бытует и в средневековой европейской литературе, однако это не всегда так. Например, считается, что сюжет, аналогичный русской сказке, есть в «Кентерберийских рассказах» Д. Чосера [36]. Однако рассказ юриста о Констанце не является сюжетным типом СУС 706. В нём отсутствует мотив отрубания рук молодой женщины, привязывание к ней ребёнка, чудесное устранение инвалидности у колодца. На протяжении всего текста героиня сохраняет физическое здоровье. В данном случае представлен сюжет об оклеветанной жене, который встречается в ряде сказок, например в СУС 707 («Чудесные дети»). В нём героиню с ребёнком бросают в бочке в море или, как у Чосера, сажают в лодку без руля, но не отрубают руки. У Чосера эпизод ложного обвинения и изгнания героини повторяется: в первый раз её изгоняет мать султана, а во второй — мать короля Нортумбрии Алла. Несколько иной случай мы наблюдаем в «Приятных ночах» Дж. Страпаролы [30]. Четвёртую сказку первой ночи о кознях Тебальдо, князя Салернского, также принято относить к сюжету СУС 706. Однако и в этом случае Дораличе не отрубают руки. Этот текст использует два других сюжетных типа, связанных с мотивом потенциального инцеста отца героини. Основная канва сюжета наиболее близка к разновидности СУС 706С «Терпеливая Елена». В сказках этого типа девушка, противясь желанию отца-вдовца жениться на ней, убегает из дома, становится женой королевича и рождает ему ребёнка. Отец героини убивает внука, подкидывает окровавленный нож дочери, за что ту изгоняют из дворца. В сказке ей обычно удаётся оживить ребёнка, вернуть любовь мужа и раскрыть коварство отца. В литературном варианте оживление ребёнка оказывается невозможным. Для русской традиции данный сюжет не зафиксирован и в восточнославянской традиции он известен по белорусскому и украинскому материалу. Мотив «сокрытия в шкафу» в русской сказочной традиции реализован в другом сюжетном типе СУС — 510В* «Золотой фонарь». В этой сказке царь-вдовец также хочет жениться на собственной дочери, но она скрывается в золотом фонаре, который потом оказывается у царевича, женой которого она и становится. На русском материале сюжет представлен единственной записью 1893 г. [23, № 118–125], которую сделал П. Семёнов в станице Слепцовой. Таким образом, текст Дж. Страпаролы ошибочно рассматривается как один из литературных вариантов «Безручки». Ещё один текст, традиционно рассматриваемый как литературный вариант фольклорной сказки СУС 706, — это «Пента-Безручка» из сборника «Пентамерон» Дж. Б. Базиле [2]. Данный текст действительно представляет сюжет СУС 706, хотя и с определёнными особенностями, отсутствующими в русской традиции. Так, у Базиле брат героини хочет на ней жениться, и, стараясь избежать кровосмешения, героиня отрубает себе руки сама.

Самые известные европейские фольклорные варианты сказки «Безручка» — это четыре текста из сборника братьев Гримм [42, 69–72, 455–456]. В вариантах из Цверна, Падерборна и Мекленбурга присутствует мотив инцеста, а вот в тексте из Гессена он отсутствует. В немецких вариантах очень важным оказывается момент излечения девушки. Инвалидность мо-

жет исчезнуть после того, как деревья вокруг лесной хижины вырастают настолько, что для того чтобы их обхватить, у героини должны вырасти руки. Другой вариант сходен с русской версией — героиня опускает обрубки в воду или переплывает реку, и руки отрастают заново. Ни в одном из немецких вариантов нет мотива. Надо отметить, что в немецкой традиции довольно сильно проявляется элемент божественного чуда: девушку сопровождает ангел, небесный свет указывает ей путь и т. п.

Русский вариант «Безручки» связан с «Повестью о царевне Персике» [4, 16–25; 33, 267–274]. Как отметила В. Д. Кузьмина, в «Повести...» автор «стремится подчеркнуть напряжённость любовных переживаний персонажей, увеличивает количество чувствительных сцен, нагнетает элементы чувствительности... охотно вводит в язык произведения слова из новой деловой речи... и модной галантной лексики». Всё это способствует созданию произведения, которое из «легенды о богородичном чуде превращается в любовно-авантюрное повествование» [16, 449–452].

Вероятно, именно это стремление к «любовно-авантюрному повествованию» и сделало сказку «Безручка» одним из самых популярных сюжетов в русском сказочном репертуаре.

Большую роль в любви к этому сюжету сыграл и образ главной героини — невинно оклеветанной девушки, лишившейся рук по навету жены брата.

Сказочники любят свою героиню и с большим сочувствием описывают её лишения и беспомощность.

Сострадание сказочников к оклеветанной девушке понятно. Она становится беспомощным инвалидом. Для русской фольклорной традиции инвалидность человека, а не мифологического персонажа, может быть своеобразным знаком. Физический недостаток рассматривается как результат проклятья или нарушения запрета [39, 79–89; 40, 594–596]. В религиозной фольклорной прозе инвалидность становится результатом некоего неправильного поступка [1, 306–316] или святотатства [7, 76–88; 8, 500–512; 37; 32, 132–136; 17, 177–185]. Болезнь, вызванная неправильным поведением, обычно неизлечима. Так, в ряде вариантов сюжета о девушке, танцевавшей с иконой, помимо мотива о том, как она окаменела, есть и мотив освобождения от стояния (иногда это делает безгрешный отрок, сын священника, иногда святой Николай, явившийся в образе старичка). Девушка вроде бы оживает, но становится инвалидом: у неё психические расстройства, она не может нормально ходить, говорить, её бьют судороги и т. д. Обычно нечестивица после физического излечения быстро умирает, поскольку в процессе наказания страдает её духовная сущность: «Стала танцевать. Пригласила шесть пар, а её седьмой-то, Николай, не придёт. Так она сняла икону Николая и начала с ним кружиться. Раз прокружилась — какой-то ветерок. Второй раз прокружилась — сильный ветер. Третий раз прокружилась — вихрь в избе. И она окаменела. Стала середь избы, как статуя... Никого, никого, никого не подпускали. Никаких митрополитов, никаких. Только один старичок пришёл. Его допустили, чтоб её снять с этого места, а пришёл это Никола землицей. Вот, это Никола пришёл и её снял... Вот Чудотворец... “Что, — говорит, — натамцевалась? Тебе, — говорит, — только жить до Благовещенья”. И потом уж, конечно, молились, отпевали» [34, 281–282].

Физический недостаток может рассматриваться как наказание за грехи самого человека, его родителей или предков: «Ваня поехал венчаться со второй женой. Он обманул батюшку, что детей нет. А у него два сына, они в Сиухе... У него с этой женщиной народилась девочка без глаз. Сколько она жила — не знаю. Она умерла, эта девочка» [34, 274]. Инвалидностью наказывают человека за разрушение церкви. Довольно часто в этом случае недуг прямо соотносится с тем ущербом, который нанесён церкви. Так, сбросивший колокол — лишается языка, отбивший «уши» (проёмы, за которые подвешивают колокол) — становится глухим, разрушавший церковное здание — страдает от разбившего его паралича¹. Аналогично, человек, который открыл церковь для разграбления, становится инвалидом (теряет, например, подвижность руки, которой он открыл дверь в храм). В таких случаях человек обычно живёт долго, испытывает необыкновенные мучения как физические, так и моральные. В данном случае инвалидность становится своеобразным средством, направленным на осознание своего греха и определённым предоставлением времени на его отмаливание: «Ну, сами руки не накладывали, чтобы утпереть, и пришли к старосте церковному. Там староста был, кличи были у него в церкви. Он не отпирал. Потом ещё много раз ездили. Потом приехали последний раз, он им и говорит: “Вот давайте я самый первый возьму, что есть в церкви, чего мне надо в церкви”. Ему разрешили. Он только подошёл к церкви-то — у нас ограда была высокая, голубая — как подошёл, как только отпер церковь, его и перекинуло через ограду. У него и рука отнялась. Рука отнялась и нос свёз... И он долго жил. Всё каялся...» [34, 283]. Но героиня сказки никаких злодейств не совершала: она не убивала любимого пса, коня и ребёнка брата; она не разоряла его хозяйство; она не вела разгульный образ жизни в его отсутствие. Но жена брата приписывает ей злодейства, которые совершает сама.

В данном случае инвалидность сказочной героини близка к восприятию физического ущерба как знака определённой избранности и мученичества. Болезнь рассматривается как некий знак избранности, указание на принадлежность человека к группе «знающих». В этом случае инвалидность — это некое указание на то, что это не совсем обычный человек, что он связан с «иным миром», наделён особыми, сакральными знаниями. Именно к нему в случае необходимости будут обращаться за помощью и советом.

Не случайно считалось, что наиболее точные предсказания делают слепые предсказатели, лучше всего лечат люди с физическими недостатками и так далее. Такое отношение закреплено в пословицах: «Умудряет Бог слепца», «Слепец духом прозревает» и т. д. Способностью к прорицанию в русской традиции наделяются «божьи люди», необычный внешний вид (различные телесные аномалии) и поведение (психические аномалии) которых выступают своеобразным указанием на то, что данный человек предсказывает судьбу [15, 187–199; 31, 200–217; 37, 247–254; 10, 95–105; 9, 137–152].

Безусловно, Безручка воспринимается именно как такая знаковая героиня, отмеченная, избранная. Она стойко преодолевает страдания, выпавшие на её долю, не ропщет на судьбу (а в ряде вариантов на Бога). Она покорна воле

¹ Поскольку церковь понимается как мистическое Тело Христово, то разрушение этого тела карается физическим недугом, связанным с нарушением функционирования тела человека-святоотца.

брата и мужа. Доказательством её избранности отчасти является и рождение ею чудесного ребёнка — сына, у которого «по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре, по косицам часты звёзды, во лбу солнце, в затылке месяц» [21, № 1]; или: «... в комнаты засияло — такой сын родился. Во лбу солнце пекёт, в затылке месяц. А по косицам мелки звёздочки рассыпаюца, а за ушмы зори замыкаюце» [28, № 47].

Брат отвозит сестру в лес и обычно отрубает ей руки по локоть. В некоторых вариантах он наносит сестре и более серьёзные увечья: «...отсёк сестре руки да ноги, и оставил ие так в ясу, а сам и уехал домой» [13, № 73]; или: «Вот приехали они в лес, к синему морю; взял брат отрубил одну руку сестры, отрубил другу, отрубил обе ноги по колено, оставил ей подорожников, а сам уехал домой...» [21, № 1]. Иногда нанесённый ущерб ограничивается только пальцами или кистями рук: «Размахнулся, одним взмахом отрубил ей пальцы» [20, 70–77]; или: «Положила она руки на пень; он по кистям обсёк» [21, № 39], но и это делает героиню инвалидом и человеком, не соответствующим получаемому социальному статусу царевны: «Царевна у нас урода — без рук» [20, 70–77].

Героиню постоянно называют красавицей: «Глянул — она красавица. Краше нету» [19, № 37], «А она была такая красавица, что зрел бы на неё, смотрел, очей не сносил» [21, № 39], — но подчёркивают при этом её физическую ущербность: «Она была красивая девушка, только у неё не было рук» [5, 260–261]. Безручка вызывает жалость и сострадание героя (и самого сказочника): «А сам плачет, рыдает, потому что ему так жалко: такая хорошая девушка — и вдруг без рук!» [22, № 126].

Несоответствие красоты и немощности также является знаком избранности героини. Для мужского персонажа, например в сказках «Неумойка» (СУС 361) или «Незнайка» (СУС 532), ситуация иная: психическая неполноценность, нарушение общепринятых норм поведения скрывают истинный облик героя. Другие угнетаемые женские персонажи скрывают свою красоту под лохмотьями и грязью или их заставляют её скрывать. В рассматриваемой сказке героиня не скрывает свой истинный облик, её красота, так же как и её болезнь, видны окружающим. Но здесь ярче, чем в других сказках, инвалидность героини используется сказочниками как средство характеристики других персонажей. Царевич, несмотря на увечья, женится на Косоручке, его родители жалеют девушку, получив подложное письмо, они плачут, жалеют внука и невестку, «казнить рука не поддаётся» [19, № 37].

Иногда, родители выступают противниками героини: «...родители без него и вздумали свезти её назад в лес и положили на старое место» [21, № 39], но их злодеяние способствует излечению девушки, а сын наказывает их за преступление «...Он повесил их на ворота и расстрелял» [21, № 39]. Надо отметить, что сказочники одобряют в этом случае поведение царского сына, поскольку он оказывается поборником справедливости.

Обычно Безручка скитается по лесу, который в данном случае выступает как некое пограничное пространство, но в ряде случаев героиня может оказаться в царском саду. Сад, несмотря на то что это часть рукотворного, освоенного человеком пространства [11, 5–18], в данном случае это тоже пограничное пространство, периферия «этого» мира. Девушка с отрубленными руками становится персонажем некоего чужого мира по отношению к

царскому сыну. «Неправильная» царская невеста с точки зрения окружающих становится единственно возможной невестой. Недаром юноша говорит: «Благословите — женюсь, не благословите — женюсь» [21, № 39]. В данном случае её инвалидность становится знаком правильного выбора царевича.

Не имея возможности сорвать в саду яблоки, девушка надкусывает их прямо на ветке: «...захотелось ей поесть, она яблочки надкусывала: сорвать ей нельзя, рук нет» [35, № 22]. Этот вариант текстологически сходен со сказкой «Das Mädchen ohne Hände» (№ 31) [42, № 31] из сборника Братьев Гримм: «Подошла она к дереву и съела одну грушу прямо с дерева, не срывая, чтобы утолить свой голод, и ни одной не тронула более» [6]. Известны и другие аналогичные варианты: «Хочется ей сорвать яблочко, да нечем; она протянула шею да и ртом прямо с дерева, с веточки и сорвала яблочко, накушалась, отошла от яблони и в тени другого дерева легла отдохнуть» [23, № 14]; или «Ходит она по саду и своим ртом ошшипывает яблочки» [3, № 72]. Иногда беспомощность девушки, невозможность сорвать и съесть яблоко описывается иначе: «...хочется яблочков сорвать, а нельзя. Плечиком потрясла яблоню, прижала яблоко коленом и ест» [27, № 64].

Отметим, что мотив, связанный с яблоками в саду, встречается и в другом русском варианте. В сказке, записанной В. И. Чернышёвым, девушка выходит замуж за царского сына, рождает ребёнка и, гуляя с ним по саду, смотрит на яблоки. Это провоцирует её на обращение к Господу со словами: «...если бы у меня были руки сорвать яблочко для меня и для моего детища» [26, № 11]. Просьба услышана, и «тут у неё вдруг и отросли руки». Ещё в одной сказке героиня заходит в сад, ложится под дерево и «ждёт, когда упадёт яблоко, потому что у неё нет рук» [22, № 125].

Именно в этом саду её находит добрый молодец, с которым они идут туда, где лежат отрубленные руки, именно там она «приложила свои руки к кистям, и случилось такое чудо: её отрубленные руки приросли». Аналогичный пример есть и в другом тексте из этого же сборника: «Ну, рук-то у неё нет. Хотела она яблоко съесть. А как она может руками достать и поднять? Вот она легла под яблоню и лежит, ждёт, когда ей яблоко в рот упадёт» [22, № 126].

В немецкой сказке девушке помогает ангел: «И стала она на колени, и обратилась к Господу Богу с молитвою. И вдруг явился ангел с небес <...>. Вот и направилась она в сад, и ангел пошёл за нею следом...». В русских вариантах ситуация иная. Девушка справляется со своей бедой относительно самостоятельно, а мотив божественного чуда исцеления появляется в конце сказки и связан преимущественно с обращением героини к Богу. Просьба может и отсутствовать, как например, в тех случаях, когда героиня встречает своего будущего мужа в саду.

Чаще чудесное исцеление происходит у водного источника или связано с водой. Несчастная женщина возвращает себе прежнее физическое состояние без всякой просьбы к высшим силам: «Подошла к реке, пить захотелось. Наклонилась, оперлась култышками, встала, а у неё руки выросли» [20, 70–77].

Более типична другая ситуация. Женщину с отрубленными руками выгоняют из дома вместе с новорождённым ребёнком. Она оказывается в пустынной местности, мучается от жажды и, увидев колодец, наклоняется к воде и роняет ребёнка. В ряде вариантов женщина просит Бога, «чтоб даровал ей руки младенца вытащить. Вдруг чудо свершилось — руки явились;

она вытащила сына» [18, № 280]. Иногда процесс описывается как некий долгий магический акт: «Легла она на берег и стала плакать: “Кабы были у меня рученьки, али бы я своего бладеньча не вынула!” Вот вдрук выросли у ней руки, да нет пестиков. Вот опять стала плакать, пощё пестиков нет... Опеть у её и пестики выросли, да не гнучья. Вот и опеть плачет, залеваается горячими слезами, пощё пестики не гнучья... Ну вот стали у её и пестики гнучья, она и поймала бладеньча» [3, № 72]. В некоторых вариантах героиня слышит голос и даже вступает с ним в беседу: «И она стала молиться богу, и вдруг ей послышался голос: “Испей, ничего не будет”. И она стала пить, и вдруг у её вылетел ребёнок в воду, и она тогда закричала: “Господи! Если бы я знала, я бы лучше не стала пить, потому что я утопила своего ребёнка”. А ей обратно слышится голос: “Бери ребёнка из воды”. — “Я бы взяла, да у меня рук нету”. — “А ты бери своими папоротками”. И когда она опустила обрубленные руки в воду, то вдруг у неё приросли руки, и она взяла своего ребёнка» [24, № 22].

В большинстве вариантов руки у героини вырастают из обрубов. Но в некоторых текстах отрубленные руки прирастают на место: «...а голос слышно: — Зайди в воду. Вон руки-те плывут! Она зашла, видит руки к ней плывут и прямо прильнули к окомелоцкам» [19, № 37].

В ряде вариантов Косоручка, уронив ребёнка в колодец, просто плачет. В этот момент рядом появляется некий старичок, который велит ей: «Поди нагнись, возьми его». Женщина объясняет, что у неё «рук нет — одни локоточки», но старичок проявляет настойчивость, и женщина опускает свои обрубки в колодец; и в этот момент происходит чудо — «ей господь и пожаловал — очутились целые руки» [18, № 279] или «Протянула она к сыну одну руку, за ней другую, смотрит: оби руки целы, будто и не были отрублены» [23, № 14]. Иногда вместо таинственного старичка появляется Николай Угодник: «Идёт старец — Никола, угодник божий» [18, № 282]. Но, бывает, что в роли спасителя выступает пастух, указывающий ей колодец и велящий ей, когда она роняет туда ребёнка: «Не бойся, сунь руки в колодец!» [25, № 56].

Устранение инвалидности становится окончательным подтверждением особых качеств героини, её избранности.

Для народного мировоззрения физическая ущербность довольно часто становится неким знаком избранности, указанием на принадлежность человека к группе людей, наделённых особыми, сверхъестественными способностями. В то же время инвалид представляет собой опасность для окружающих, поскольку его инвалидность может быть наказанием за грехи.

Устранение инвалидности в большинстве случаев связано с Богом, святыми угодниками или Божьей Матерью. Они помогают человеку вернуть зрение или слух, реже ликвидировать отсутствие конечностей, излечиться от паралича, неврологических и психических заболеваний. В большинстве фольклорных жанров именно инвалидность указывает на связь с «иным» миром и на наличие каких-то особых способностей. В сказке «Безручка» особые качества героини, её соответствие эталону, правильность выбора царевича и повышение социального статуса подтверждаются именно устранением инвалидности. Физический недуг всегда ликвидируется чудесным способом. Им может быть волшебный предмет — вода, но для данного сюжета в большинстве вариантов это божественное чудо — дар Бога за терпение и

смирение. В отличие от христианских легенд в сказочных текстах помощь Бога и святых связана не столько с христианским вероучением как таковым и верностью христианским догматам, как в немецких вариантах сказок или как в «Повести о царице Персике», а скорее с категориями добра и зла как таковыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амосова С. Н.* «... Ну посыпать ей глаза»: Мотив наказания слепотой за работу в неурочное время // *Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии* / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М.: РГГУ, 2014. С. 306–316.
2. *Базиле Дж. Б.* Сказка сказок, или Забава для малых ребят. СПб., 2016 («Мировая классика»).
3. *Великорусские сказки Вятской губернии.* Сборник Д. К. Зеленина. Иваново, 2015. № 72 (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 7).
4. *Волкова Т. Ф., Чупрова Г. В.* К изучению Повести о царице Персике // *Традиция и литературный процесс.* Новосибирск: Изд-во СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН, 1999. С. 16–25
5. *Гончарова А. В.* Золотые зёрна: сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция. 1999. С. 260–261.
6. *Гримм Я., Гримм В.* Полное собрание сказок: в 2 т. / Перевод с нем. и предисловие Э. Ивановой. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
7. *Добровольская В. Е.* Несказочная проза о разрушении церквей // *Славянская традиционная культура и современный мир.* Вып. 2 / Сост. В. Е. Добровольская. М.: ГРЦРФ, 1997. С. 76–88.
8. *Добровольская В. Е.* Несказочная проза о разрушении церквей // *Русский фольклор.* Т. XXX. Материалы и исследования / Отв. ред. А. Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. С. 500–512.
9. *Добровольская В. Е.* Термин «местнотимый» в фольклорной традиции Северной Великодержавии // *Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия* / Сост. О. Г. Севан, Г. В. Судаков. Вологда: Легия, 2000. С. 137–152.
10. *Добровольская В. Е.* Народные представления о колдунах в несказочной прозе // *Мужской сборник.* Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / Сост. И. А. Морозов; отв. ред. С. П. Бушкевич. М.: Лабиринт, 2001. С. 95–105.
11. *Добровольская В. Е.* Лес vs сад в русской волшебной сказке: сюжетная функция локусов // *Семантика леса и сада в русской литературе и фольклоре.* М., 2017. С. 5–18.
12. *Елеонская Е. Н.* Некоторые замечания о роли загадки в сказке // *Этнографическое обозрение.* 1907. № 4. С. 78–90.
13. *Зеленин Д. К.* Великодержавские сказки Пермской губернии. СПб., 1997. № 73 (STU-DIORUM SLAVICORUM MONUMENTA. Т. 12).
14. *Зуева Т. В.* Рождение сказки (АТ 706). // *Фольклор и литература. Проблемы их творческих взаимоотношений.* М., 1982. С. 43–65.
15. *Иванова А. А.* Легенды о прозорливых Уржумского края // *Актуальные проблемы полевой фольклористики.* Вып. 3 / Отв. ред. А. А. Иванова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 187–199.
16. *Кузьмина В. Д.* Источник повести о царице Персике // *Труды Отдела древнерусской литературы.* М.–Л., 1958. Т. 14. С. 449–452.

17. Мороз А. Б. Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Учёные записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000. С. 177–185.
18. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2. М., 1985.
19. Озаровская О. Э. Пятиречье. СПб., 2000 (Полное собрание русских сказок. Довоенные собрания. Т. 4).
20. Русские народные сказки. Сказки, рассказанные воронежской сказочницей А. Н. Корольковой. М., 1969. С. 70–77.
21. Русские сказки и песни в Сибири. Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по этнографии. 1902 и 1906 гг. СПб., 2000. Т. 2 (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 3).
22. Самоделова Е. А. Сказки Центральной России в конце XX — начале XXI века: в записях Е. А. Самоделовой и друзей-фольклористов. Тексты. Рязань, 2013. Т. 1.
23. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. XV Отд. 2. С. 118–125.
24. Сказки И. Ф. Ковалёва. М., 1941 (Издание Государственного литературного музея. Кн. 11).
25. Сказки Заонежья. Петрозаводск, 1986 (Памятники фольклора Карелии).
26. Сказки и легенды Пушкинских мест // Записи на местах, наблюдения и исследования члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышёва. СПб., 2004.
27. Сказки и несказочная проза. М., 1998 (Фольклорные сокровища Московской земли).
28. Сказки Терского Берега Белого моря / Изд. подготовил Д. М. Балашов. Л., 1970.
29. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979 (СУС).
30. Странарола Дж. Приятные ночи. М., 1978 («Литературные памятники»).
31. Фадеева Л. В. Рассказы о блаженных и прозорливых в Инзенском районе Ульяновской области: Катенька Пятинская // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3 / Отв. ред. А. А. Иванова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 200–217.
32. Фадеева Л. В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (к проблеме специфики сюжета и жанра) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. С. 123–126.
33. Фёдорова М. С. К вопросу о типологии женских образов в литературе первой половины XVIII века (На примере «Повести о царевне Персике») // Славянский вестник. 2014. Вып. 1–2. С. 267–277.
34. Фольклор Сосновского района Нижегородской области / Сост. А. Н. Караулов, И. А. Фалькова, К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова; под общ. ред. К. Е. Кореповой. Нижний Новгород: Растр-НН, 2013. С. 281–282 // Фольклорное наследие Нижегородского края. Т. 1.
35. Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001. № 22 (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 6).
36. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 2012 («Литературные памятники»).
37. Шеваренкова Ю. М. Знаменитые блаженные Дивеевской земли // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Иванова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 247–254.
38. Шеваренкова Ю. М. Нижегородские христианские легенды / Сост., вступ. статья и коммент. Ю. А. Шеваренковой. Нижний Новгород: КиТиздат, 1998.

39. Ясинская М. В. «Света белого не видеть...» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение. 2013. № 2. С. 79–89.
40. Ясинская М. В. Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Труды и материалы / Отв. ред. М. Л. Ремнёва. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 594–596.
41. Daumling H. Studie uber den Typus des «Madchens ohne Hande». München, 1912.
42. Grimm Brüder. Kinder- und Hausmärchen. Ausgabe letzter Hand mit den Originalanmerkungen der Brüder Grimm. Mit einem Anhang sämtlicher, nicht in allen Auflagen veröffentlichter Märchen und Herkunftsnachweisen herausgegeben von Heinz Rölleke. Band 3: Originalanmerkungen, Herkunftsnachweise, Nachwort.
43. Schlauch M. Chaucers Constance and accused Queens. N. Y., 1927.
44. Поповић П. Приповетка о девојци без руке. Београд, 1905.

REFERENCES

1. Amosova S. N. «...Nu posypat' ej glaza»: Motiv nakazanija slepotoj za rabotu v neurochnoe vremja [“Well, sprinkle her eyes”: Motive for punishment of blindness for work at an inopportune time] // *Sila vzgljada: Glaza v mifologii i ikonografii [The power of a look: Eyes in mythology and iconography]* / Отв. ред. и сост. D. I. Antonov. М.: RGGU, 2014. С. 306–316.
2. Bazile Dzh. B. Skazka skazok ili Zabava dlja malyh rebjat [Fairy tale of fairy tales or Fun for little children]. SPb., 2016 («Mirovaja klassika»).
3. Velikorusskie skazki Vjatskoj gubernii. Sbornik D. K. Zelenina [Russian fairy tales of Vyatka province. Collection of D. K. Zelenin]. Ivanovo. 2015. № 72 (Polnoe sobranie russkikh skazok. Predrevoljucionnyye sobranija. T. 7).
4. Volkova T. F., Chuprova G. V. K izucheniju Povesti o carevne Persike [To the study of the Tale of Princess Peach] // *Tradicija i literaturnyj process [Tradition and literary process]*. Novosibirsk: izd-vo SO RAN, Nauchno-izdatel'skij centr OIGGM SO RAN, 1999. S. 16–25
5. Goncharova A. V. Zolotyje zerna: skazki, legendy, predanija, memuarne rasskazy Tverskogo kraja [“Golden Grain”: tales, legends, legends, memoirs of the Tver region]. Tver': Russkaja provincija. 1999. S. 260–261.
6. Grimm Ja., Grimm V. Polnoe sobranie skazok [Complete collection of fairy tales]: V 2 tomah / Perevod s nem. i predislovie Je. Ivanovoj. М.: OLMA-PRESS, 2002.
7. Dobrovol'skaja V. E. Neskazochnaja proza o razrushenii cerkvej [Oral histories about the destruction of churches] // *Slavjanskaja tradicionnaja kul'tura i sovremennij mir [Slavic traditional culture and the modern world]*. 2 / Sost. V. E. Dobrovol'skaja. М.: GRCRF. 1997. S. 76–88.
8. Dobrovol'skaja V. E. Neskazochnaja proza o razrushenii cerkvej [Oral histories about the destruction of churches] // *Russkij fol'klor [Russian folklore]*. T. 30. Materialy i issledovanija / Отв. ред. А. N. Rozov. SPb.: Nauka, 1999. S. 500–512.
9. Dobrovol'skaja V. E. Termin «mestnochtimyj» v fol'klornoj tradicii Severnoj Velikorossii [The term “locally venerated” in the folklore tradition of Northern Great Russia] // *Kul'tura Russkogo Severa v preddverii tret'ego tysjacheletija [Culture of the Russian North on the eve of the third millennium]* / Sost. O. G. Sevan, G. V. Sudakov. Vologda: Legija. 2000. S. 137–152.
10. Dobrovol'skaja V. E. Narodnye predstavlenija o koldunah v neskazochnoj proze [Folk beliefs about sorcerers in folk oral histories] // *Muzhskoj sbornik. Vyp. 1: Muzhchina v tradicionnoj kul'ture: Social'nye i professional'nye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhs-*

- kaja atributika i formy povedenija. Muzhskoj fol'klor [Male collection. Issue. 1: A man in traditional culture: Social and professional statuses and roles. Strength and power. Masculine attributes and forms of behavior. Male folklore] / Sost. I. A. Morozov. Otv. red. S. P. Bushkevich. M.: Labirint, 2001. S. 95–105.*
11. *Dobrovol'skaja V. E.* Les vs sad v russskoj volshebnoj skazke: sjuzhethnaja funkcija lokusov // *Semantika lesa i sada v russskoj literature i fol'klore.* M., 2017. S. 5–18.
  12. *Eleonskaja E. N.* Nekotorye zamechanija o roli zagadki v skazke // *Jetnograficheskoe obozrenie.* 1907, № 4, S. 78–90.
  13. *Zelenin D. K.* Velikorusskie skazki Permskoj gubernii. SPb., 1997. № 73 (STUDIO-RUM SLAVICORUM MONUMENTA. T. 12).
  14. *Zueva T. V.* Rozhdenie skazki (AT 706). // *Fol'klor i literatura. Problemy ih tvorcheskih vzaimootnoshenij.* M., 1982. S. 43–65.
  15. *Ivanova A. A.* Legendy o prozorlivyh Urzhumskogo kraja // *Aktual'nye problemy polevoj fol'kloristiki.* Vyp. 3 / Otv. red. A. A. Ivanova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. S. 187–199.
  16. *Kuz'mina V. D.* Istochnik povesti o carevne Persike // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury.* M., L., 1958. T. 14. S. 449–452.
  17. *Moroz A. B.* Ustnaja istorija russskoj cerkvi v sovsckij period (narodnye predanija o razrushenii cerkvej) // *Uchenye zapiski Rossijskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova.* Vyp. 6. M., 2000. S. 177–185.
  18. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva v treh tomah.* T. 2. M., 1985.
  19. *Ozarovskaja O. Je.* Pjatilech'e. SPb., 2000 (Polnoe sobranie russkih skazok. Dovenenne sobranija. T. 4).
  20. *Russkie narodnye skazki. Skazki, rasskazannye voronezhskoj skazochnicej A. N. Korol'kovej.* M., 1969. S. 70–77.
  21. *Russkie skazki i pesni v Sibiri. Zapiski Krasnojarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva po jetnografii.* 1902 i 1906 gg. SPb., 2000. T. 2 (Polnoe sobranie russkih skazok. Predrevoljucionnye sobranija).
  22. *Samodelova E. A.* Skazki Central'noj Rossii v konce XX — nachale XXI veka: v zapisjah E. A. Samodelovoj i druzej-fol'kloristov. Teksty. Rjazan'. 2013. T. 1.
  23. *Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza.* Vyp. XV. Otd. 2. S. 118–125.
  24. *Skazki I. F. Kovaleva.* M., 1941 (Izdanie Gosudarstvennogo literaturnogo muzeja. Kn. 11).
  25. *Skazki Zaonezh'ja.* Petrozavodsk, 1986 (Pamjatniki fol'klora Karelii).
  26. *Skazki i legendy Pushkinskih mest // Zapisi na mestah, nabljudenija i issledovanija chlena-korrespondenta AN SSSR V. I. Chernysheva.* SPb., 2004.
  27. *Skazki i neskazochnaja proza.* M., 1998 (Fol'klornye sokrovishha Moskovskoj zemli).
  28. *Skazki Terskogo Berega Belogo morja / Izd. podgotovil D. M. Balashov.* L., 1970.
  29. *Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov. Vostochnoslavjanskaja skazka / Sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov.* L.: Nauka. 1979 (SUS).
  30. *Straparola Dzh.* Prijatnye nochi. M., 1978 («Literaturnye pamjatniki»).
  31. *Fadeeva L. V.* Rasskazy o blazhennyh i prozorlivyh v Inzenskom rajone Ul'janovskoj oblasti: Katen'ka Pjatin'skaja // *Aktual'nye problemy polevoj fol'kloristiki.* Vyp. 3 / Otv. red. A. A. Ivanova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. S. 200–217.
  32. *Fadeeva L. V.* Rasskazy o razorenii svjatyni v sovremennoj ustnoj tradicii Pinezh'ja (k probleme specifiky sjuzheta i zhanra) // *Lokal'nye tradicii v narodnoj kul'ture Russkogo Severa / Otv. red. T. G. Ivanova.* Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN. 2003. S. 123–126.

33. *Fedorova M. S.* K voprosu o tipologii zhenskikh obrazov v literature pervoj poloviny XVIII veka (Na primere «Povesti o carevne Persike») // Slavjanskij vestnik. 2014. Vyp. 1–2. S. 267–277.
34. Fol'klor Sosnovskogo rajona Nizhegorodskoj oblasti / Sost. A. N. Karaulov, I. A. Fal'kova, K. E. Korepova, N. B. Hramova, Ju. M. Shevarenkova; Pod obshh. red. K. E. Korepovoj. Nizhnij Novgorod: Rastr-NN. 2013. S. 281–282 (Fol'klornoe nasledie Nizhegorodskogo kraja. T. 1).
35. *Hudjakov I. A.* Velikorusskie skazki. Velikorusskie zagadki. SPb., 2001. № 22 (Polnoe sobranie russkikh skazok. Rannie sobranija. T. 6).
36. *Choser Dzh.* Kenterberijskie rassказы. M., 2012 («Literaturnye pamjatniki»).
37. *Shevarenkova Ju. M.* Znamenitye blazhennye Diveevskoj zemli // Aktual'nye problemy polevoj fol'kloristiki. Vyp. 2 / Otv. red. A. A. Ivanova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2003. S. 247–254.
38. *Shevarenkova Ju. M.* Nizhegorodskie hristianskie legendy / Sost., vstup. stat'ja i komment. Ju. A. Shevarenkovej. Nizhnij Novgorod: KiTizdat, 1998.
39. *Jasinskaja M. V.* «Sveta belogo ne videt'...» (tema glaz i zrenija v formulah juzhno-slavjanskikh prokljatij) // Slavjanovedenie. 2013. № 2. S. 79–89.
40. *Jasinskaja M. V.* Zaprety, svjazannye so zreniem, v tradicionnoj kul'ture slavjan // III Mezhdunarodnyj nauchnyj simpozium «Slavjanskije jazyki i kul'tury v sovremen-nom mire». Trudy i materialy / Otv. red. M. L. Remneva. M.: MAKS Press, 2016. S. 594–596.

**«ЖИЗНИ СТРАННАЯ ЗВЕЗДА»
(ТЕМА ЧЕЛОВЕКА И ЗОЛОТА В «ДОН ЖУАНЕ»
БАЙРОНА И ЕЁ ПЕРЕКЛИЧКИ В РУССКОЙ
И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)¹**

В статье рассматривается генетическое и типологическое сходство интерпретации темы денег в творчестве Байрона, Бальзака и Достоевского. В рамках размышлений этих писателей о тайне пребывания человека на земле показывается уравнительная, редуционистская, трансформирующая и компенсирующая функция денежного абсолютизма в их произведениях, раскрываются антропологические следствия монетаристского сознания, искажающего и перевёртывающего иерархию ценностей, отчуждающего и овеществляющего взаимоотношения людей, влияющего на духовно-нравственную энтропию в деградирующем обществе.

Ключевые слова: тайна человека, тёмный корень бытия, денежный абсолютизм, монетаристское сознание, умаление личности, власть эгоцентризма и посредственности.

Байрон одним из первых остро осознавал и переживал (здесь и исток байронической тоски) несоответствие между идеалами эпохи Просвещения и Великой французской революции и тем их преломлением сквозь эгоцентрическую человеческую природу, которое проводило при их воплощении к непредвиденным и причудливым результатам. Вера в Разум и свободу, равенство и братство и оборачивалась в реальной действительности формированием своекорыстного растленного мира с его культом денег, моральной коррупцией, двойными стандартами, продажной политикой, парламентской говорильней, захватническими войнами и т. д. и т. п., что и описывается в эпической поэме.

Подобные метаморфозы приводили автора «Дон Жуана» к вопрошаниям о неподвластной рассудку тайне пребывания человека на земле между небытием и вечностью и связанной с ней тайне исторического процесса.

---

* Борис Николаевич Тарасов — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Литературного института имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); bntarasov@yandex.ru

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-34-11091а (ц) «Русская литература в мировом историческо-культурном контексте».

Меж двух миров, на грани смутной тайны
 Мерцает жизни странная звезда.
 Как наши знания бедны и случайны!
 Как многое сокрыто навсегда!
 Прилив столетий тёмный и бескрайный
 Смывает грани, толпы и года,
 Лишь мёртвых царств угрюмые могилы
 В пространствах мира высятся уныло.

Одна из главных и принципиальных странностей звезды жизни заключается в том, что, имея представления о величии, истине, добре, красоте, справедливости, чести, достоинстве, милосердии, совести, человек вместе с тем жестокосерд, эгоцентричен, тщеславен, завистлив, властолюбив, сластолюбив, сребролюбив, мстителен, злобен...

Эта фундаментальная двойственность человеческой природы, по-своему проявленная в державинской строке «я царь, я раб, я червь, я бог», окажется позднее в центре исследовательского внимания Достоевского. Ещё в юношеском возрасте он заключал: «Одно только состояние и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слияния неба с землёю; какое же противозаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш — чистилище... принял значенье отрицательное, и из высокой... духовности вышла сатира» [3, т. 28 (кн. 1), 50].

«Отрицательная» и «сатирическая» сторона человеческой природы и деятельности, «изменяющая» её «царскую» и «божественную» сторону, есть то, что Вл. Соловьёв называл тёмным корнем бытия: «Пока тёмная основа нашей природы, злая в своём исключительном эгоизме и безумная в своём стремлении осуществить этот эгоизм, — пока эта тёмная основа у нас налицо — не обращена — и этот первородный грех не сокрушён, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее дело и вопрос что делать не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей, слепых, глухих, увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздаётся вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаёте себя за здоровых, для вас нет исцеления. <...> Истинное дело возможно, только если и в человеке и в природе есть положительные и свободные силы света и добра; но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеют» [6, 311].

Байрон как бы предвосхищает Достоевского, когда заключает:

Конечно, человек — престранный зверь,
 И странное находит примененье
 Своим чудесным склонностям... [1, 72].

Непостижимо слово «человек»!
 И как постичь столь странное явление?
 Пожалуй, сам он знает меньше всех
 Своих земных путей предназначенье [1, 73].

Я признаю с великим сожаленьем,
 Испорчен род людской — да, это так [1, 152].

О, люди-псы! Но вам напрасно льщу я:
 И псами вас не стоит называть... [1, 290].

И ещё:

Какие бездны есть в сердцах людских!
Какие в них «пещеры и пустыни»!
Как в душах всех правителей земных
Нагромоздились айсберги гордыни!
Как много в этих дебрях вековых
Антропофагов водится поныне! [1, 492].

Байрона волновало, как опустошаются людские сердца в складывавшихся социальных обстоятельствах, какие своеобразные пещеры образуются в них, как переворачиваются человеческие отношения под воздействием культа денег, ослабляя в них «царские» и усиливая «рабские» начала человеческой природы.

Тема денег раскрывается в «Дон Жуане» с точки зрения связи их функционирования с антропологическими основами и духовно-психологическими механизмами, их «невидимого влияния» на укрепление в новых исторических условиях главных, отмеченных выше, эгоцентрических сил, говоря словами В. С. Соловьёва, «тёмной основы нашей природы», на энтропию и нигилизацию сознания, на оскудение человеческого в человеке, искажение в нём образа и подобия Божия.

Байрон, конечно, понимал значение денег как регулятора социально-экономических аспектов жизни, как универсального эквивалента вложенной энергии и затраченного труда в процессе производства, товарообмена и предоставленных услуг, как инструмента материального взаимодействия. Становясь источником вещественного благополучия и комфорта, способствуя удовлетворению утилитарных и прагматических потребностей, деньги вместе с тем как бы незаметно выходят за эти пределы, оказываются неразрывно и неоднозначно связанными с социально-психологическими и духовно-нравственными сторонами бытия «престранного зверя».

О том, как деньги, при их абсолютизации и превращении во всеобщий эквивалент человеческой свободы, «работают» в границах «тёмной основы нашей природы», искажают и переворачивают ценностную иерархию в «странной звезде» жизни, проникательно писал Маркс: «То, чего я как человек не в состоянии сделать, т. е. чего не могут обеспечить все мои индивидуальные сущностные силы, то я могу сделать при помощи *денег*. Таким образом, деньги превращают каждую из этих сущностных сил в нечто такое, чем она сама по себе не является, т. е. в её *противоположность* <...> В качестве этой *извращающей* силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль и значение самостоятельных *сущностей*. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость» [4, 619–620].

В наше время, пишет Байрон, когда полюсом Земли становится эгоизм, а «общество — игра», в которой «все только личной выгоды хотят, все хитроумные расставляют сети», престранное существо человек на пути от рождения к смерти теряет все идеалы и ценности, кроме одной.

Автор «Дон Жуана» иронически заключает:

И средние века не так страшны,
 Как страшен средний возраст нашей жизни.
 То глупы мы, то мудры, то смешны
 И с каждым днём становимся капризней...
 .....
 В такое время надо умирать...
 .....
 И только деньги, теща мысль и взгляд,
 По-прежнему заманчиво блестят [1, 415].

И далее:

А ныне любит деньги человек;
 Мы устаём, слабеем и стареем,
 Но золото мы любим дольше всех;
 С любовницами, с другом и лакеем
 Проститься легче нам, чем потерять
 Тебя, платёжной силы благодать!

Байрон обнаруживает, что такая «благодать» влияет на подмену самостоятельной сущности любовных и дружеских отношений, искажает значение политика и дипломатии, государственной службы и общественных связей, активно эксплуатирует основные свойства и пороки «тёмной основы нашей природы».

Все силы мира золоту подвластны,
 Власть золота — как якорный канат.
 О, золото! Кто возбуждает прессу?
 Кто властвует на бирже? Кто царит
 На всех великих сеймах и конгрессах?
 Кто в Англии политику вершит?
 Кто создаёт надежды, интересы?
 Кто радости и горести дарит?
 Вы думаете — дух Наполеона?
 Нет! Ротшильда и Беринга миллионы!
 Они и либеральный наш Лафитт —
 Владыки настоящие вселенной:
 От них зависит нации кредит,
 Паденье тронов, курсов перемены;
 Республик биржа тоже не щадит,
 Заботятся банкиры несомненно,
 Чтобы проценты верные росли [1, 416].

«Власть чистогана», пишет Байрон, служит «аладдиновой лампой» в современном обществе, которое, словно в летаргическом сне, опутано «невидимой сетью» товарно-денежных отношений и не замечает в них узаконенного грабежа, скрытого торжеством господства над законом и моралью. Он сравнивает банкиров и политических деятелей с грабителями. К теме извращающей силы денег автор «Дон Жуана» обращается на протяжении всей поэмы, обнажая циническую сущность власти золота и иронически прилагая к нему возвышенные эпитеты, противоречащие этой сущности. Таково, например, переименование известной поговорки «деньги не пахнут» в рассуждении о «благовонном чистогане».

Особое неприятие у Байрона вызывает влияние богатства на угнетение и угасание в сердце «престранного зверя» высших человеческих свойств в «вывихнутом мире» «эгоизма и произвола», как говорит он вслед за Гамлетом.

А золото владеет и дубравой
 (Когда деревья рубят на дрова!),
 И тронами царей, и бранной славой —
 И на любовь известные права
 Имеет, ибо Мальтус очень здраво
 Нам это изложил, его слова
 Нас учат, что супружеское счастье
 У золота находится во власти [1, 418].

Как бы вслед за Байроном или параллельно с ним обнаруженные им антропофагические закономерности в абсолютизации власти денег рассматривают крупнейшие художники слова. Так, герой повести Бальзака Гобсек уверен, что на земле нет ничего прочного, а жизнь есть «только машина, приводимая в движение деньгами, только набор условностей для реализации инстинкта самосохранения: в государствах европейской цивилизации это называется личным интересом» [2, 12].

Гобсек произносит своеобразный гимн золоту, которое укрепляет эгоцентрические силы «тёмной основы нашей природы», роет в ней новые пещеры и пустыни: «из всех земных благ есть только одно, достаточно надёжное, чтобы стоило человеку гнаться за ним. Это... золото. В золоте сосредоточены все силы человечества <...> человек везде одинаков: везде идёт борьба между бедными и богатыми, везде. Она неизбежна. Так лучше уж самому давить, чем позволять, чтобы другие тебя давили. Да и наслаждения повсюду одни и те же, и повсюду они одинаково истощают силы; переживает все наслаждения только одна утеха — тщеславие. Тщеславие! Это всегда наше “я”. А что может удовлетворить тщеславие? Золото! Потоки золота» [2, 12–13].

Что привлекает Гобсека в создавшейся системе, когда, по словам Бальзака, деньги выражают «нерв жизни нового времени», «сущность всего нынешнего общества»? Власть и сокращающая высшие человеческие свойства, перворачивающая иерархию ценностей и компенсирующая пороки сила денег. Гобсек проводит смотр всем страстям и порокам, и его душу греет то, что он может покупать совесть, управлять всемогущими министрами через их фаворитов и любовниц, покупать красивейших женщин и нежнейшие ласки. Таким образом, высшие человеческие качества теряют своё специфическое значение и подчиняются низшим, отчуждая людей друг от друга и превращая их отношения в череду бартерных или торговых сделок.

Для осуществления такой жизненной стратегии не нужны, более того — мешают и становятся антисистемными «великодушные порывы» — справедливость, честь, достоинство, совесть, милосердие, поскольку они не покупаются и не продаются, и тем самым не вписываются в систему, теряют своё специфическое содержание и значение, свою сущность и превращаются в свою противоположность.

В обозначенной системе координат возникают естественные для неё, а на самом деле противоестественные чувства: Гобсеку нравилось унижать людей, «пачкать грязными башмаками» ковры богачей. Он заключает, что

люди, подобные ему, чувствуют себя богами, когда взвешивают на своих весах наслаждения и корыстные интересы всего Парижа, когда перед ними проходят со своими просьбами, мольбами и слезами якобы независимые аристократы, спесивые купцы, великолепные красавицы, гордые военные, когда они заносят в свою «чёрную книгу» сведения о государственных кредитах, банках, торговле и в качестве «духовников» биржи образуют своего рода «трибунал священной инквизиции».

Атмосфера произведений Бальзака и логика созданных им типов раскрывают корыстно-эгоистические принципы функционирования денежно-торгашеского абсолюта в лоне «тёмной основы нашей природы». Эти принципы связаны с оскудением и выхолащиванием духовного мира человека и перевёртыванием его отношений с другими людьми в искажённой иерархии ценностей, что позволяет французскому писателю сделать вывод о том, что человек, это «престранное существо», говоря словами Байрона, живёт в период «великой страшной болезни».

О признаках этой болезни можно судить и по рекомендациям Вотрена Эжену Растиньяку в «Отце Горио» обрести миллион в социальной среде, где честным быть неважно, где все пожирают друг друга, как пауки в банке, а «блеск гения» втапывается в грязь. Вотрен заключает: «Продажность — всюду, талант — редкость. Поэтому продажность стала оружием посредственности, заполонившей всё, и остриё её оружия вы ощущаете всюду» [2, 339]. Сам Вотрен стремится торговлей неграми («чёрный капитал») обратить зло в добро, порок в добродетель и добиться уважаемого положения в обществе, несмотря на разбойничество. «Когда я разбогатею, меня не спросят, кто я такой? Я буду господин Четыре Миллиона, гражданин Соединённых Штатов» [2, 341].

Метаморфозы «страшной болезни», принижающей духовно-нравственные начала бытия, лакирующей и маскирующей пороки и возвышающей посредственность, по-своему отражены и в произведениях Достоевского. С беспокойством отмечал он, что никогда ранее в России не принимали «золотой мешок» за высшее на земле, что «никогда ещё он не возносился на такое место и с таким значением, как в наше время», когда поклонение деньгам и стяжание захватывают всё вокруг. В такой атмосфере Гане Иволгину в «Идиоте» нужны деньги, чтобы реализовать амбиции своей самолюбивой, тщеславной и посредственной натуры. Как бы иллюстрируя мысль Маркса о извращающей силе денег, которые заменяют и восполняют отсутствующие сущностные силы индивида и компенсируют его духовную несостоятельность и пустоту, он заключает: «Я прямо с капитала начну; чрез пятнадцать лет скажут: “Вот Иволгин, король иудейский!” <...> Нажив деньги, знайте, — я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают...» [3, т. 8, 105].

Отмеченные антропологические закономерности функционирования денег по-своему претворены и в романе «Подросток», главный герой которого мечтал с помощью денежного могущества обрести своеобразную власть над миром. Пример такого могущества он находит в образе пушкинского «скупого рыцаря», который напоминает Гобсека, готового купить всё на свете. «Скупой рыцарь» и сравнивает себя с демоном, которому всё послушно, он

же — ничему. Тайные грёзы непослушного демона, злато которого впитало в себя слёзы и кровь людей, находят высшие наслаждения в том, что он может принудить, поработить и использовать как раз противоположное его духу — добродетель, вольный гений, музы и пр.

Сердечные упования настраивают и подростка на аналогичное наслаждение: «Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шексперы, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вот я — бездарность и незаконность, и всё-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились». Аркадий Долгорукий словно солидаризируется с Ганей Иволгиным, когда заключает: «В том-то и “идея” моя, в том-то и сила её, что деньги — это единственный путь, который приводит на *первое место* даже ничтожество» [3, т. 13, 74].

Достоевский неоднократно подчёркивал открывавшуюся в новых общественных отношениях возможность посредственности с «миллионом в кармане» первенствовать и обесценивать в них духовно-нравственные аспекты, вообще делать всё, что угодно. «Когда можно делать всё, что угодно? — вопрошает Достоевский в “Зимних записках о летних впечатлениях”. — Когда имеешь миллион. Даёт ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно» [3, т. 5, 78]. Достоевский особо выделил в подготовительных материалах к «Подростку» привлекательность для молодого человека перевёртывающей и компенсирующей реальные достоинства функции денег: «Его, главное, утешает в его системе наживы — бесталанность её. Именно то, что не нужно гения, ума, образования, и в результате всё-таки первый человек, царь всем и каждому и может *отомстить* всем обидчикам» [3, т. 16, 46].

Байрон показывает как в подобной атмосфере перевёртывающего обесценивания, принижения высшего и возвышения низшего в двойственной природе «противузаконного дитя», «престранного зверя» создаётся своеобразный социальный театр, на сцене которого за лицемерными масками правительственных чиновников и парламентариев, аристократических кругов и деятелей культуры кроется при внешней импозантности и гуманистической риторике их душевная пустота, духовное и интеллектуальное убожество, продажность и незримая подчинённость «закону чистогана».

Поэты многотомно-многогласные,
Десятки, сотни, тысячи писак!
Вы ложью увлекаетесь опасною,
Вам платит власть, чтоб вы писали так! [1, 356]

В формуле «читай свою Библию, а думай о своём кошельке» второй член, по убеждению автора «Дон Жуана», одолевает первый, что и способствует в обстановке религиозного, политического, морального, литературного лицемерия формированию вышеозначенных закономерностей оборотничества высшего и низшего, «царя» и «раба» в мире «престранного зверя». Байрон одним из первых подметил такие закономерности в «странной звезде жизни», в которых мамонизм, как одна из главных сил «тёмной основы нашей природы», играет принципиальную роль. Если вспомнить отмеченные Марксом

метаморфозы денежного абсолютизма, претворённые в рассмотренных произведениях, будет уместным привести вытекающие из них выводы Д. С. Мережковского, видевшего в таких метаморфозах длящуюся в современности борьбу Плоских с Глубокими, зарождение и развитие которой наблюдали обсуждаемые нами писателями: «Главное же преимущество Плоских перед Глубокими — ложь, потому отец их диавол, есть “отец лжи”».

Плоскость может быть зеркальной и, отражая глубину, казаться глубокой. Этим-то обманом зрения и пользуются Плоские, отражая в зеркалах своих все глубины человеческого творчества — искусства, науки, философии и даже религии. Царство Плоских — ад на земле, но в аду зеркала отражают небо — рай, и устроители ада, совершенно плоские насекомые, подобно клопам или мокрицам, кажутся восставшими на богов титанами или падшими Ангелами, Люциферами. И этою ложью зеркал люди облеплены и обмануты так, что ложь им кажется истиной, а истина — ложью, зло — добром, а добро — злом, диавол — Богом, а Бог — диаволом. И смешивается всё в безумии, подобном хаосу...» [5, 483].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байрон Джордж*. Дон Жуан // Перевод Татьяны Гнедич. М.–Л., 1964.
2. *Бальзак Оноре*. Избранное. М., 1960.
3. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.
5. *Мережковский Д. С.* Царство Антихриста. Статьи первого периода эмиграции. СПб., 2001.
6. *Соловьёв Вл.* Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2.

REFERENCES

1. *Bajron Dzhordzh*. Don Zhuan. M.–L., 1964
2. *Bal'zak Onore*. Izbrannoe. M., 1960
3. *Dostoevskij F. M.* Poln. sobr. soch.: v 30 t. L., 1972–1990.
4. *Marks K., Engel's F.* Iz rannih proizvedenij. M., 1956.
5. *Merezhkovskij D. S.* Carstvo Antihrista. Stat'i pervogo perioda jemigracii. SPb., 2001.
6. *Solov'ev Vl.* Soch.: v 2 t. M., 1988. T. 2.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 82.0

ЭТЮД КАК ЭКЗАМЕН* *Опыты и начало теории*

Руководители творческих семинаров поэзии, прозы, драматургии, литературной критики, очерка и публицистики, художественного перевода Литературного института рассказывают о своём опыте работы с абитуриентами и студентами, пишущими творческие этюды на вступительных экзаменах и во время учения в институте, анализируют сложности и затруднения, которые приходится преодолевать их авторам.

Ключевые слова: творческий этюд, автор, тема, сюжет, действительность, фантазия, деталь, характер.

ЕВГЕНИЙ РЕЙН¹

ОТ ФИЛОСОФСКОГО ПАРАДОКСА ДО РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛЮБВИ

На вступительных экзаменах в Литературном институте абитуриентам предлагается на выбор иногда до десятка тем, сюжетов, на основе которых они должны написать небольшой этюд.

Темы эти весьма разнообразны: это цитаты из произведений русских писателей, поэтические строки, афоризмы, пословицы, философские парадоксы или просто размышления о любви, о современности, описания природы, реально происходившие или мифологические истории, возможные или невозможные ситуации со знаменитыми русскими писателями или литературными героями.

Предлагая темы, экзаменаторы стараются выяснить прежде всего основные для Литературного института способности:

- может ли абитуриент грамотно и связно правильным литературным языком изложить сюжетную фабулу;
- насколько живое у него воображение, развита ли фантазия;
- умеет ли он мыслить ассоциативно (т. е. проводится проверка его начитанности, общей гуманитарной и специализированной подготовки);
- как хорошо знаком он с литературой, способен ли к месту вспомнить и привести по памяти цитату или пример из литературы, истории, других видов художественного творчества;

---

* Продолжение. Начало публикации фрагментов из «Учебно-методического пособия для будущих студентов и преподавателей литмастерства» «Этюд как экзамен» см.: «Вестник...». 2016. № 4.

¹ Евгений Борисович Рейн — поэт, профессор кафедры литературного мастерства, руководитель семинара прозы, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

- как он использует визуальные наблюдения и способен ли интересно и достаточно логично описать некий объект: здание, дерево, картину, пейзаж, жанровую сценку и т. п.;
- насколько точно и к месту он пользуется эпитетами или идиоматическими выражениями для раскрытия выбранной темы;
- и наконец, как хорошо он знает другие виды художественного творчества, театр, музыку, изобразительное искусство, архитектуру.

Вот на эти моменты, как мне представляется, необходимо обращать внимание.

А на собеседованиях, хотя это вопрос не входит в область «этюда об этюде», я предлагаю проверять абитуриентов на грамотность и связность речи. Судя по семинарам, студенты абсолютно не умеют говорить, что для пишущего человека недопустимо. Можно разработать «предметные» темы, и даже запастись картинками и предлагать будущему студенту описать то, что он видит.

А. В. КОРОЛЁВ¹

ЭТЮД КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРИЁМ В НАУКЕ «СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ»

У литературного этюда обычно несколько задач, главная из которых — определить профессиональную пригодность абитуриента к литературе, спрогнозировать на основании короткого текста готовность юного человека к писательству, отзывчивость души и инстинкт сострадания, его предрасположенность к нелёгкому труду познания мира и самопознания сердца.

Надо ли говорить, какая ответственность лежит на мастере-экзаменаторе, который по нескольким штрихам на двух-трёх листочках бумаги должен вынести однозначное решение: определить творческий диапазон будущего студента, рассмотреть зрелость (или незрелость) молодого человека и по возможности обозначить свою собственную психологическую рифму с будущим учеником... Ведь нам придётся в рамках творческого семинара провести долгих пять лет: порой семейный брак бывает короче!

Тут есть о чём подумать и что взвесить.

Вот хотя бы краткий анализ некоторых названий, которые я предлагал институту как возможную тему для творческих этюдов (некоторые из моих тем были приняты). Например: «Как познакомились мои родители»... На мой взгляд, будущий писатель просто обязан знать историю любви людей, которые дали ему жизнь. Я, например, пусть не сразу, но шаг за шагом, досконально выяснил непростые обстоятельства знакомства отца и матери, которые выпали на предвоенные годы, узнал, как их чувства прошли испытание войной...

На это досье я потратил многие годы.

Слишком деликатная тема, а с учётом последующего развода родителей она была ещё и весьма драматична.

Но ей-ей, не могу представить себе мирочувствие без знания того, где впервые увиделись мать и отец — в 1939-м, в уральском городке Медногор-

---

¹ Анатолий Васильевич Королёв — прозаик, драматург, доцент кафедры литературного мастерства, руководитель семинара прозы, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

ске, как отец уходил на фронт с верным другом (вот кого тогда любила мать! Но не дождалась).

Если же абитуриент отказывается вспоминать прошлое родителей, потому что он просто не знает фактов или игнорирует эту тему из чувства самосохранения, для меня это тревожный знак, за которым таится либо душевная чёрствость, либо инфантилизм, либо незрелость души — любое из этих слагаемых и тем более вкуче внушает серьёзные сомнения в том, а туда ли ты пришёл, мальчик (или девочка)? Вспомним отзыв Чернышевского о творчестве Толстого, отметившего невиданную прежде в русской литературе чистоту нравственного чувства.

Нет?

Что ж, значит, нет и писателя.

Если же абитуриент не хочет говорить о родителях из ощущения страховки, мол, зачем раскрываться перед чужими, то это тоже прискорбный знак профессиональной непригодности к писательству. Увы, писатель изначально существо обнажённое, скажу даже так: в чём-то бесстыдное, он всегда наг перед чужими (т. е. читателем), именно писатель откровенно говорит о том, что «неписатели» не скажут под страхом смерти.

Тот, кто подстраховывает искренность и сторожит свою исповедь, вряд ли станет писателем.

Или другой ракурс.

Абитуриентам предлагается тема, обозначенная мною цитатой из М. М. Пришвина: «В лесу я стараюсь ходить тихо».

Почему выбрана такая тема.

А потому, что «лес», вообще «пейзаж» — лакмусовая бумажка таланта.

Предлагая разговор о природе, я хочу выяснить, кто передо мной: телеграфный столб или существо с корешками, гладкий камень или картофель, шероховатый от глазков, которые вот-вот пустят ростки.

Здесь важно выявить чуткость молодой души к нашему пейзажу, к сдержанной красоте берёзовой рощи, к чарам глухого ельника, восторгу от высоты соснового леса на солнцепёке или умилению от цепкого плена малинника. Русский пишущий человек должен знать, что малина цепляется, ивняк хлещет по лицу, а камыш на ветру сухо постукивает бархатным ёршиком.

Увы, редко кто выбирает эту тему — она внешне невыигрышна, тем больше плюсов я ставил тем, кто решался описать болото, тропку в поле, васильки в стене ржи или следы речной чайки на песчаном плёсе.

Большинство современных молодых людей — горожане, иногда дачники, их кумир — чат в Интернете... Тем важнее отыскать в толпе соискателей того, кто не равнодушен к пейзажу, к ментальности национального космоса. Кроме того, как известно — описание пейзажа считается визитной карточкой профессионального писателя. Согласен, но для меня в выборе этой темы скрыт ещё тайный суд над поступающим студентом, ловушка на эгоиста и геймера (фаната компьютерных игр), проверка на зрелость души...

Короче, чувство пейзажа — матрица творчества.

Но и чувство городской среды тоже важно.

В моей теме, которая пользовалась большой популярностью у поступающих в литературный вуз (я даже был раздосадован её успехом): «Один день из жизни телефонной будки» (70% выбрало будку!) — скрытая задача была в том, чтобы абитуриент продемонстрировал свою социальную отзывчивость

и одновременно умение слышать живые голоса, умение в короткой реплике передать характер того, кто говорит, нащупать конфликт в диалоге по телефону, где слышна лишь одна сторона, передать драматизм обычного бытия в мелочах, в красочных деталях.

Большинство не справились, не имели писательского «уха».

Те же, кто получил высокий балл за «будку», эту высокую валентность на социум высказывали затем на протяжении всей учёбы, а те, кто не справился с телефонной драматургией, кто не расслышал судеб, кто не поступил, думаю, отпали закономерно.

Перечитал написанное и понял, что не хватает фамилий, реальных примеров, конкретики.

Что ж, вынимаю из шкафа на кафедре творчества толстую папку с итогами вступительных экзаменов по этюду моего второго набора (2010) и нахожу несколько запоминающихся работ.

Вот этюд **Натальи Пелезневой** на тему: «Как бы вы написали современных “Отцов и детей”»... Замечу, что она была самой последней, кто сдал работу, уже час, как аудитория опустела, и только незнакомая тогда мне абитуриентка кропотливо и упрямо писала этюд, вычёркивала что-то, рвала листы, начинала заново, переписывала... Мы остались одни, я не торопил, до конца экзамена времени предостаточно, но не скрою, подумал, что девушка, видимо, увязла в выбранной теме, буксует и скорее всего испытания на прочность не выдержит. Бог мой, как я ошибался, никакой растерянности! Наоборот, Наталья максимально сконцентрировалась и билась по-рыцарски за право учиться в Литературном институте. Настало время черты. Этюд сдан. Отметив про себя имя последней студентки (ага, Пелезнева), я уже после, проверяя этюды, развёл руками: блестяще!

Она написала саркастический, хлёсткий короткий рассказ. Вот начало.

«Лекция по макроэкономике наконец-то закончилась — Аркадий облегчённо вздохнул и с хрустом размял пальцы... “Теперь, дорогой, — твёрдо сказал себе Аркадий, — тебя здесь никто насильно не держит”.

Студент огляделся по сторонам и понял, что был совершенно прав. Вот у Базарова вся семья — экономисты, он династию продолжает. У Анечки вообще папа — олигарх... А он, Аркадий Кирсанов, профессию выбрал сам и в институт поступил без всяких связей. Да и откуда взять эти связи? Отец у него простой шофёр...».

Прерву этюд. На мой взгляд, смешно и, кроме того, оригинально. Тургеневские герои поменялись местами: барчук Кирсанов превратился в люмпена из низов, а нигилист Базаров — ныне выходец из преуспевающей династии экономистов. Этим простым, но эффективным приёмом юное дарование составляет акценты новой постсоветской реальности и демонстрирует иронию зрелого социального чувства...

Далее идёт пресмешной диалог Кирсанова, Базарова и Анечки, после чего тройка отправляется в гости к Кирсанову на окраину Москвы.

«Экстремальный туризм, — восклицает девушка, наследница изрядного состояния в нефтяном бизнесе».

«Аркаша думал, дома пусто, ан нет, в квартире шумело застолье — папаша и его дружок Павел. “Всё идёт по плану!” — горланил отец любимую песню...

Гости надели засаленные тапочки и прошли на кухню».

Не буду пересказывать этот пронизательный и смешной этюд, где встреча двух поколений и стычка разных философий жизни описана с холодной трезвостью наблюдателя и сарказмом моралиста.

Социальная отзывчивость и зрелость ума абитуриентки были налицо. По всем параметрам я поставил ей высшие баллы: 20 баллов за решение темы, 20 за оригинальность, 10 за эрудицию, за умение создавать характеры, за лексическое и синтаксическое богатство, за внутреннюю логику, за актуальность она тоже заслуживала «десятку», но у нас не принято ставить 100 баллов, и в сумме вышло 95.

Это был вообще высший балл, поставленный мной за этюды.

А в строке для рецензии я написал: «Лучший этюд среди всех! Ум, сила духа, писательский азарт».

Такую же высокую оценку за этюд заслужила **Мария Дятлова**.

Вообще с ней случился конфуз, она опоздала на экзамен, попала в пробку и примчалась, когда шёл второй час творческого ристалища. Сумев взять себя в руки, выбрав тему, сконцентрировавшись, она уже через час сдала работу и удалилась. Я ещё невольно подумал: не слишком ли быстро? Нет, Дятлова уверенно справилась с творческим экзаменом. Темой этюда она выбрала: «Кризис. Чтобы выжить, вы вынуждены согласиться на странную работу».

Странной работой стал книжный магазинчик.

Героиня работает ночным сторожем. Так получилось, что её благополучная жизнь вдруг выкинула фортель. Вы думаете, она тоскует, рвёт волосы на голове? Нет, она наслаждается жизнью:

«У меня есть термос, складной синий стульчик, плеер и мобильник, с которого я должна позвонить, если кому-нибудь вдруг понадобится коллекционное издание Ремарка на ночь глядя».

А особенно хорош тот миг, когда продавщица Катя

«шумно захлопывает бесшумную дверь, оставляя меня одну.

Одну с полумраком в секции фантастики.

Одну с горячим кофе, складным стулом и пуговичной закладкой, которую я смастерила в третьем классе. Одну с мобильником экстренной связи, который, знаю, никогда не пригодится. Одну в магазине, пахнущем новыми страницами, резкими типографскими красками, золотыми тиснениями дорогих изданий.

Одну с мечтой.

Моей мечтой ночевать в книжной лавке».

Не правда ли, хорошо!

Признаюсь, у меня самого дома почти что такой магазин — пять тысяч книг, поэтому влюблённость автора в книги мне весьма импонирует, но больше того мне по душе её настрой на мужество, на умение побороть обстоятельства и превратить кризис в удачу. Важная черта для писательского характера. 85 баллов! Сегодня Дятлова, как и Пелезнева, среди лучших студентов нашей мастерской.

В завершение ещё несколько строчек из понравившихся этюдов.

О Майкле Джексоне.

«Можно считать его гением, можно отрицать это. Можно восхищаться или осуждать. Просто помните: как любой из нас, он имел право на ошибки...

Будем милосердны. Пусть останется просто собой».

Только за слово «милосердны», за то, что абитуриентке ведомо близко и понятно это редчайшее нынче, почти что музейное слово, я поставил **Анне Стариковой** из Мурманска высокий балл. И не пожалел. Как никогда не пожалел о том, что фактически за одну фразу мысленно выделил из списка поступающих неизвестного мне когда-то **Николая Васильева** из Череповца. Вот эта фраза: «Блеск ножа делает нож острее».

А вот абзац из этюда **Анны Корепановой**, который, по сути, и позволил ей стать студенткой моего семинара. Она как раз писала на тему из Пришвина.

«Грибник отодвинул золотистую ветку и вошёл в лес. Он знал, что ночью прошёл ливень. И тут же ему на голову, плечи, руки сорвались миллионы дождевых капелек, притаившихся на листьях берёзы.

– Ну вот, весь мокрый, — с ноткой недовольства в голосе пробормотал он. — Но теперь можно не бояться!

С этими словами он ринулся в заросли орешника.

Тот, кто думает, что пройти после дождя ореховые кусты, что растут вперемешку с ельником, легко и просто, никогда не был в лесу. Мало того, что с широких листьев на тебя льёт вода, что ветки с мелкими, но колючими иголками хлещут в лицо, но ведь есть ещё паутина, что лепит тебя раз за разом, есть коварные ямы, что прыгают тебе прямо под ноги...»

Прекрасное чувство природы. Достойное описание. Читаешь и ёжишься от перепалки капель.

Выбор оказался точным — в моём по преимуществу городском столичном семинаре, пожалуй, только **Анна Корепанова** и **Наталья Куйбышева** чутко вслушиваются в народ, владеют классическим темпо/ритмом рассказа, чувствуют русскую природу и знают национальный характер.

Ну и наконец последняя цитата (из этюда на тему засилья Интернета).

«Интернет напоминает мне пациента психиатрической клиники, чья голова замусорена тоннами ненужной информации и который всё время слышит голоса. Миллионы орущих голосов. Мне непонятно, как можно вести дневник в Интернете. Дневник, который может прочесть каждый. По-моему, изначально бессмысленная идея. Я тоже веду дневник, но он только для меня, туда я записываю свои мысли, рассуждения, переживания. Которые и родителям не покажешь. Не говоря уж о целом Интернете».

Что подкупает в этом отрывке?

Лапидарность, открытость и честность прямого, публицистически острого высказывания, а это в нашем писательском деле дорогого стоит. Молодец! Ставлю **Александрю Илюшенко** высокий балл. Так, благодаря удачному этюду он проходит лабиринт испытаний и становится студентом Литературного института.

Теперь несколько слов об этюдах, которые пишутся не абитуриентами, а уже моими студентами. Здесь я полный хозяин, я и могу предложить своему курсу собственные названия.

Так вот, есть темы, которые дают возможность глубоко погрузить психологический эхолот в самую душу молодого человека, на доньшко самости.

Например, «Мне позвонил друг (подруга) и сказал (сказала), что уходит из жизни».

Обычно тема взрывает семинар, все пишут с азартом (кстати, это домашнее задание), а после горячо и бурно обсуждают варианты отчётов. Для меня же главное здесь — понять степень сердечной отзывчивости потенциального писателя, понять, что за «зверь» сидит в классе, что он представляет собой на самом деле.

Один, решая этюд, пишет хохму: вот герой мчит к приятелю, вот взламывает дверь, самоубийца стоит на подоконнике и, увидев друга, вбежавшего в комнату, с отчаянием прыгает за окно.

А квартира-то на первом этаже.

Ха-ха-ха...

А другая студентка, интуитивно поняв писательский умысел, описывает, как ночью она торопится спасать подругу, и всё как назло кидается под ноги, всё тормозит её путь. Подвернула ногу от спешки, пыталась поймать такси, а деньги забыла, полезла через забор — так короче — порвала юбку... Череду препон, буквально два-три штриха мощно увеличивают температуру события, подключают читателя к отчаянным перипетиям спасения.

Уф, успела!

А что подруга? Спит, передумала вешаться.

Хорош и другой финал, когда подруга вбегает в квартиру самоубийцы и решительно встаёт рядом с ней на подоконник девятого этажа и говорит спокойно: «Прыгаем вместе». И та пугается за чужую жизнь. И соскакивает на пол.

Очень точно и неожиданно, а потому верно.

Одним словом, читая опусы моих первокурсников, я могу уже достаточно точно спрогнозировать тип человека, писавшего текст, профессионализм писавшего (или наоборот — признаки профнепригодности, болевые точки студента, на которые надо будет обратить внимание в учёбе).

Пожалуй, здесь можно бы ставить точку, но есть ещё одна тема, которую я неизменно предлагаю новичкам: «Мой выигрыш рассорил мою семью».

Обычно в ответ участники семинара описывают именно семью, где герой, например, выиграл в лотерею, не понимая, что тему нужно брать шире, что под словом «выигрыш» на самом деле скрыто слово «удача», а семья — это не обязательно мама и папа... Лучшим на эту тему за последние годы был рассказ **Марии Моисеевой** о том, как бомж из числа тех, кто обитает на городской свалке в Подмосковье, нашёл чью-то отрубленную руку с золотым кольцом на пальце, где сверкал крупный бриллиант... Ну, повезло! Ликует бродяга: сдам перстень в ломбард, проживу! Но судьба караулит беднягу — рука принадлежала уголовному авторитету, и на поиски перстня приехала на свалку целая банда... Вот об этой фартовой находке и роковых последствиях везения идёт её иронический и смешной рассказ.

Увы, говорит автор, удача судьбы чаще всего не приносит удачи счастливицу, а становится лишь новым изощрённым испытанием человека на колесе фортуны.

И последнее.

В редких случаях в качестве темы для этюда я использую не фразу, не афоризм, а какую-либо историю, целый сюжет с завязкой и эпилогом, какую предлагаю семинару пересказать обязательно на свой лад и своими словами.

Например, историю немецкого моралиста Хебеля о том, как однажды в шахтёрском посёлке горной Австрии жених не явился на свадьбу, как напрасно до самого вечера ждала суженого невеста, как прошло пятьдесят лет, и вдруг тело несчастного горняка нашли в соляной расщелине, куда жених упал в тот туманный день, потому что срезал путь по опасному склону — торопился в церковь. Соль сохранила труп юноши в целостности и сохранности. Узнав об этом, старуха, которая в своё время вышла замуж, у которой уже были внуки, достала из шкафа то самое старое подвенечное платье и надела его на похороны.

Она первой шла за гробом и пела, словно на свадьбе.

Тем временем юноша в гробу под действием воздуха стал менять свой облик, он буквально старел на глазах, и когда процессия пришла на погост, в землю опускали не юношу, а старика.

Франц Кафка назвал эту новеллу самой прекрасной историей в мире... Что ж, действительно, история позволяет моим студентам — в пересказе — раскрыть разные грани своего дарования. Отточить детали сюжета, почувствовать время, выйти на новый уровень человеческого сочувствия, ведь писательство — это ещё и род целительства.

В заключение привожу список тем, которые я предлагал для этюдов на вступительных экзаменах в Литинститут, а также темы, которые я использовал — позднее — в ходе учёбы на семинаре прозы.

1. История знакомства моих родителей.
2. Мой выигрыш перессорил всю семью.
3. Булгаков: никогда не разговаривай с неизвестным...
4. Пришвин: в лесу я стараюсь ходить тихо.
5. Блез Паскаль: если бы нос Клеопатры был короче, то изменился б весь мир.
6. Если ты пальнёшь в прошлое из пистолета, то будущее выстрелит в тебя из пушки (народная мудрость).
7. Пушкин: в этой работе я вижу много искусства, но ни капли творчества.
8. Розанов: после Гоголя началось потопление России.
9. Фронтовые письма от деда.
10. Один день из жизни телефонной будки.
11. Оскар Уайльд: если писатель кого-то отравил, это ещё не значит, что он плохой писатель.

А. А. МИХАЙЛОВ¹

ЗАГОЛОВОК И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕМЫ РЕШАЮТ ЕСЛИ НЕ ВСЁ, ТО МНОГОЕ

С тех пор как я начал руководить семинаром прозы, помимо всяких-разных забот и обязанностей появилась одна, может быть, наиболее трудная. Во время каждой насыщенной защитой дипломов летней жары раздаётся вдруг

---

¹ Александр Александрович Михайлов — прозаик, критик, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературного мастерства, руководитель семинара прозы, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

грозный приказ С. Н. Есина: придумать пять тем для вступительных этюдов! И начинаются мучения — порой время потратишь на придумывание этих тем больше, чем на чтение и рецензирование дипломов.

Тема этюда и впрямь имеет большое значение. Удачное её название может зажечь абитуриента, разбудить фантазию, дать импульс к творчеству. На мой взгляд, лучше «работают» те темы и названия, в которых заложено несколько смыслов. Слишком же конкретные — оставляют меньший простор для «сочинительства». Намеренно привожу очень схематичный пример: «Как я провёл лето» и, допустим, «Там, где чисто и светло».

Понятно, что первая тема скорее всего будет раскрываться в соответствии с собственным биографическим и временным бэкграундом (фоном). Подразумевается описание реальных событий из жизни автора, произошедших «этим» летом. Впрочем, возможны варианты. Яркая индивидуальность абитуриента может проявиться и в такой банальной теме. Однажды я прочёл этюд именно с таким незамысловатым названием, где автор написал о том, как он *провёл* жаркое и удушливое лето, то есть *обманул* его: нашёл способ не мучиться, не страдать от городской духоты и жары.

В этюде с вполне абстрактным названием «Там, где чисто и светло» можно писать практически о чём угодно: от детских воспоминаний, к примеру, до поездок в экзотические страны, от реальных жизненных впечатлений до самых смелых выдумок и фантазий, и т. д., и т. п. «Свобода творчества» абитуриента тут ничем не ограничена: была бы способность творить.

Удачными темами для этюдов бывают иногда цитаты из классиков, то, что мы называем крылатыми выражениями. Такие цитаты с заложенными в них мудрыми смыслами вызывают ответный интеллектуальный «всплеск» у абитуриента, заставляют показать его культурный багаж, проще говоря, вынуждают задуматься над тем, что пишешь.

Однако и в этом случае есть по крайней мере два подхода к выбору темы, названия этюда. Можно, скажем, взять цитату из Достоевского: «Красота спасёт мир», а можно — из того же Достоевского: «Подлец, человек, ко всему привыкает». Какая лучше? Обе гениальны. Но я бы взял вторую.

Цитата про красоту, спасающую мир, уже стала настолько расхожей, что очистить её от налипших банальностей под силу лишь незаурядному автору. Абитуриент, думается, полнее раскроется, если будет озадачен при написании этюда толкованием второй из приведённых цитат Достоевского.

Нетривиальная тема, парадоксальная по смыслу цитата в названии этюда — это своего рода вызов для молодого автора на экзамене. С их помощью стимулируются, как мне кажется, и «неожиданные», неординарные качества пишущего этюд абитуриента. Те самые качества — умение по-своему видеть мир и талантливо переносить своё видение в слова и художественные образы, — которых мы от него и ждём «на этюде».

Был в семинаре и такой опыт, когда студенты сами предлагали темы для этюдов. Студент из моего первого набора **Олег Зоберн** однажды предложил написать этюд на тему «Ленин в моей жизни».

Сам Олег тогда был «в теме», увлечён ею: он написал концептуальный рассказ «Провал», где действует Ильич. И, как это ни удивительно, остальные

участники семинара откликнулись: каждый написал довольно живой этюд. От констатации полного отсутствия образа Ильича в собственной жизни одного студента до красочных картин семейной жизни Ленина и Крупской в сочинении другого. По правде говоря, я и сам не ожидал таких интересных результатов от темы, скорее подходившей для школьного сочинения 50-х годов прошлого века.

В этюде важнейшую роль играет элемент «непохожести», неожиданности, единственности (не хочется почему-то писать «уникальности»). Выигрывают название и темы, не похожие на прежние, уже когда-то использованные. Привлекает раскрытие абитуриентом темы — не так, как это делают другие. Пусть язык автора будет местами коряв и не всегда идеально грамотен, но если в нём есть «непохожесть», то, значит, есть и шанс, что данный абитуриент не бросит писать прозу или стихи уже на третьем курсе. И не станет впоследствии заурядным пиарменеджером или рекламным агентом, а будет и после окончания Литературного института заниматься литературой.

Вспоминается пример такого этюда. Даже на фоне других достаточно хорошо написанных эта работа показалась мне на редкость удачной. И я поставил за неё «пятёрку». Автор — студент-заочник моего семинара **Дмитрий Колейчик** из Минска. (Из всех предложенных тем он единственный выбрал самую, на мой взгляд, неожиданную и провокативную для абитуриента нашего института тему.) Вот его работа.

Убегу ли я из литературы?

Странность со мной. Я вижу всегда один сон. Но не это странно, такое бывает, вроде бы... Дело в том, что я сплю постоянно и вижу один сон циклично. Я предположил бы, что я в коме, но и это неправда. Не знаю, как объяснить логично. Это выглядит вот так: я сплю и вижу сон, потом просыпаюсь... и — я вижу сон, тот же, от начала и до конца.

Мне известно, людям свойственно помнить свою «внесонную», а сновидения забываются мгновенно. Я же сон свой помню подробно, а вот что происходит со мной, когда я бодрствую, я не запоминаю.

Вы спросите, почему я так уверен, что помню именно сон, вдруг это и есть реальность? Что ж, у сновидения есть несколько отличительных моментов, которые всё доказывают. Например, если снится, что читаешь книгу, то смысл её понятен, но только начнёшь вглядываться в напечатанные на бумаге слова, как становится невозможно разобрать буквы. И ещё — во сне всё слишком динамично развивается, не так, как в жизни.

Например: я в своём готическом замке отдыхаю в огромном кожаном кресле у камина, жаркого, как ад... Я слушаю грозу; острые, холодные, злые, как мои мысли о жене, молнии режут небо, больше похожее на чёрное бушующее море... Мои планы, жёсткие, страшные, как «железная дева», касаются жены. Я собираюсь убить её, она измотала мне нервы — моя неверная жёнушка. Я её сегодня отравлю, у меня припасён яд в секретере.

Однако, каюсь, увлёкся описанием эпизода из моего сна.

Чёрт! Опять завоняло крысами... Большими, жирными крысами и сыростью воняет время от времени ни с того ни с сего. Отвратительный дух возникает как будто в сознании. Осознаю я себя только во сне, и это не оставляет мне иного выхода: я делаю эти заметки как бы на полях своего сна. Делаю их скорее только для себя, чтобы разобраться...

Я постоянно задумываюсь о кладбищах. Один современный философ сравнил музеи с кладбищами произведений искусства. А что же тогда библиотеки? Кладбища исписанных страниц? У меня огромная библиотека. Я беру книги с полки, перечитываю их, словно эксгумирую и реанимирую трупы. Ведь когда я читаю какую-то историю, персонажи становятся живыми, пробуждаются от летаргического сна... (Мысль неясная поразила меня, словно стилетом уколола в мозг: я пишу по написанному, обвожу, как линии контурной карты, и чудным образом продолжаю писать по каминной полке, далее — по портьерам, по воздуху...) Стоп! Сюда идёт моя жена.

Необычно заботливая, подаёт мне бокал вина и улыбается. Верно, ей что-то надо... Но нет! Другого, страшного ей надо! Разбивается бокал. Выпал из моих ослабевших рук. Осколки сверкают. В глазах моих только эти осколки мельтешат. Жена всегда любила рыться в моих вещах. Она открыла секретер. Нашла яд, убила меня. Опять. Всё так знакомо! Это конец моего сновидения, развязка.

Я в склепе. Я мёртвый. Пахнет сыростью и крысами. Вот откуда! Этот запах был предчувствием! Но раньше в моём сне такого не было. Может, это реальность? Очень тесно. Но я же не тело в гробу. Я чувствую себя всем, что бывает обычно в моём сне, но как-то странно: разделённым и единым. Ни рук, ни ног; сквозь тело чертят карандашом эти строки — мысли мои. Что-то больно кусает нижний левый край (угол?). Злой крысиный писк. Меня выхватывают и раскрывают. Значит, я — книга!

Зима 20... г.

...Нормальное состояние, несмотря на то что провалялась в этом чулане лет десять. Правда, крысы обгрызли корешок внизу. Записи на полях... Похоже на бред сумасшедшего: какой-то чудаковатый вообразил себя этой книгой, когда читал её, и не знал, как перестать ею быть! Ха! Последняя надпись гласит: «Убегу ли я из литературы?!» Видимо, не убежал. Кстати, а что за книга? Не могу разобрать, плывёт перед глазами, устал. Потом посмотрю, завтра.

Осень 20... г.

Конец. Хм, чего только беллетристы не напишут! Человек, живущий в книге! Кстати, а что это я прочитал? Не запомнил названия... Опять засыпаю.
Весна 20... г.

— Отец мой! Как можно вечность сидеть по шестнадцать часов в сутки за печатной машинкой?! Стопки твоих печатных фантазий едят крысы, но количество их всё возрастает, крысы не справляются!

— Да, папаша, кончай ты эту писанину, не будет толку от людского рода!

— Отец мой, Твои персонажи страдают по-настоящему! Если можешь не писать, не пиши!

— Не могу, — сказал Отец и отложил Страшное Редактирование на неопределённый срок.

Лето 2008 г.

P.S. Убегу ли я из литературы? Куда??

Итак, этюд Дмитрия Колейчика, ныне уже окончившего заочное отделение студента, был оценён мной по высшему количеству баллов: «отменная фантазия, умение перевоплощаться в собственных персонажей, оригинальное решение темы». И вот вопрос: мог ли бы я сегодня подтвердить свою оценку,

уже хорошо зная возможности своего студента по совместной работе в семинаре? Пожалуй, мог бы. Колейчик постепенно изживает из своей прозы и стихов «детскую болезнь»: пристрастие к архетипам литературы фэнтези, к модным готическим образам, к хорору (ужасу). Он, к счастью, продолжает много писать (в отличие от других бывших студентов-заочников, которые с головой погрузились в свою офисную работу и практически перестали создавать новые тексты).

Дмитрий Колейчик наделён писательскими амбициями, для достижения которых у него имеются завидные данные. Надеюсь, что с оценкой его этюда в своё время я не ошибся. Есть ощущение, что этот воспитанник Литературного института и в самом деле из литературы никуда не убежит. Он в ней останется.

Окончание следует

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА

---

*Памяти
немецкого историка русской литературы XX века,
первого Почётного доктора литературы
Литературного института,
профессора
ВОЛЬФГАНГА КАЗАКА
(Wolfgang Kasack)
20 января 1927 — 10 января 2003*

УДК 82-94

М. В. ЗОРКАЯ*

ВОЛЬФГАНГ КАЗАК И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

Воспоминания о сотрудничестве Литературного института с Институтом славистики Кёльнского университета (ФРГ), начатому и развивавшемуся при решающем участии выдающегося немецкого слависта Вольфганга Казака (1927–2003), первого Почётного доктора литературы Литературного института имени А. М. Горького.

Ключевые слова: Вольфганг Казак, Литературный институт, Институт славистики Кёльнского университета, С. Н. Есин, Е. Ю. Сидоров, «Лексикон русской литературы XX века».

Пока Сергей Николаевич Есин был ректором Литинститута (1992–2005), стену в его приёмной почти десять лет украшал портрет Вольфганга Казака. Академическая квадратная шапочка, величественная, ниспадающая складками чёрная мантия, благородная седая шевелюра, вдумчивый взгляд — классический профессор из Европы. Фотография была сделана 16 сентября 1996 года, когда в Литинституте состоялась торжественная церемония в связи с присуждением Казаку степени Почётного доктора литературы.

Вольфганг Казак тогда уже не руководил Институтом славистики Кёльнского университета, по строгим немецким правилам отойдя от прямых директорских обязанностей в 65 лет, то есть в тот самый год, когда Есин был избран ректором. На излёте административной карьеры у одного, на взлёте — у другого, Казак и Есин ещё успели встретиться как два руководителя учебных заведений, между которыми к тому времени существовал научный и студенческий обмен.

---

* Мария Владимировна Зоркая (Жданова) — переводчик, литературовед, профессор кафедры художественного перевода, руководитель семинара перевода с немецкого языка Литературного института имени А. М. Горького; hyperevod@litinstitut.ru

Есин записал в дневнике 1992 года: «7 декабря, понедельник. Кёльн. Вылетел с Н. А. Красиковым к Казаку. Машину отменили, билет оплатили немцы. Визит в институт славистики. Немцы очень заинтересованы в контактах с Литинститутом. В 16.00 беседа с ректором университета Кёнигом. Филологические вопросы. Постепенное размагничивание Казака...» [1, 256].

Кёльнский университет, Институт славистики и Вольфганг Казак достались Есину по наследству из конца 1980-х. Тогда Нина Сергеевна Павлова, крупнейший отечественный германист, которая ранее по приглашению нашей кафедры зарубежной литературы руководила диссертацией одной аспирантки, а ныне автора этих строк, обратилась к Казаку с просьбой: мол, пригласите «мою девочку» хоть на какую-нибудь стажировку, а то ведь обидно, что «специалист по немецкой литературе XX века никогда не видел Западной Германии». Теперь принято на все лады ругать те времена, но как бы оно ни было, а одного у них не отнимешь — масштабности решений. «Девочка-специалист — это хорошо, но весь Литинститут — это ещё лучше», — будто бы ответил Казак. Не прошло и нескольких месяцев, как Евгений Юрьевич Сидоров, ректор Литинститута (1987–1992), и Вольфганг Казак, директор Института славистики Кёльнского университета (1969–1992), встретившись в Европе на каком-то огромном международном форуме, подписали договор о научном и студенческом обмене между двумя учебными заведениями. И очень скоро в Кёльн на целый месяц выехала первая представительная делегация, состоявшая из двух преподавателей, одного аспиранта и трёх талантливых студентов. Потому что Казак распорядился выбирать: либо один человек на шесть месяцев, либо шесть человек на один месяц.

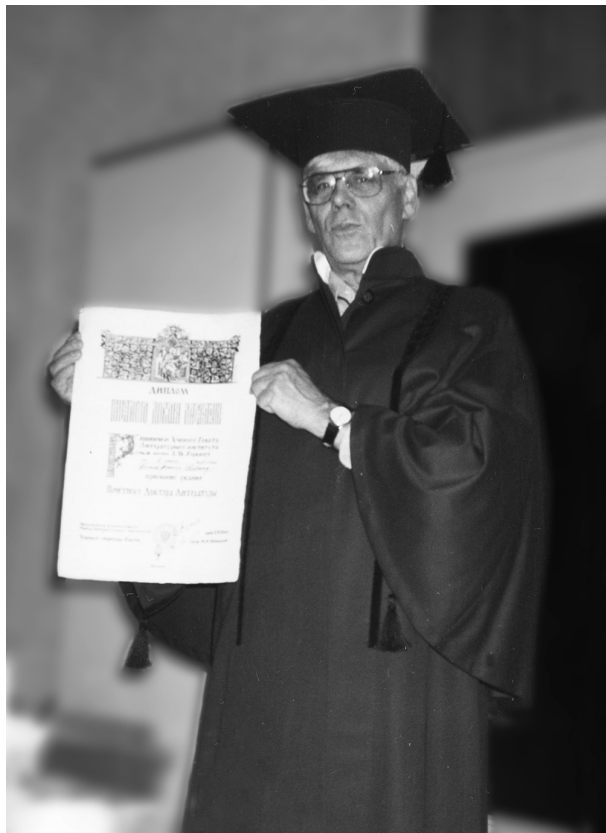
Тем не менее для Литинститута официальные отношения с Кёльном поначалу оказались как полезны, так и обременительны. С одной стороны — да, долгожданные поездки за рубеж, расширение кругозора и углубление знаний, всеобщее повышение квалификации. С другой стороны, на своей территории зарплату преподавателям и стипендию студентам платить было нечем, зато из Кёльна по договору всё прибывали гости.

Позже Есин записал в дневнике: «У нас сейчас лишь тринадцать студентов изучают немецкий язык, из них двое пятикурсников, которым ехать куда-либо уже поздно, а двое намечены к поездке в Германию. Мы решили сокращать обмен, он нам не выгоден, немцы шлют нам своих сериями по два месяца. Каждый раз встречи, общежитие, оформление. Здесь ещё и финансовый аспект: немцы эти поездки организуют за счёт государства, а мы — за счёт института, за счёт коммерческих средств, ибо других нет» (Запись от 1996, 16 сентября, понедельник) [1, 449].

Конечно, как сравнить возможности крошечного Литинститута, брошенного историей в перестроечные штормы, с огромной и могучей, с одной из древнейших (год основания — 1388) высших школ Европы — с Universität zu Köln? Но всё-таки в последнем пункте ректор Есин, болевший душой о «Школе Горького», заблуждался. «Государство» как таковое даже в Германии переломных лет, осознававшей свою историческую вину и поставившей на поток гуманитарную помощь России и другим республикам СССР в самых разных формах, совсем не готово было выкладывать немецкие марки ради приезда поэта с третьего курса Литинститута.

После торжеств
в Литинституте
почтение
Почётного доктора
Вольфганга Казака
продолжилось
на кухонных посиделках
у его московских друзей.

Фото Ларисы Мезенцевой

Суть в другом: профессор и директор Казак обладал фантастическим чутьём на финансовые средства, заложенные и ждущие достойного получателя в бесчисленных организациях, фондах, обществах, объединениях, комитетах, союзах, структурах, ведомствах и корпорациях. Дело не в суммах, чаще всего достаточно скромных, а в самом искусстве их добывать и отдавать. Вольфганг Казак обладал многими талантами, но этот, не упомянутый ни в одной из его биографий, поражал — в сочетании с академической шапочкой и учёной мантией — всякого, кто хотя бы на несколько дней оказывался по его приглашению в Кёльне и попадал то на обеды по каким-то визиткам, то на бесплатные трамвайные билеты, то на возврат каких-то процентов от неведомого чего... Потому-то Казак несколько не побоялся взвалить на себя обязательства по отношению к целому институту на Тверском бульваре, 25. А вот нам действительно посылать было некого до тех пор, пока кафедра художественного перевода не стала регулярно объявлять набор студентов в творческий семинар перевода с немецкого языка.

Теперь невозможно подсчитать, ибо обмен зародился в докомпьютерную эру, сколько людей приняли в нём участие. Но примерно — это три-четыре сотни, если исходить из того, что двадцать пять лет каждый год туда и сюда летали около двух десятков. А уж если взять в расчёт последующие частные приглашения, выросшие из официальных командировок, то число значительно увеличится. А если прибавить все встречи в других городах и на других территориях, все юбилеи, свадьбы и крестины — то число зашкаливает, хотя обмен носил чисто профессиональный и учебный характер. Кстати, количество

появившихся благодаря обмену публикаций вообще не поддаётся никакому измерению: это и опубликованные тезисы докладов, и статьи в журналах высшей школы, и научные монографии, и литературные переводы, и очерки, и рассказы, и даже романы. Как бы высокопарно это ни звучало, но наш обмен между Москвой и Кёльном — казалось бы, скромное и локальное явление — способствовал развитию культуры и взаимопониманию двух народов.

Вольфганга Казака к договору с Литературным институтом вела, можно считать, вся линия его судьбы. Как профессионал-славист он проявил себя ещё в 1950-е, будучи студентом и докторантом в Гейдельберге и Гёттингене. Как профессионал официальных германо-российских связей он тоже проявлял себя с молодости, в трудные времена приняв деятельное участие в работе над Соглашением о культурном сотрудничестве между ФРГ и СССР (1960), а далее впервые организовав обмен для учёных обеих стран, которым занимался вплоть до 1968 года, пока ему не запретили въезд на нашу территорию. Сотнями исчисляются его опубликованные переводы русских писателей на немецкий язык, его статьи, предисловия, послесловия, обзоры, рецензии, эссе, посвящённые русской литературе XIX и XX веков.

«Вообще Казак считал своей задачей не ограничивать деятельность узкими пределами науки и осуществлял это, в частности, разнообразными докладами, выступлениями по радио, а особенно своими переводами, — пишет профессор Франк Гёблер, когда-то ученик и ассистент Казака, теперь руководитель Института славистики Майнцкого университета. — <...> Для метода работы и всей активной деятельности Казака характерно было его постоянное стремление способствовать диалогу между Востоком и Западом в литературной сфере, одновременно предоставляя возможность сотрудникам и студентам Института славистики вживе узнавать русскую литературу. Он приглашал на чтения, доклады, симпозиумы писателей и критиков, организовывал для них встречи в других университетах и институтах. С особой интенсивностью он использовал политические переломы конца восьмидесятых годов, усаживая за один стол гостей из Советского Союза и эмигрантов, объединяя в плодотворных диалогах писателей разной политической окраски» [3, 133–134].

Эта позиция определила суть и новаторство наиболее фундаментального и известного его труда, а именно — Словаря русской литературы, который под разными названиями и на разных языках издавался в Европе шесть раз, но в Советском Союзе входил в список запрещённых книг. Седьмое, расширенное и переработанное, издание под именем «Лексикона русской литературы XX века» появилось у нас в 1996 году. В его состав входит 855 статей, в том числе 747 биографических.

«Выбор писателей, включённых в словник, подчинён прежде всего не столько литературному значению их творчества, сколько информационным запросам того, кто прибегнет к помощи данной книги, — пишет в предисловии Казак. — Это означает, что в Лексикон вошли не только те авторы, кого, по моему мнению <...> можно считать “настоящими писателями”, но и те, которым в существовавшей ранее официальной советской шкале было отведено лишь политически обоснованное “выдающееся” место» [2, IX].

Пренебрегая академической традицией изучения вершин и шедевров, Казак представляет русскую литературу после 1917 года как живой и много-сложный процесс, как панораму, составленную из писателей и книг, которые

издавали или запрещали, читали или уничтожали, изучали или замалчивали, рекомендовали или вычёркивали из списков. Это русская классика XX века, советский официоз, эмигранты всех трёх волн, авторы бестселлеров и тоненьких поэтических сборников, трудяги «самиздата» и смельчаки «тамиздата» — словом, это русская литература, какой она была в прошлом столетии.

Так вот, Казак — с присущей ему пронизательностью и знаниями — прекрасно понимал и то, что эта литература в значительной своей части представлена именно Литинститутом, и то, что Литинститут отражал и отражает происходящие в ней процессы. Литинститут с его внешним консерватизмом и внутренней свободой, с его бесчисленным разнообразием позиций учителей и учеников, подтверждал самим фактом своего бытия казакскую концепцию литературного процесса.

Небезынтересна в этом смысле и коллизия Казак — Есин, ведь они оказались настоящими идеологическими противниками.

Вот продолжение дневниковой записи Есина от 7 декабря 1992 года:

«В 17.00 встреча в институте. Казак задавал мне вопросы. Все они заражены дешёвым антирусизмом (антисоветизмом), начал цепляться, получил по сусалам... Вопрос об общественных науках и госпрограммах. Эти вопросы он привёз ещё из Москвы от своих знакомых. Я отбил и взял инициативу в свои руки» [1, 256].

Вот запись от 12 декабря, когда Есин ездил в Мух (округ Кёльн), где проживал Казак: «Был прекрасный торт и кофе. Поговорили, побранились, уехали» [1, 257]. А вот через четыре года, прямо перед памятной церемонией в сентябре 1996-го: «Сегодня в два часа я с ним обедаю. Постараюсь высказать ему как можно больше, даже не относящееся к нему, а только к моей политической досаде» [1, 449].

В дневнике Есин не уставал сердиться, но в ректорском его шкафу висела для гостя «мантя производства Вячеслава Зайцева» и лежала «ручной работы на тряпичной с водяными знаками бумаге», «в центре реплика с одной из иллюстраций “Апостола”», с «роскошным шрифтом и буквицами» грамота Почётного доктора литературы Вольфганга Казака, своей деятельностью обогатившего историю Литинститута на рубеже XX–XXI веков многими яркими страницами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Есин Сергей*. Дневник. 1984–1996. М.: Академика, 2015. 541 с.
2. *Казак Вольфганг*. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. 494 с.
3. *Göbler Frank*. Die Ära Kasack (1969–1992) // Die gelbe Villa im Weyertal. Sechzig Jahre Slavisches Institut der Universität zu Köln (1953–2013). 2014. S. 133–134.

REFERENCES

1. *Esin S*. Dnevnik [Diary]. 1984–1996. M.: Akademika, 2015. 541 s.
2. *Kazak V*. Leksikon ruskoj literatury XX veka [Lexicon of Russian literature in the XX century]. M.: RIK «Kul'tura», 1996. 494 s.
3. *Göbler F*. Die Ära Kasack (1969–1992) // Die gelbe Villa im Weyertal. Sechzig Jahre Slavisches Institut der Universität zu Köln (1953–2013). 2014. S. 133–134.

РЖАВАЯ ВИНТОВКА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА СПАСЛИ ВОЛЬФГАНГА КАЗАКА

Воспоминания о встречах с выдающимся немецким славистом Вольфгангом Казаком (1927–2003), автором международно известного «Лексикона русской литературы XX века», о его поездке в Самару в 1994 году. Поворот его судьбы, сына немецкого писателя-антифашиста Германа Казака, произошёл в 1945 году: оказавшись в советском лагере для военнопленных на Волге, он стал изучать русский язык и полюбил русскую литературу.

Ключевые слова: Вольфганг Казак, русская литература, Вторая мировая война, антифашизм, Герман Казак, Самара (Куйбышев), зло.

Одна из самых ценных книг в моей библиотеке — это «Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года», составленный легендарным немецким русистом Вольфгангом Казаком, переведённый на русский эмигрантами Еленой Варгафтик и Игорем Бурихиным и опубликованный в 1988 году издательством ОРІ в Лондоне. Уникально это издание ещё и тем, что мне подарил его сам господин профессор, когда после многих лет отсутствия был вновь допущен на родину русской литературы, которую он обожал, которая стала делом его жизни и, между прочим, ему эту жизнь спасла.

Дело было так. Вольфганг Казак родился (1927) в семье знаменитого писателя Германа Казака, который был не в ладах с фашистами, отчего долгие годы был лишён литературной работы, и квартира его, где возрос будущий великий славист, была пристанищем инакомыслящих интеллектуалов. В апреле 1945 года Вольфганг Казак провёл шесть дней на Восточном фронте, который в это время был уже практически в Берлине, а на седьмой день попал в плен, где его сначала чуть не расстреляли, приняв за снайпера, но когда увидели его ржавую (изнутри) винтовку, из которой он не сделал ни единого выстрела, долго хохотали и отправили незадачливого вояку вглубь СССР, в город Куйбышев, так тогда называлась Самара, в лагерь для военнопленных. Казак там «доходил» и скорей всего погиб бы от голода, но по русским книгам вдруг чудом, быстро-быстро, выучил наш язык, хотя до этого

---

* Евгений Анатольевич Попов — писатель; руководитель творческого семинара прозы; доцент кафедры литературного мастерства Литературного института имени А. М. Горького; popov1984@yandex.ru

не знал по-русски ровным счётом ничего. Да и фамилия его семьи *Казак* к России никакого отношения не имела. Вольфганг рассказывал потом, что только никак не мог запомнить важное для эзков слово «кипяток».

В 1951 году он окончил Гейдельбергский университет. С 1951 по 1953 изучал славистику в Гёттингенском университете, где получил степень доктора наук.

После докторской диссертации о творчестве Константина Паустовского, множества публикаций он стал популярной и уважаемой персоной в кругу исследователей и любителей русской литературы, а также её творцов по обе стороны «железного занавеса» — поэтов, писателей, драматургов разных возрастов, стилей и умонастроений.

С 1956 по 1960-й работал переводчиком в только что открытом посольстве Федеративной Республики Германии в Москве, с 1960 по 1969-й занимал должность ответственного работника по научному обмену между ФРГ и СССР. В 1969-м стал заведующим кафедрой славянской филологии и директором Института славистики Кёльнского университета. Перевёл на немецкий Гоголя, Каверина, Паустовского, Розова, Тендрякова, Солженицына, Нагибина, Анатолия Кима и многих других, даже головоломные тексты Саши Соколова перевёл. Многим русским писателям и поэтам помогал. Устраивал им гранты, лекции, выступления. Открыл Западу Геннадия Айги...

Но, как гласит советская пословица, «ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным». Именно эта широта интересов профессора Казака и послужила непосредственной причиной того, что в начале 1970-х годов его объявили идеологическим подстрекателем и перестали пускать в СССР, куда он смог приехать только в начале конца «перестройки».

Расчёт был прост. Славист, литературовед, историк литературы не может существовать вне своего материала, вне своих изучаемых объектов — литераторов и их книг. Советская власть не только своих подданных гнобила, но и протянула свои щупальца по всему миру. Знаменитый коллекционер русского искусства, француз Рене Герра рассказывал мне, что ему, студенту Сорбонны, настойчиво не рекомендовали общаться с русскими писателями-эмигрантами первой и второй волны, ибо это может не понравиться «советским товарищам» и непременно отразится на его карьере.

Казак, друг опальных русских писателей, мог не трудиться ходить за визой. В визе ему отказывали без объяснения причин. *Догадайся, мол, сама...* Многие догадывались. Известная американская писательница, имевшая виды на перевод её дамских сочинений в СССР, расхрабрившись, встретила на тайной квартире с литературными диссидентами, а потом их же умоляла никому об этой встрече не рассказывать — не дай бог попадёт в прессу, а из прессы — на глаза советскому начальству.

Даже несоветский человек должен был себя вести **правильно**, с пониманием того, какая великая миссия выпала на долю советского народа, строителя коммунизма, а в особенности на его разномастных вождей.

Вольфганг Казак такие ритуальные глупости принимать в расчёт не желал, потому что он к тому времени уже занялся главным делом своей жизни — составлением «Лексикона русской литературы XX века», появление которого в 1976 году на немецком языке окончательно закрыло профессору путь в

Россию. Ведь в этом справочнике современная русская литература впервые была представлена как единая литература, а не разделённая на «красных» и «белых», «наших» и «не наших». Там был писатель на букву «Б» Леонид Ильич Брежнев и писатель на букву «С» Александр Исаевич Солженицын, советский «Октябрь» и антисоветский «Континент», Маяковский и Мать Мария. Казака интересовала русская литература, только литература, ничего, кроме литературы.

Однако к 1988 году, когда «Лексикон» появился на русском языке, весомая часть наших ведущих писателей уже пополнила ряды эмигрантов, да и в самой стране творилось чёрт-те знает что с точки зрения её правителей, не поспевающих за ходом времени, а то и пытающихся остановить его.

Казака вдруг *пустили*, и он впервые встретился со многими персонажами своего лексикона, в том числе и со мной. Более того, мы вместе выступали в огромном зале Московского Дома архитекторов, где впервые состоялся разрешённый вечер опального альманаха «Метрополь», которому Казак посвятил в своём справочнике специальную статью.

С тех пор он бывал в СССР (с 1991 года — Россия) регулярно и многократно. Об одной такой поездке, связанной с волжским городом Самарой, я и хочу рассказать, ибо был её непосредственным свидетелем, если не сказать «участником». Думаю, что эта поездка была для Казака, как раньше выражались, судьбоносной. Вольфганг встретился со своим прошлым, и вот что из этого получилось.

Был 1994 год, время весёлой демократии, когда многим казалось, что розы не имеют шипов, с прошлым покончено, «никогда, никогда россиянин не будет рабом» и так далее.

Куйбышев снова стал Самарой. Некогда «закрытый город», куда не ступала нога иностранца, принимал недавних патентованных «отщепенцев» Василия Аксёнова и Владимира Войновича, а также «знаменитого западно-германского учёного-слависта Вольфганга Казака».

Нет смысла описывать весь ход этих встреч. Научную конференцию «Третья волна» в Центральной библиотеке, беседы с читателями и университетскими студентами, выступление писателей в новом здании филармонии. Обо всём этом можно вспомнить, «подняв газеты» за соответствующий год.

Я о другом. Мы искали почти весь день место бывшего лагеря, куда он угодил, попав в плен в апреле 1945 года, место его печальной юности. Наш катер приставал к правому берегу Волги во множестве мест, и каждый раз это было «не то». Казак всё больше и больше мрачнел.

— Нет, не здесь, — в очередной раз говорил он. — *Там Волга была широкая, а гора — высокая*, — повторял он, как заклинание.

— Нет здесь такого ландшафта, — уверяли его.

— Может, это у вас аберрация пропорций? Ведь вы были молоды тогда, когда все «деревья казались большими», — увещевали его.

Казак молчал. С ним происходило НЕЧТО. Он стоял на носу катера и бормотал своё прежнее: «Волга была широкая, гора — высокая».

И вдруг его лицо озарилось непонятным сияньем.

— Здесь! — торжественно выкрикнул он. — Зольное! Это называлось Зольное!

Смеркалось. Мы вышли на берег. И — о чудо! — Волга здесь действительно разливалась широко, огибая остров, а гора действительно угрожающе нависала над прибрежным пространством.

— Это было здесь. Здесь были бараки, плац, вахта, столовая. Здесь я был молод, — тихо сказал Казак.

После чего резко развернулся и велел везти нас обратно.

Утром он уезжал. Утром он покидал Самару. Утром он покидал Куйбышев, Зольное, бараки, плац, вахту, столовую, покидал ту ауру метафизического ЗЛА, которое судил ему Бог на заре юности и новой встречи с которым он невольно жаждал всю жизнь.

Дальнейшее можно считать мистикой или натурализмом, как кому удобнее. Дело в том, что Казак внезапно заболел. Хотя это мягко и неточно сказано — «заболел». Странности начались ещё в Самаре, где он вдруг объявил ко всеобщему изумлению, что все его хлебосольные хозяева-волжане не иначе как сотрудники КГБ. В полном беспамятстве прилетел он в родной Кёльн, где его должна была встречать жена Фредерика. Фредерика не обнаружила мужа среди выходящих из-под вывески «Departure» пассажиров. Она нашла его на задворках аэропорта, скорчившегося в углу, никого не узнающего.

Потом он долго лежал в больнице, где высокоучёные и соответствующим образом оплачиваемые врачи не смогли, к своему удивлению, поставить ему диагноз и лечили его **ВООБЩЕ**.

Но — вылечили. Около года он был в тяжёлом состоянии «или-или», но всё же, как раньше писали в романах, «его здоровая сильная натура взяла своё».

Он выздоровел. Его «Лексикон», расширенный и дополненный, вышел в России и до сих пор является уникальным и по-своему непревзойдённым справочным изданием.

Человек со славянской фамилией Казак жил в немецкой деревеньке со смешным для русского уха названием Мух.

Немецкая деревенька отличается от русской тем, что имеет ладные каменные дома, мощённые булыжником и заасфальтированные мостовые, супермаркет, церковь. Вольфганг Казак, уважаемый житель деревни Мух, по воскресеньям играл в этой церкви на органе.

Я никогда не заговаривал с ним о том, что произошло в Самаре теперь уже много лет назад, пока он не сделал это сам.

Была осень. Мы долго гуляли с ним по дивным окрестным лесам, а потом зашли в пустую церковь.

— Вот это — орган, — сказал Казак. — А это — ведро воды. Я каждое утро наполняю это ведро водой, чтобы поддерживать в помещении ту степень влажности, которая необходима для органа. Чтобы он не рассыхался. К вечеру ведро становится пустым, вода испаряется...

Он помолчал и сел перед органом.

— Я понял, что было тогда со мной в Самаре, в Зольном. Это была схватка моей души со Злом, схватка насмерть. Зло чуть было не победило меня, но Бог помог мне одолеть Зло. Я вышел из этой битвы с обновлённой душой.

И вдруг добавил, глядя на моё непонимающее лицо:

— Хочешь, я тебе сыграю на органе «Катюшу»?

— Разве в церкви можно? — усомнился я.

— Можно, — твёрдо ответил Вольфганг Казак.

Вы никогда не слышали «Катюшу» в органном исполнении, когда странные эти звуки наполняют гулкое пространство чинного немецкого храма, расположенного в сельской глубинке земли Северный Рейн–Вестфалия?

Я слышал.

Он умер в 2003 году, оставив множество учеников и последователей.

Как писал один из них, профессор Райнер Гольд, «смертельная болезнь, которой Вольфганг Казак до последнего пытался сопротивляться с помощью присущей ему дисциплины, была встречена им с открытостью, достойной восхищения. Бережно планировал он оставшееся время жизни и работы. При этом его подготовка к неизбежному не была стоическим смирением, но сознательным приятием факта перехода “в мир иной”».

Светлая память! Вечный покой!

РЕЦЕНЗИИ

УДК 82-95

ПАМЯТНИК ФЕДИНУ

Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века.

Кн. 1 / Отв. ред. Н. В. Корниенко; сост. И. Э. Кабанова.

М.: ИМЛИ РАН, 2016. 680 с.

2017 год — год 125-летия со дня рождения Константина Федина и 40-летия его смерти. Федин — один из крупнейших советских прозаиков, прославленный некогда писатель, автор романов «Города и годы», «Братья», «Похищение Европы» и других выдающихся произведений. Каждая эпоха по-своему толкует и оценивает прошлое. В наше противоречивое время, оказавшись вне системы ценностей новых литературных напостовцев, Федин был предан остракизму. Эпоха тотальной формализации увидела в писателе шаблонную фигуру функционера от литературы, председателя Правления Союза советских писателей, депутата Верховного совета и... «гонителя Пастернака и Солженицына», которым он, в сущности, никогда не был.

Ещё не забыта история несостоявшегося «изгнания» в Саратове памятника Федину с площади его имени, которую предполагалось украсить фигурами первых саратовских воевод, подаренных городу местным «девелопером». По счастью, памятник удалось отстоять. Трудно не согласиться с прозвучавшим тогда заявлением, что нельзя топтать своё прошлое: последствия подобных действий непредсказуемы (*Трубилова Е.* Кому помешал памятник Федину? // Литературная газета. 2016. № 8).

Памятники бывают не только рукотворные. Вышла в свет первая часть коллективного труда «Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века», подготовленная сотрудниками Государственного музея К. А. Федина (Саратов), Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Института мировой литературы имени А. М. Горького и Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. В качестве ответственного редактора изданием руководит член-корреспондент РАН Н. В. Корниенко, составитель книги — зам. директора музея И. Э. Кабанова. Авторский коллектив, собранный ответственным редактором, представляет научные центры разных городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова. Нет ничего удивительного в том, что объёмный том (42,5 авт. л. плюс иллюстрации), который в течение пяти лет создавался совместными усилиями учёных и сотрудников музея, вполне заслуживает определения «фундаментальный». В ближайшее время планируется выпуск второй книги, в которую войдут переписка с В. Вересаевым, Б. Пастернаком, М. Слонимским, О. Форш, В. Познером, В. Полонским, И. Эренбургом и письма, полученные Фединым от А. Ремизова.

Несколько слов о музее, материалы которого составили основу труда. Коллекции его для нашей культуры бесценны. Началом собрания послужил

архив Федина: здесь подлинники писем Достоевского, Тургенева, книги с дарственными надписями, коллекция живописи, редчайшие документы, рукописи писателя. Рукописный отдел музея составляет более 800 единиц хранения. Его фонды включают также живописные полотна и графику выдающихся художников XIX–XX веков, редкие фотографии, антикварную мебель. Эпистолярный Федина содержит письма разных корреспондентов — участников объединения «Серрапионовы братья» и многих других, среди которых И. Андроников, Б. Пастернак, Р. Гуль, Е. Замятин, Б. Лавренёв, Л. Леонов, В. Мейерхольд, Б. Пильняк, М. Пришвин, А. Ремизов, К. Симонов, И. Соколов-Микитов, А. Таиров, А. Твардовский, А. Толстой, К. Чуковский, М. Шагинян, В. Шишков, И. Эренбург. Здесь же находятся письма зарубежных писателей: М. Андерсена-Нёксе, Б. Брехта, Анны Зегерс, Р. Роллана, С. Цвейга и других. Всё это, говоря без преувеличения богатство, было подарено родному городу Федина и его музею дочерью писателя Ниной Константиновной Фединой. Ценнейшим её даром стали поступившие в 2012 году письма Бориса Пастернака, которые будут включены во второй том.

Федин со многими дружил и переписывался. Объём опубликованных материалов и заключённой в книге полезной информации просто удивляет. Несомненно, она вызовет и уже вызвала живой интерес биографов, историков и литературоведов. Издание содержит 428 писем из собрания фединского музея, частных коллекций, а также фондов крупнейших отечественных архивов: ИМЛИ РАН, ИРЛИ РАН, РГАЛИ, РГБ, РНБ. «Печатается впервые» — словосочетание, которое повторяется в книге наиболее часто. Значительная часть писем ранее не была известна, благодаря чему, говоря языком исследователей, «вводятся в научный оборот» многие новые материалы. Но в книге опубликованы не только письма, о чём свидетельствует её название. Авторы не ограничивали себя задачей публикации эпистолярного наследия Федина, дерзнув воссоздать широкий литературный контекст эпохи 1920—1960-х годов, что им, безусловно, удалось. Взятая за основу переписка с тем или иным корреспондентом предваряется большой аналитической статьёй, в которой анализируются особенности литературной и общественной жизни, подчас непростые взаимоотношения в писательской среде. В целом ряде случаев по-новому раскрывается история творческих исканий и создания хорошо известных всем произведений, что во многом дополняет и углубляет наши представления о культуре советского периода. Как и положено серьёзному научному изданию, книга составлена с академической обстоятельностью: она включает подробный справочный аппарат — переписка с тем или иным корреспондентом сопровождается биографической справкой, примечаниями и научным комментарием. В основе комментария лежат, как правило, архивные первоисточники, многие из которых также обнародуются впервые. Создателям труда пришлось провести скрупулёзную работу по уточнению датировки, а в целом ряде случаев и расшифровке особенностей почерка некоторых корреспондентов. Письма, публиковавшиеся ранее, были заново сверены с автографами, текст воспроизведён со всеми авторскими пометами и приписками. В труде есть, как положено, именной указатель, список опубликованных источников, а также цветные иллюстрации, большинство из которых относится к фондам Музея Федина. И в иллюстративной части читатель найдёт для себя много нового: автографы, обложки первых изда-

ний с дарственными надписями, рисунки, акварели, литографии, книжную графику и многое другое.

Приведём примеры. Разделы отличаются как по числу имеющихся в наличии документов, так и по объёму. Раздел «Переписка К. А. Федина и Ф. Сологуба» (подготовка Т. А. Кукушкиной и Л. Ю. Коноваловой) содержит десять документов из фондов Рукописного отдела ИРЛИ и Музея Федина, которые публикуются впервые. Другой корреспондент — Анна Ахматова. Известно, что в 1920-е годы её и Федина связывали дружеские отношения. Раздел «Письма А. А. Ахматовой К. А. Федину» (подготовка Л. Ю. Коноваловой) включает три документа из фондов Музея Федина, и они ранее не публиковались. Раздел «Письмо В. Ф. Ходасевича К. А. Федину» (подготовка Л. Ю. Коноваловой) включает лишь один документ, связанный с русским зарубежьем. В «научный оборот» вводится обращение к Федину Ходасевича, в котором речь идёт о «Письме в редакцию» последнего. Он просит Федина содействовать в его публикации — либо в критико-библиографическом журнале Госиздата «Книга и революция», либо в другом периодическом органе, одновременно предполагается публикация за границей. В нём Ходасевич выражает своё возмущение действиями издательства «Мысль», которое в 1924 году без его ведома выпустило книгу «Поэтическое хозяйство Пушкина».

С эмиграцией связан и наиболее объёмный раздел — «Письма Р. Б. Гуля К. А. Федину» (подготовка Е. А. Мазановой), который включает письма, хранящиеся в Музее Федина. Некоторая их часть ранее уже была опубликована в сборнике материалов Фединских чтений, регулярно проводимых в Саратове. Роман Гуль — белый офицер, участвовавший в Первом Кубанском (Ледяном) походе Добровольческой армии. Напомним, что с 1920 года он жил в Берлине, где в качестве писателя и журналиста сотрудничал в разных эмигрантских изданиях, принимал участие в «Архиве русской революции», работал в редакции сменовеховской газеты «Накануне». И тем не менее — до 1932 года он состоял в дружеских отношениях с Фединым, о чём свидетельствует полная публикация их переписки. Эта переписка, как и вступительная статья, помогает воссоздать картину культурной и литературной жизни «русского Берлина» начала и середины 1920-х годов, ставшего, по словам Ходасевича, «мачехой российских городов». Именно тогда наиболее бурно развивались культурные связи между Советской Россией и Германией, а Федин часто публиковался на немецком языке.

Раздел «Переписка К. А. Федина и Е. И. и Л. Н. Замятиных» (подготовка Л. Ю. Коноваловой) впервые представляет данный материал в максимально полном объёме — предшествующие публикации имели лишь выборочный характер. Основой послужили 60 писем, охватывающие период с 1923 по 1946 год. Этот раздел завершается тематически связанным с ним «Приложением», в котором приводятся документы, объясняющие намерение Федина выйти из Правления Всероссийского союза писателей, а также письма, в которых он заявлял о своей поддержке Замятина. В этот раздел вошло и последнее в их многолетней переписке письмо Федина, относящееся к 1935 году, а также письмо Федина Л. Н. Замятиной (его черновик сохранился в саратовском музее), написанное после смерти мужа: их переписка продолжалась до 1946 года. Известно, что в качестве руководителя Союза писателей СССР Федин делал всё в тех условиях возможное, чтобы вернуть имя Замятина в историю отечественной литературы.

Переписке двух серапионовых братьев, духовно наиболее близких друг другу, посвящён раздел «Письма К. А. Федина Вс. В. Иванову» (подготовка Е. А. Папковой), который включает материалы из личного архива Вс. Иванова. В нём содержатся более 70 писем Федина Вс. Иванову и Т. В. Ивановой. Федин и Иванов познакомились в 1921 году и сохранили, несмотря на возникавшие разногласия, дружеские отношения вплоть до смерти последнего, последовавшей в 1963 году. Во вступительной статье проводятся параллели с дневниковыми записями военных и послевоенных лет, другими документами, которые удачно комментируют содержание переписки. Едва ли не большая часть опубликованных писем была написана в Переделкине, поэтому многие из них передают атмосферу писательского посёлка, нравы давно ушедшей эпохи, особенности взаимоотношений в творческой среде. Переписка Федина и К. И. Чуковского (подготовка И. Ю. Иванюшиной, Е. М. Трубиловой) затрагивает многие темы и, в частности, проясняет обернувшуюся тогда скандалом ситуацию вокруг публикации «Доктора Живаго» за границей и присуждения Б. Л. Пастернаку Нобелевской премии: «События 1958 г. для многих участников стали линией раскола: рушились старые дружбы, навсегда разрывались отношения, не подавались руки» (сопроводительная статья И. Ю. Иванюшиной, с. 579). Показательна также рассказанная в сопроводительной статье история публикации в серии «Литературное наследство» тома «Новое о Маяковском» (М., 1958) с письмами Маяковского к Лиле Брик.

Относительно небольшая по объёму «Переписка К. А. Федина и М. М. Зощенко» (подготовка Т. А. Кукушкиной) отражает характер дружеских отношений с одним из серапионовых братьев, которые сложились ещё в 1920-е годы и продолжались вплоть до кончины Зощенко. В её основе 24 письма, большинство из которых относится к 1950-м годам, то есть к последнему периоду жизни Зощенко, когда он вынужден был защищать от нападков собственное творчество и себя как писателя. В эти трудные для Зощенко годы Федин неизменно его поддерживал — материально, а не только советами; он же многое сделал для его «реабилитации».

Историю более чем полувековой эпистолярной дружбы открывает читателю подготовленная и откомментированная Е. М. Трубиловой переписка Федина и В. Г. Лидина. Опубликованные письма отражают некоторые черты интеллигенции того ушедшего времени: «Ибо Федин и Лидин являли собой, быть может, лучшие образцы русского интеллигента в старомодном значении этого слова» (сопроводительная статья, с. 495). Книга включает также другие не менее информативные разделы, посвящённые письмам В. Я. Шишкова (подготовка И. Э. Кабановой), переписке с А. К. Воронским (И. Э. Кабанова, Е. М. Трубилова), письму М. А. Кузмина (Л. Ю. Коновалова).

В заключение поздравим авторский коллектив, составителя и ответственного редактора с несомненным успехом. Книга «Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века», подготовленная и изданная при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, — труд, необходимый для российской современности. Остаётся лишь сожалеть, что он, как водится, вышел ничтожным для подобного издания тиражом, явно не отвечающим потребностям в нём.

*Ю. А. Азаров,
доктор филологических наук*

ХРОНИКА

«РОЗАНОВСКИЕ ВСТРЕЧИ» — 2017

В научном репортаже рассказывается о философских историко-культурологических чтениях «Розановские встречи» — 2017, проходящих ежегодно 5 февраля в Сергиевом Посаде. Их постоянные участники — преподаватели Литературного института. Дано краткое изложение прозвучавших докладов, сообщается о других мероприятиях этого дня.

Ключевые слова: В. В. Розанов, Сергиев Посад, Литературный институт, М. Е. Салтыков (Щедрин), В. С. Соловьёв, О. Э. Мандельштам, А. Н. Николюкин, В. Г. Сукач.

5 февраля 2017 года уже традиционно в Сергиевом Посаде собрались те, кому дорого наследие В. В. Розанова: культурологи, филологи, историки, философы. Всё было вроде бы и традиционно, но одновременно — юбилейно: 25 лет тому назад Центральной районной библиотеке в Сергиевом Посаде присвоили имя Василия Васильевича Розанова. В библиотеке уже много лет в этот день проводятся философские историко-культурологические чтения «**Розановские встречи**». В этот раз научное собрание прошло под именем «Вечные мгновения Василия Розанова».

Полагаю, что в связи с юбилеем следует рассказать об истории Розановской тропы.

Как известно, Розанов с семьёй бежал из Петрограда в Сергиев Посад в конце августа 1917 года и поселился по совету П. А. Флоренского на Красюковке (район Сергиева Посада) в доме священника Андрея Беляева по адресу: улица Полевая, дом 1. Этот дом был построен в 1914 году по последнему слову техники: водопровод, тёплый туалет, ванная с колонкой¹. Но нужны были хорошие дрова, денег на которые у семьи Розанова просто не было, поэтому они все мерзли и ютились в нескольких комнатах большого двухэтажного дома. Здесь Розанов и умрёт 5 февраля 1919 года по новому стилю. Отсюда его повезут в церковь Михаила Архангела, что находится недалеко от дома, отпоют, а затем похоронят на кладбище Черниговского скита рядом с могилой К. Н. Леонтьева.

После октябрьского переворота в Черниговском скиту была организована колония для проституток и преступников, которой было дано имя террориста Каляева. Прозванная в народе Каляевкой, она подробно описана

---

¹ «В 1950 году дочь священника Беляева София Андреевна Извекова продала постройку Козловым» (*Шпанькова Т. Н.* Прогулки по родному городу. Сергиев Посад. Красюковка. Сергиев Посад: ООО «Всё для вас Сергиев Посад», 2007. С. 48). В доме никто не живёт уже более трёх лет, что ведёт к неизбежной гибели здания, окружённого ветхим покосившемся забором.

М. М. Пришвиным в одноимённом очерке. Кладбище было закрыто и осквернено: могилы раскопаны, надгробия разбиты. В мае 1927 года Пришвин вместе с дочерью Розанова Татьяной нашли места захоронения Леонтьева и Розанова. Опытом знаком стал опрокинутый чугунный памятник Леонтьева. Тогда же в дневнике Пришвин описал и нарисовал схему расположения могил относительно церкви Черниговской иконы Богородицы¹. В советские времена из надгробных плит была выложена дорога к бывшему скиту, превратившемуся к концу 1980-х годов в руины².

Поиски могил Розанова и Леонтьева начались в конце 1980-х годов, путеводной нитью служили дневниковые записи Пришвина. Так мистическим образом пересекаются судьбы людей: когда-то Розанов принял активное участие в изгнании Пришвина из гимназии в Ельце, в чём был, несомненно, прав, а уже после смерти Розанова Пришвин сохранил сведения о месте его упокоения на земле. Учитель и ученик словно встретились вновь, протянув друг другу руки из небытия... К началу 1990-х годов могилы были восстановлены. В 1992 году стараниями С. С. Лесневского на доме, где жил и умер Розанов, была установлена памятная доска. В этом же году по инициативе Лесневского, а через него — по ходатайству ИМЛИ РАН библиотеке было присвоено имя В. В. Розанова. Тогда же от Российского фонда культуры по предложению его вице-президента А. Л. Налепина 5 февраля в Сергиев Посад была организована первая автобусная поездка для тех, кто хотел побывать «у Розанова». Своими научно-экскурсионными выступлениями поездку всегда поддерживал В. Г. Сукач. Следует напомнить, что А. Л. Налепин и В. Г. Сукач были первыми публикаторами текстов В. В. Розанова в перестроечное время.

Так сложилась Розановская тропа: из Москвы — в Сергиев Посад к Лавре, оттуда — в Черниговский скит на могилки и в храм, затем дом Розанова и церковь Архангела Михаила, а оттуда пешком до библиотеки имени Розанова, где ждёт чай и разговоры о Розанове.

Иной раз от библиотеки ходили в гости к игумену Андронику (А. С. Трубачёву), живущему в доме своего деда — священника П. А. Флоренского, с которым Розанов долгие годы состоял в переписке и с которым много общался в Сергиевом Посаде. Они ходили друг к другу той же дорогой, по которой и сегодня можно пройти от дома на Полевой до дома на Пионерской (б. Дворянской).

На этой тропе перебывали все, кто так или иначе связан с именем Розанова, его временем, кругом его интересов в литературе, истории, философии: Ю. И. Архипов, В. П. Балашов, В. М. Гуминский, О. В. Дефье, С. Б. Джимбинов, О. Т. Ермишин, А. В. Ломоносов, И. И. Маханьков, А. Н. Николюкин, П. В. Палиевский, Т. В. Померанская, Т. А. Резвых, А. И. Резниченко, П. А. Руднев, Я. В. Сарычев, Т. В. Смирнова, А. Н. Стрижёв, О. В. Тимашева, В. П. Троицкий, В. А. Фатеев, С. Р. Федякин, П. Е. Фокин, В. А. Шенталинский, М. Ю. Эдельштейн и многие другие. Ну, и ваша покорная слуга тоже.

К сожалению, 18 января 2014 года не стало преподававшего в Литинституте С. С. Лесневского, который долгое время был душой поездок. Он собирал людей, добывал транспорт, привозил в подарок библиотеке множество

¹ Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. Книга пятая / Подгот. текста Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой. М.: Русская книга, 2003. С. 296–297.

² В настоящее время скит восстановлен, возвращён Русской Православной Церкви.

книг, изданных в его издательстве «Прогресс-Плеяда». Без него Розановская тропа погрустнела... Но жизнь неостановима — сюда постоянно приезжают учёные — преподаватели Литературного института, где более сорока лет читал лекции и, увы, покинувший в 2016 году этот мир С. Б. Джимбинов. В Литинституте продолжают трудиться и подёнщики на ниве розановедения, и благодарные читатели Розанова — преподаватели, студенты, аспиранты, сотрудники.

День был солнечный и не по-февральски тёплый. Наша группа состояла из старшего научного сотрудника Дома А. Ф. Лосева В. П. Троицкого с супругой; доктора филологических наук О. В. Дефье (МГПУ); специалиста в области французской культуры, кандидата культурологии И. Л. Карантеевой (Кострома), журналистки И. В. Бартеневой (Кострома), доктора философских наук С. И. Скороходовой (МГПУ) и аз грешной (Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова). Мы встретились у Лавры, пошли на поклон к преподобному Сергию. Здесь всегда и в будни народа немало, но сегодня, в воскресный день, был попросту праздник паломничества к Сергию. Естественно, были неостановимы вереницы туристических автобусов, привозившие гостей из Китая и стран Юго-Восточной Азии. После посещения Троицкого собора дошли до могилы Ивана Сергеевича Аксакова. Вспомнились слова из письма Ю. Ф. Самарина к И. С. Аксакову о том, что богослужения на церковнославянском языке народу не понятны, а потому всё, что читается и поётся в церкви, действует на них, как «колокольный звон»¹. Может быть, потому в Лавре такая суета...

Затем мы отправились в библиотеку, где воссоединились с коллегами из Литературного института. Далее — поездка в Черниговский скит к могилам, занесённым снегом так, что никаких имен не видно. Мария Козлова положила на каждую по белой розе, которые трогательно и беззащитно белели на белом снегу. Неожиданная почти уистлеровская реплика с той разницей, что английский художник писал тёмное на тёмном («Гармония в коричневом: фетровая шляпка»). Троицкие поставили свечи, подрагивавшие за стеклом лампы.

Светило солнце, сверкал снег и вспоминались розановские строки: «Знаете ли вы, что религия есть самое важное, самое первое, самое нужное?.. Но кто это знает? Многие ли? Вот отчего в наше время почти не о чем и не с кем говорить»².

Далее мы проехали к церкви Михаила Архангела, которая, к сожалению, в это время бывает закрыта. Мне удалось побывать в ней при постоянных приездах всего три раза.

Мы снова в библиотеке. Как обычно, сотрудники библиотеки подготовили обновлённую книжную выставку, посвящённую Розанову. Розановский фонд библиотеки обширен и, как заметила бывший директор библиотеки Т. Н. Мишонова, благодаря Розановским встречам в библиотеке сложился «самый богатый фонд философской литературы» в Сергиевом Посаде³.

¹ Самарин Ю. Ф. Письмо к И. С. Аксакову от 13 октября 1872 г. // Самарин Ю. Ф. Собр. соч.: в 5 т. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2016. С. 515.

² Розанов В. В. Уединённое // Розанов В. В. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. Е. В. Барабанова. М.: Правда, 1990. С. 243.

³ Мишонова Т. Н. Его библиотека // Венок Станиславу Лесневскому. Вместо прощания / Ред.-сост. Б. Н. Романов. М.: Прогресс-Плеяда, 2014. С. 326.

Зал библиотеки был полон. Около портрета Розанова — живые цветы. Начались чтения. В начале нашего научного собрания с приветственным словом к собравшимся обратилась зам. директора библиотеки Д. В. Садченко. Она отметила важность этих встреч в жизни библиотеки, 25 лет тому назад обретшей имя Розанова. Выразила слова признательности всем, кто приехал, и пожелала плодотворной работы.

Выступавшие высказали добрые слова о трудах отсутствовавшего на встрече выдающегося деятеля современного российского розановедения, энтузиаста издания его собраний сочинений, главного редактора «Розановской энциклопедии», доктора филологических наук, главного научного сотрудника ИНИОН РАН Александра Николаевича Николюкина.

Вела заседание доктор культурологии, профессор **И. А. Едошина**. Она же его и открыла небольшим сообщением, посвящённым грядущему 100-летию приезда Розанова в Сергиев Посад. Отметив особый дар Розанова видеть в обычном и даже в обыденном сущностные смыслы бытия, соединять древнюю египетскую культуру с культурой современности, Едошина назвала причины, по которым Розанов переехал из Петрограда в Сергиев Посад. По её мысли, в частной судьбе провидца Розанова словно воплотилась будущая история государства Российского.

Далее с докладом «Василий Васильевич Розанов и Николай Николаевич Страхов как современники-единомышленники» выступил кандидат философских наук, доктор экономических наук, профессор кафедры общественных наук **С. Н. Лебедев** (Литературный институт). Опираясь на факты общения Розанова и Страхова, автор сосредоточился на тех общих проблемах, которые, по его мнению, волновали мыслителей. Конечно, Страхов сыграл в жизни Розанова решающую роль: помог с переводом в Петербург, устройством на работу, публикацией первых трудов. И Розанов всегда помнил об этом, но гораздо важнее для самого Розанова были личность и труды Страхова: «В будничной обстановке, среди занятий совершенно обыкновенных и иногда вынужденно вульгарных, он воплощал в себе в чистом и высоком виде главную идею новых веков — идею *познания*, без отнесения ее к той или иной частной сфере и также безо всякой для нее утилитарной подкладки, без узко определённой цели или сколько-нибудь верной надежды впереди»¹. По тем же соображениям сам Розанов, будучи гимназическим учителем, написал философский труд «О понимании», который остался не замеченным современниками и который так много значил для самого автора. При всей близости отношения Розанова и Страхова не были безоблачными, хотя эта сторона общения не ставилась автором доклада в круг его проблематики.

В выступлении «Субъект высказывания в философской прозе В. В. Розанова» кандидата философских наук, доцента кафедры общественных наук **О. В. Зайцевой** (Литературный институт) была обозначена главная, по её мысли, особенность прозы Розанова — ускользающий субъект. Автор решительно отвергла определение Розанова как мыслителя, утверждая, что данное слово вообще не уместно, когда речь идёт о философе. Правда, сразу возникли полемические вопросы. А был ли Розанов чистым философом? И если да,

¹ *Розанов В.В.* Памяти Н. Н. Страхова / Публ. Г. Нефедьева; коммент. И. Едошиной // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия / Гл. ред. И. А. Едошина. Кострома. 2010. № 21. С. 60.

то в какой степени уместно слово «проза»? Автор доклада, продолжающий работу над заявленной проблемой, подчеркнула: привычный инструментарий не годится для постижения специфики розановского письма.

В докладе «В. В. Розанов и Осип Манделъштам» кандидата философских наук, доцента кафедры общественных наук **М. В. Козловой** (Литературный институт) главное внимание было сосредоточено на отношении фигурантов доклада к слову. Именно здесь, по мысли докладчика, Розанов и Манделъштам близки друг другу. Известно, что О. Э. Манделъштам писал о Розанове в статье «О природе слова» (1922), во многом солидаризируясь с ним. При том, что это были разные художники, разные не только по способу восприятия мира (непосредственно, осязательно — Розанов, через сложную систему образов — Манделъштам), но и по художественным средствам (кавычки, курсив, тире, «лист» как новый жанр в прозе — у Розанова; культурные ассоциации, эмблематика — у Манделъштама). В зале возникла идея о необходимости сравнения стихотворения «Летают валькирии, поют смычки...» (1914) О. Э. Манделъштама и «La Divina Comedia» из «Апокалипсиса нашего времени» (1918) В. В. Розанова.

Живой отклик вызвал доклад кандидата филологических наук, доцента кафедры новейшей русской литературы **С. Ф. Дмитренко** (Литературный институт) под названием «В. В. Розанов, В. С. Соловьёв, М. Е. Салтыков-Щедрин». Известно, что у Розанова были сложные отношения с Владимиром Соловьёвым. Как заметил А. П. Козырев, «при сравнении Розанова и Соловьёва бросается в глаза их разность»¹. Автор доклада, обратив внимание на известное сочинение Соловьёва о Розанове — «Порфирий Головлёв о свободе и вере. Заметка» (1892), представил своё видение культурно-исторического контекста, в котором оно появилось. Аналитическое внимание выступающего было направлено на прагматику использования Соловьёвым сложнейшего художественного образа, созданного М. Е. Салтыковым (Щедриным). Цели полемики существенно огрубили хитросплетённый характер, представленный в шедевре «Господа Головлёвы». Докладчик напомнил, что в отличие от рано умершего Соловьёва Розанов, долгое время более чем упрощённо воспринимавший творчество М. Е. Салтыкова, в предсмертных записях каялся в этом своём читательском заблуждении.

Завершив доклад, С. Ф. Дмитренко подарил библиотеке книги, выпущенные издательством Литературного института.

В финале прозвучало выступление **В. П. Троицкого** на обширную тему «Мифология Василия Розанова», постоянно привлекающую исследователей. Мысли В. П. Троицкого о сути розановской мифологии были созвучны идеям и пафосу вступительного слова И. А. Едошиной. Миф Розанова рождается из особого восприятия им окружающего мира.

В. П. Троицкий также подарил библиотеке книги — от Дома А. Ф. Лосева.

Научное собрание и кулуарное общение прошли живо, экспрессивно, обсуждались не только разные стороны жизни и творчества Василия Розанова, но и болевые проблемы русской культуры конца XIX — начала XX века.

*И. А. Едошина
(Кострома)*

¹ Козырев А. П. В. В. Розанов и Вл. С. Соловьёв: диалог в поисках Другого // Козырев А. П. Соловьёв и гностики. М.: Изд. Савин С. А., 2007. С. 299.

**«МЕНЯ БУДУТ ЧИТАТЬ ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ...»
Литературный вечер в честь 125-летия
со дня рождения К. А. Федина**

Представлены выступления участников литературного вечера, посвящённого юбилею К. А. Федина. Литературоведы и деятели культуры обосновывают необходимость нового прочтения произведений Федина, проведения новых изысканий на поле русской советской литературы. Также представлена не опубликованная ранее переписка Федина с Паустовским, архивные материалы о других русских писателях XX века.

Ключевые слова: К. А. Федин, русская литература 1920–1930-х гг., Серапионовы братья, детская литература, письма писателей, А. М. Ремизов, А. Н. Толстой, И. С. Соколов-Микитов, К. Г. Паустовский, Б. А. Пильняк.

История циклична, как утверждал Гегель.

Вот серапионов брат Михаил Слонимский (1897–1972), обращаясь к своей молодости, вспоминает начало двадцатых: «Сумбур в литературе царил неслыханный. Всё должно быть совершенно новым, под откос — старьё с классиками вместе!». Тогдашним литературным манкуртам, которых поминает Слонимский, противостоял его собрат по объединению Константин Федин. «Нашёлся человек, который, как бурлак, тянет и тянет груз, именуемый культурным наследством, — уважительно характеризовал Федина мемуарист. — Его язвят, над ним издеваются, а он тянет с упорством». Не мог сдержатъ восхищения талантом товарища и юный серапион Лев Лунц, за сорок лет до воспоминаний Слонимского признавая:

«Лучше всех нас пишет Федин. Его традиция — истинно русская, благородная традиция Толстого-Чехова-Бунина. <...> Он пишет простым, честным языком, забытым и презираемым. Простой язык самый трудный сейчас. Но он — лучший. Чистейший. Федин — осколок настоящей прекрасной русской литературы» [2, 365].

У каждого из серапионов было своё прозвище. Константина Федина величали «братом-ключарём» — может, именно за то, что надёжно и крепко

---

* Елена Максимовна Трубилова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы РАН имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); info@imli.ru

держал он в своих руках ключи от гуманистических традиций классической русской литературы. Однако — пришли иные времена, взошли иные имена. В конце минувшего века открылись задраенные многие десятилетия шлюзы, в отечественную литературу был пропущен поток писателей из числа изгнанников, а также *инакомыслящих*, которым коммунистической цензурой долгие годы отказывалось в праве на существование. И «запрещённые» писатели на какое-то время затмили советских, «легальных» и оттого немного наскучивших. Мог ли предположить Слонимский в 1960-х, когда писал цитируемые выше мемуары, что пройдёт всего несколько десятилетий — и Федина, признанного классика, крупного общественного деятеля, высокопоставленного чиновника, вновь будут «язвить», а позже и вовсе пытаться аннигилировать наряду с другими знаковыми фигурами советской литературы? Увы, не один Федин — многие советские писатели, достойные читательской славы и вкусившие её при жизни, в одночасье переместились тогда в разряд забытых имён. Но, как говорится, время собирать камни, возвращать утериваемое. И нет худа без добра — возвращение этих имён на литературную авансцену в современных условиях, свободных от идеологических установок, в которых они были представлены застёгнутыми на все пуговицы, смогут приблизить к нам эти противоречивые фигуры, показать живыми, страдающими, страстными, ошибающимися — обычными людьми. «Обычными» — не в принижающем смысле, из часто цитируемого письма Пушкина к Вяземскому («Толпа жаждет видеть умаление великого, хочет видеть героя верхом на судне. Дескать, он мал, он низок — как мы»). Нет, не «умаления великого» жаждет пылкий сегодняшний читатель, а раскрытия, хотя бы приоткрытия, творческой тайны, психологической реконструкции эпохи.

Именно такому читателю адресована книга «Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века» (М.: ИМЛИ РАН, 2016). Составленный из переписки Федина с его именитыми современниками, которая велась в наиболее сложный период XX века, этот уникальный труд впервые в прежде немислимой полноте откроет читателю яркую, многогранную, совестливую и мятущуюся, беспощадную к себе личность художника. Неслучайно том, презентация которого состоялась на юбилейном вечере писателя 27 февраля 2017 года, практически сразу стал библиографической редкостью.

Тот вечер в Малом зале Центрального дома литераторов в Москве был посвящён писателю, без преувеличения составившему славу русской литературы XX века, блистательному рассказчику, автору первых в нашей литературе романов об интеллигенции в революции («Города и годы», «Братья»), создателю лучшей книги о литературной эпохе первого советского десятилетия («Горький среди нас»), профессору Литературного института, среди воспитанников которого был Юрий Трифонов, его любимый ученик. Это был 125-летний юбилей писателя, однажды обмолвившегося в письме дочери-наперснице: «Меня будут читать через много лет, когда серьёзно захотят увидеть, что было в наше время».

Соблазнительно было бы начать рассказ о юбилейном вечере Федина с одного из первых вариантов названия его романа «Города и годы» — «*Позади нас*». Дескать, «будущее литературы — это её прошлое» (Е. Замятин). Однако до отказа забитый слушателями зал Дома литераторов, не поредевший и после трёх часов неформального, живого общения, словно напоминал, что

у знаменитого фединского романа был и другой вариант названия — *«Ещё ничего не кончилось»*. Так были озаглавлены фрагменты, опубликованные в 1922 году в сменовеховском журнале «Россия». Собственно, эта знаковая фраза стала своеобразным камертоном посвящённого писателю вечера.

Как подчеркнула в своём вступительном слове его ведущая — член-корреспондент РАН, заведующая отделом новейшей русской литературы ИМЛИ РАН **Наталья Васильевна Корниенко**: «С колоссальным наследием Федина *ещё ничего не кончилось»*. Гости вечера рассказывали о своём открытии писателя, называли — практически не повторяясь (кроме единодушно признанного безусловным шедевром романа «Города и годы»), — свои заветные произведения у Федина: «Братья», «Старик», «Горький среди нас», «Наровчатские хроники», «Мальчик из Семлёва», «Сазаны». Федин действительно — у каждого *свой*. Ещё одним лейтмотивом вечера было повторяющееся во многих выступлениях применительно к юбиляру слово «правда»: Федин — писатель, «взыскующий правды».

Рядом с ведущей вечера сидел человек, невероятно похожий на юбиляра, только с бородой — Константин Александрович Роговин, внук писателя. Те же особенные фединские ясные глаза на пол-лица выделяли в зрительном зале внучку Федина Варвару Александровну Фомину и правнуков Ивана и Илью Роговиных. Илья, профессиональный и потомственный актёр, с чудесной молодой экспрессией прочитал отрывок из автобиографической повести Федина «Я был актёром». Казалось, в зале зазвучал голос самого писателя — настолько правнук походил на юного Константина Федина времён его пребывания в Германии.

На протяжении всего вечера на экране сменялись редкие фотографии из архива саратовского музея Федина, иллюстрируя рассказы выступающих, добавляя красок, воспроизводя эпоху. Особенно трогательным было соединение фотографии маленького Кости Федина со скрипкой, на фоне которой студенты-скрипачи из московской Консерватории исполнили несколько любимых Фединым мелодий.

Не раз с благодарным восхищением поминали собравшиеся Нину Константиновну Федину, дочь писателя, которая заложила основы саратовского Музея, передав безвозмездно из личного архива семьи десятки тысяч раритетных экспонатов, человека, который, как выразилась Н. В. Корниенко, «должен быть удостоен Государственной премии России — если мы воспитаны в русской культуре и хоть чуть-чуть достойны русской культуры».

Чтобы ощутить тёплую, душевную атмосферу этого литературного праздника, послушаем голоса присутствующих на нём учёных, писателей, преподавателей Литературного института, музейных работников и архивистов, родных Федина и внуков его ближайших друзей Соколова-Микитова, Всеволода Иванова, Бориса Пильняка.

С рассказа о филигранной работе Федина над словом начала своё выступление **Н. В. Корниенко**, упомянув, какое множество вариантов названия своего знаменитого романа перебрал писатель в поисках единственного точного:

«Боже мой, вот она, русская литература! Она в ёмкости образа, фантастичности образа, который нас поражает и выводит нас к какому-то другому ощущению жизни, нашей культуры и нашей истории. Дольше всего у писателя

продержалось лаконичное название “Семь лет” (роман охватывает семь лет: от Первой мировой войны до 1920 года). Потом было название “Позади нас” (позади нас — всегда история). Фантастическое название “Упавшее небо” сменяет совсем простое — “Провинциальный роман”. Потом было название, которое Федину очень нравилось, — “Бурелом”. (Наша история — это бурелом, в котором мы находимся, копошимся, пытаемся познать её; в 1957 году писатель-эмигрант Александр Буров выпустил в Париже трёхтомный “роман-летопись поколений последних императоров” “Бурелом”.) Следующее название — “Побеждённые” (роман с таким названием появился у Ирины Головкиной, внучки композитора Н. А. Римского-Корсакова). Потом были названия “Медленный огонь”, затем “Города”, “Сорванный мост” (мост, по которому можно из дореволюционной жизни перейти в новую, революционную реальность). В 1923 году возникает окончательное название — “Города и годы” [1, 3–44]. Этот роман входит в золотой фонд классики русской литературы.

Федин — писатель с фантастической биографией. Его современники — люди, которые пришли в литературу из революции и с фронтов Гражданской войны, — это люди с биографией. Без этой биографии у нас не было бы ни романа “Города и годы”, ни “Тихого Дона”, ни “Чевенгура”, не было бы у нас и “Белой гвардии”. Это люди, которые историю изучали не по книжкам, она прошла через их жизнь, через их сердце.

В нынешнем газетном мусоре любят повторять: “Федин — писатель-коммунист”, “Федин всю жизнь ото всех скрывал, что он был в партии, а в 1921 году вышел из неё”. Ничего он не скрывал — в опубликованной ещё в 1922 году автобиографии он расскажет, как он в партию вступил, как он из неё вышел. И вот здесь есть совершенно потрясающее собственное его определение — что такое была *его революция*. До этого был плен, потом бегство из плена, то есть возвращение в Россию в 1918 году с толпой хромых, безруких, чахоточных и умиравших, которые звались солдатами российской армии. Потом была голодная Москва. Потом Сызрань. “И здесь протекала моя революция. Я говорил речи (ни раньше, ни теперь я не сказал бы и двух слов) в Пролеткульте, с балкона, в исполкоме, в театрах, на площадях, по-русски, по-немецки. Усольским мужикам — о мировой революции, мадьярам и немцам — о принципах трудовой школы, сызранским мукомолам — о спартаковцах и Бела Куна, школьникам — о Советской Баварии и многих других прекрасных вещах. Я основал журнал и из кожи лез, чтобы в нём писали репьевские, паньшинские, соловчихинские мужики о мировой революции. Я редактировал газету, был лектором, учителем, метранпажем, секретарём городского исполкома, агитатором”. Потом Петербург. Здесь вторая схватка с голодом. Здесь отдельная Башкирская кавалерийская дивизия. Канцелярия, митинги, армейская газета, редакция, встречи. “Моя революция, кажется, прошла. Я вышел из партии, у меня тяжёлая полка с книгами, я пишу” [3, 27–28]. И мы понимаем, что, не будь этой биографии, не было бы романа “Города и годы”, не было бы “Братьев”. Автобиография написана весело — они были молоды, они так на себя смотрели. Но, конечно, роман “Города и годы” вырастает из колоссальной связи с реальностью. И, как Федин напишет в набросках к роману, это “книга о войне, любви, революции и бандитах”. Потом слово “бандитах” он вычеркнет, но бандиты в романе останутся, никуда не исчезнут — какая же гражданская война без бандитов! И это тоже правда.

Как великой правдой является то чёрное солнце, которое появляется в финале романа “Города и годы”, где на пустыре остаётся с мольбой — то ли к небу, то ли к нам с вами — с мольбой “Помогите!” — Андрей Старцов. И это чёрное небо встретится нам в ещё одном великом романе, завершив ещё одну книгу “о любви, о революции, о бандитах”, — в романе “Тихий Дон”. И вот в этом, наверное, познание истории. Давайте же поделимся сегодня друг с другом нашими размышлениями о Федине, о нас и о том, что нам ещё предстоит. А открыть этот вечер я предлагаю родине Федина, которую он любил, куда завещал передать свой архив и библиотеку. В отличие от Москвы, Саратов достойно выполнил культурную миссию, которая положена нам, детям двадцатого века, — они создали единственную в нашей стране экспозицию “Дом русской литературы XX века”. И это удивительно точное название, потому что дом — это там, где сберегается человек. Саратовский музей — это дом, где сберегается русская культура. Я с большой радостью предоставляю слово директору Музея Константина Федина Наталии Юрьевне Щелкановой».

Н. Ю. Щелканова:

«Мне необыкновенно приятно быть сегодня здесь, на этом вечере, воочию убедиться в том, что Константин Александрович Федин — не только наш, не только саратовский. Хотя я глубоко убеждена в том, что всё-таки хорошо, когда у большого писателя есть малая родина. Как замечательно, что есть город, большой город на Волге, в котором он родился, в котором стараются сохранять память о своём выдающемся земляке. В историческом центре города Саратова, буквально в двух шагах от набережной красавицы-Волги, есть площадь, которая носит имя Константина Федина. На этой площади установлен памятник писателю работы скульптора Кибальникова. Этот памятник запечатлел Константина Александровича в задумчивой позе: взгляд его устремлён на великую русскую реку, которую Федин очень любил. “Волга — моя родина, — говорил он. — Каждое новое свидание с ней волнует меня, точно, ступив на её берега, я попадаю в отчий дом”. В нескольких десятках метров чуть выше по улице Октябрьской находится Государственный музей Константина Александровича Федина, который вместе с памятником образует единый музейный ансамбль. Решение Совета министров СССР о создании музея народного писателя было принято в 1979 году. Уже через два года он открылся — в июне 1981 года. Музей открылся в здании Сретенского начального мужского училища, в которое в 1899 году маленький светловосый мальчик Костя Федин пришёл “грамоту изучать”, как говорил он сам впоследствии. Вот в этом здании располагалось училище, которое и окончил Константин Александрович. Но это здание дорого ещё и тем, что здесь, при училище — как было заведено в XIX веке — жили учителя. Так, в этом здании жил родственник по линии матери Семён Иванович Машков. Семья Машковых была очень близка к семье Фединых. В этой семье воспитывалась до замужества мама будущего писателя, здесь, в этом здании, Константин Александрович помнит себя с 3–4-летнего возраста. Неслучайно это здание запечатлено в романе “Первые радости” и в очерке “Встречи с прошлым”.

Основой музейной коллекции стал богатейший архив писателя, который в дар музею передала его единственная дочь Нина Константиновна, и это её решение было поддержано её детьми, внуками писателя, Константином

Александровичем и Варварой Александровной, за что мы бесконечно им благодарны. Первая экспозиция рассказывала о жизни и творчестве Константина Александровича Федина, и просуществовала она десять лет. В 1990-е годы в силу разных причин было принято решение о расформировании экспозиции и создании новой. В 2007 году торжественно открылась новая экспозиция, она называется “Дом русской литературы XX века”. Вообще, я свою задачу вижу в том, чтобы немножко о музее рассказать, хотя понимаю, что это совершенно неблагоприятное занятие. О музее нужно не рассказывать, в него нужно приходить и видеть всё своими глазами. Но, может быть, получив общее представление о музее, очень беглое и очень общее, кто-то захочет приехать в Саратов. Мы будем бесконечно рады видеть вас у нас в гостях.

Материалы богатейшего архива, которые передала нам семья, потомки Константина Александровича, позволили сделать совершенно уникальную вещь — построить экспозицию таким образом, чтобы она рассказывала не только о творчестве Константина Федина, но и обо всём процессе развития литературы XX века. И личность, фигура Федина показана в общелитературном, я бы даже сказала, общекультурном контексте. Из зала в зал перед нами действительно проходят “города и годы” Константина Федина в историческом контексте. Этому способствует и анфиладное расположение залов. Внутренний периметр экспозиции посвящён биографии и творчеству Константина Александровича, по внешнему периметру мы наблюдаем исторические и литературные процессы в нашей стране. Первый зал традиционно носит условное название “Родословная” и посвящён детским и юношеским годам писателя, проведённым в Саратове. Мемориальные вещи, уникальные документы, в том числе выписка из метрической книги о рождении, редкие семейные фотографии рассказывают о начале жизненного пути будущего писателя. А по внешнему периметру представлены материалы литературы XIX века, поскольку Федин как писатель формировался на лучших произведениях русской классики. Я не буду перечислять, какими раритетами мы обладаем благодаря семье, достаточно сказать, что у нас есть автографы Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Некрасова — этот перечень можно долго продолжать.

Второй зал называется “Годы странствий Константина Федина”. В 1908 году он уезжает из Саратова, посещает его только наездами, но никогда не забывает. Он переезжает в Козлов, затем в Москву, наконец, в Германию, где он вынужденно провёл почти четыре года. Целый зал посвящён этому периоду в жизни Федина, потому что он был чрезвычайно важным в биографии, даже, наверное, решающим в формировании мировоззрения. Представьте, юный человек двадцати двух лет оторван от своей семьи, от близких, у него нет никакой связи с родными — это, конечно, безумно тяжело. У него нет денег, ему надо как-то прожить. Но в то же время это уникальная для него возможность соприкоснуться с европейской культурой вживую. Он в совершенстве овладел немецким языком, он читал в подлиннике немецких классиков. По внешнему периметру представлены все самые яркие течения Серебряного века. Автографы Блока, редкие фотографии Блока, Пастернака, Ахматовой, ярчайшая живопись, графика художников этого времени представлена в этом зале.

Третий зал — 1920-е годы, это расцвет творчества Федина, это история романов “Города и годы”, “Братья”, которые мгновенно узнала вся Европа, которые уже в 20-е годы были переведены на многие европейские языки, это Серапионовы братья. Следующий зал посвящён трагическому периоду в истории нашей страны, это Великий перелом, и для Константина Александровича этот перелом был связан и со многими личными переживаниями, обо всём этом рассказывается в четвёртом зале. Пятый представляет литературу 1950–1980-х годов, все яркие знаковые литературные явления этого периода, в которых Константин Александрович уже участвует не только как писатель, но и как общественный деятель. Вначале он возглавил Московский союз писателей, затем Союз писателей СССР, вёл очень большую общественную работу. Зал рассказывает о его работе в Литинституте, в Академии наук. И, несмотря на свою гигантскую занятость, Федин не забывает Саратов. Он постоянно поддерживает связь с саратовскими писателями, неоднократно приезжает в наш город. Последний, шестой зал экспозиции мы называем “Кабинет писателя”. Здесь воссоздана гостиная дачи в Переделкине и, что самое ценное, кабинет писателя. Представлены книги, многие с автографами, с дарственными надписями. Рабочий стол писателя, на котором все личные его вещи. Любимое кресло, любимый плед, любимая трость, календарь, открытый на последнем дне жизни Константина Александровича. Как вы видите, не только архив писателя, но даже мебель и очень многие личные вещи передали нам наследники, и мы счастливы видеть их всегда в нашем городе. Последние несколько лет по понятным причинам не приезжает Нина Константиновна, но Константина Александровича и Варвару Александровну мы ежегодно встречаем на наших Фединских чтениях. Это добрая традиция нашего музея, Фединские чтения уже стали своеобразным культурным брендом Саратова, на них собираются не только музейные сотрудники, но и ведущие учёные страны. Свою задачу сейчас мы видим в том, чтобы, популяризируя творческое наследие писателя, все-таки самим осмыслить его значение, его роль в литературном процессе и способствовать формированию объективного взгляда посетителя на события, на факты прежде всего на источник, на архивный документ, на музейный предмет».

Ирина Эриковна Кабанова, заместитель директора Музея Федина по науке, составитель книг «Свела нас Россия: Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974», «Константин Федин и его современники»:

«Судьба свела нас с Натальей Васильевной Корниенко — человеком, без которого наши музейные коллекции не имели бы возможности такой блистательной научной публикации. Самое же главное — наконец теперь все они были собраны воедино, а не разодраны, как прежде, на кусочки различными исследователями. Благодаря Наталье Васильевне возникла мысль публикации различных пластов эпистолярия, писем, которые частично хранятся в нашем музее, частично не только в нашей стране, но и за рубежом. И свести их вместе, дать вот эту живую жизнь писателям — это так безумно интересно, это такой благодарный материал! Мы работали над ним, наверно, в течение шести лет. И вот перед вами первая книга. На подходе вторая... И я думаю, что вот такого рода труды дают возможность отказаться от тех мифов, иллюзий,

легенд, часто недобрых, которые вокруг писателей складываются, и дают нам реальную картину их жизни и творчества. Первый герой нашей книги — это Фёдор Сологуб. Сотрудник Пушкинского Дома Татьяна Алексеевна Кукушкина подготовила замечательную взаимную переписку писателей. Это такая объёмная любопытная публикация. А дальше идут совсем небольшие публикации, всего по два-три письма. Пишет Анна Андреевна Ахматова Константину Александровичу, но из этого вырастает целая удивительная история их отношений. Эту публикацию подготовила сотрудник нашего музея Лариса Юрьевна Коновалова. Здесь и чудесные редчайшие фотографии, которые Ахматова дарила Федину с дарственными надписями на обороте. Небольшие записочки, которые надо было сначала атрибутировать, а потом воссоздать картину отношений. Михаил Кузмин — одно письмо, но целая страница русской истории открывается. Ходасевича одно письмо — и тоже целая страница открывается в статьях, которые предваряют публикации. Затем идёт Евгений Замятин. Это совершенно фантастическая история, как говорят все, кто держал нашу книгу в руках. Лариса Юрьевна Коновалова соединила эти письма, дала блистательную сопроводительную статью и подробнейший комментарий. И что очень важно — мы привлекали не только письма. Мы поднимали автографы, они входят в ткань этого рассказа о писателях. И самое главное — открыли дневники Федина наконец в той мере, в какой позволяет эта публикация. Потому что, конечно, отдельно надо публиковать дневники Федина — удивительный документ эпохи. Но всё, что можно было извлечь по поводу этих отношений, мы взяли.

Не только с писателями был дружен Федин, но и с критиками. Вот, например, переписка с Александром Воронским, где Федин предстаёт не как писатель, а как человек, который отстаивает интересы и свои литературные, и близких ему серапионовых братьев. Вячеслав Шишков — ещё один “мой” герой, помимо Воронского, переписку которых я подготовила. Один из самых душевных и близких друзей, так же как Соколов-Микитов. Затем совершенно неожиданная — даже для нас — взаимная переписка с Всеволодом Ивановым. И переписка с Владимиром Лидиным — писателем полузабытым сейчас, чрезвычайно интересным, открывающимся глубоко, неожиданно, так же как и Константин Федин, в этих письмах. Письма Зощенко Федину более-менее известны, они по разным журналам были разбросаны. А нашлись в Пушкинском Доме ответные письма Константина Федина, и наконец эта переписка опубликована полностью. Удивительная история преданной эпохой дружбы была воссоздана. Завершает книгу переписка Константина Александровича Федина с Корнеем Ивановичем Чуковским — тоже очень объёмная, чрезвычайно глубокая и интересная. В каждом из этих циклов переписок Федин предстаёт не только как человек огромных разносторонних литературных интересов, не только как человек, как он сам говорил, “отравленный литературой” (литература — это его главная страсть в жизни, несомненно), но как человек, искренно умевший дружить, умевший помогать своим друзьям в самые тяжёлые минуты жизни, о чём, может быть, в силу своих личностных качеств он никогда не говорил громко, вслух. Вот чего в нём никогда не было, так это самопиара. Это удивительное для нас сейчас качество, в него трудно поверить нашим современным писателям. Но это действительно было так.

И в продолжение мысли Натальи Васильевны хочу сказать, что, конечно, открытие Федина нам предстоит — и Федина-писателя, и Федина — общественного деятеля, который отстаивал действительно интересы литературы. Это было главное для него в двадцатые годы, когда он был с серапионами. Совершенно неизвестная история — его издательская деятельность, в Издательстве писателей в Ленинграде. Что он сделал там, это фантастика, уверяю вас. Он вывел в свет такие произведения мощнейшие, притом самых разных направлений, далеко не близких ему часто, которые, может быть, никто, кроме него, опубликовать не мог. Затем эта история с Союзом писателей, несомненно. И здесь его роль тоже предстоит изучить очень внимательно, тщательно и честно. В заключение скажу: мы, музейщики, счастливы, что работаем с таким немислимым архивом, который достался нам, саратовцам, благодаря наследникам Константина Александровича. Мы безумно рады, что сумели благодаря Институту мировой литературы опубликовать частично сейчас этот бесценный пласт культуры. Так счастливо думать, что был такой человек, полностью посвятивший себя литературе. В 1942-м, в дневнике он написал: “Главная цель писателя — говорить правду. И быть писателем — это быть с тоской о правде”. Может быть, в значительной степени утерянное качество. И ещё одно утерянное качество, о котором я хочу вам сказать. Меня в своё время, когда я читала дневники Федина, поразила удивительная вещь. Он часто пишет: “Мне стыдно”. И он пишет это не по отношению к соседям по литературе. Он пишет это о себе. Ему стыдно перед лицом русской классики. Ему стыдно перед лицом Александра Блока... И мне кажется, что если мы не будем изучать эту настоящую литературу, нам тоже может быть стыдно. Но я надеюсь, что мы сделаем всё, чтобы нам действительно не было стыдно».

Елена Дмитриевна Михайлова, сотрудник Государственного литературного музея:

«Поскольку меня представили как человека, который тоже занимается историей литературы, скажу, что Государственный музей Федина в Саратове — это одно из самых-самых серьёзных наших научных музейных учреждений. Я рада, что у Федина есть такое продолжение. Потому что жизнь музея — это жизнь писателя. И это жизнь не только этого писателя, но всего того окружения, которое было рядом с ним все эти “города и годы”. И это, конечно, большое счастье. Мне хочется сказать несколько слов о том, как музей начинался. Он начинался буквально с нуля. Нина Константиновна героически передала нам большую часть мемориальной коллекции. И естественно, что та часть, которая была передана, поставила перед нами задачу сделать музей мемориального типа вместе с историко-литературной экспозицией. Потому что тогда материалы давали возможность сделать только такой музей. И создан музей, в котором была большая мемориальная часть, посвящённая годам учения Федина, воссоздавалась — естественно, это была научная реконструкция — квартира учителя его любимого. Мы были в очень сложных условиях. Два года подготовки. Когда начался собственно монтаж, была 35-градусная жара, в здании, извините, ещё не было туалета. Мы уходили в полночь из здания музея и думали о том, как сохранятся экспонаты, потому что входные двери не были подвешены. И когда музей открывался и приехала Наталья

Владимировна Шахалова, директор Литературного музея, был ещё один такой интимный момент. Представьте себе — саратовская жара, а она приехала из прохладной Москвы в кримплене (был такой материал, очень тяжёлый для жаркой погоды). Вместе с представителями министерства культуры они пошли на рынок, и единственное, что смогли там купить, — это ситцевый халатик на пуговках. И вот в этом халатике Наталья Владимировна произносила речь на открытии музея. Это деталь, но деталь той жизни, которая была для меня, например, и для всех, кто это делал, очень счастливой. Саратовский музей открывался в то время, когда вообще был бум литературных музеев. Это была, казалось бы, эпоха застоя, начало 80-х годов, но музеи вырастали, как грибы. И я думаю, что первым таким серьёзным событием тех лет было именно открытие музея Федина. В эти же годы открывался и музей Фадеева в Чугуевке, и музей Блока в Петербурге, и многое другое. Но музей фединский был исключителен тем, что благодаря семье, которая продолжала дружить с музеем и передавать и передавать архивы, он рос внутренне. И абсолютно закономерно превратился в такой центр, где рассказывается о литературе огромной эпохи. Я преклоняюсь перед его коллективом, который постепенно вырос не только в хороших музейщиков. Они выросли в большой научный коллектив. Саратовский музей Федина — это один из тех музеев, которым можно гордиться, потому что он в себе действительно несёт всё: и литературу, и просвещение, и педагогическую работу, и воспитательную работу с самыми разными поколениями, потому что литература — то самое важное в нашей жизни, что воспитывает человека. Кроме того, это действительно очень серьёзное научное учреждение. Их научные конференции — чему бы они ни были посвящены: творчеству Федина, каким-то проблемам литературы или чисто музейным проблемам — это всегда очень высокий уровень. И я рада тому, что у нас в России есть такой музей, и тому, что Федин дал нам возможность продолжить его жизнь жизнью этого музея».

Александр Сергеевич Соколов, ректор московской консерватории, внук Ивана Сергеевича Соколова-Микитова:

«Мне очень приятно провести этот вечер именно здесь, рядом с людьми, с которыми мы уже давным-давно не просто знакомы, а, можно сказать, унаследовали великую полувековую дружбу. Я имею в виду Константина Александровича — Костю и Варвару Александровну — Варю. Тут уже мелькали фотографии, в которых нас трудно узнать, поскольку мы очень непохожи на нас сегодняшних. Это действительно то наследие семейной дружбы, которое продолжилось теперь уже и в следующих поколениях, в детях Вари и Кости. Сегодня я хотел бы очень коротко остановиться на одном — на эпистолярии — этой какой-то совершенно особой, сокровенной грани творчества. Действительно, помимо художественного творчества, которое остаётся на первом плане, существует не менее ценное — то, что содержится в письмах. Неслучайно сегодня многим выступающим хотелось зачитывать здесь письма. Вон тот томик, что стоит на второй полке, с которого, собственно, музей Федина начал подвижническую работу по подготовке очень непростого материала — “Свела нас Россия: Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974” — это тот самый полувековой след очень близкого общения Соколова-Микитова и Федина. Это было взаимное

обогащение, которое в каком-то смысле не имеет аналогов. Если посмотреть на фотографию на обложке, она очень странная. Федин, как денди такой лондонский, в шляпе, в костюме. А рядом с ним — в тулупе овчинном, совершенно какой-то явно выпадающий из этого контекста Соколов-Микитов. А что стоит за этой фотографией? Удивительный замысел, замысел, который не был реализован, но который тоже есть история литературы, потому что именно в это время их пути разошлись и в то же время сблизились: Соколов-Микитов уехал в свою родную деревню, в Кочаны, а Федин остался в столице. И приезжал к другу в Кочаны и, можно сказать, обрёл очень много в этом новом соприкосновении с той Россией, которую, конечно, иначе бы никогда и не узнал. И тогда из этих писем, для той поры — а это 20–30-е годы — совершенно удивительно смелых и откровенных, возникло фактически такое двуединство России, России городской и деревенской. И вот постепенно у Федина и Соколова-Микитова возникла эта идея — создать сочинение в эпистолярном жанре, они даже придумали его название — “Петроград — Кочаны”. То, что эта задумка не была реализована, это уже вопрос, так сказать, не литературы, а истории, социологии и политики. Тем не менее именно в этом томике собраны эти удивительные письма, которые читать не просто интересно — это откровения, которые могли появиться именно на таком уровне литературного мастерства, а главное, на таком уровне человеческого доверия. Саратовский музей — это исток, исток фединского и творчества, и жизни, волжский исток, в нём вполне могло быть и волжское устье. Поскольку, когда сгорела дача в Переделкине, семья Федина довольно живо обсуждала перспективу построиться на Волге, только уже не на саратовском побережье, а на тверском, где как раз жил Соколов-Микитов и где собственно наше это общение с Варей и Костей началось. К сожалению, семейный совет Фединых не пришёл тогда к решению построиться там, все-таки Переделкино перетянуло, но именно на Волге очень многое происходило в дальнейшем сближении Соколова-Микитова и Федина. Очень скоро у нас будет ещё один повод для встречи, потому что они абсолютные ровесники — в мае будет 125 лет Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову. Так совпало, что я сегодня получил по почте подтверждение, что теперь дом-музей Соколова-Микитова стал объектом культуры регионального уровня, и туда, естественно, сейчас будет очень много возможностей приехать посмотреть. Там всё цело, живо, там есть фотографии Константина Александровича, там есть всё, что осталось в памяти у нас, и поэтому заранее привлекаю ваше внимание и приглашаю. Ну а я в ту пору был тоже причастен к эпистолярному, потому что каждое утро на велосипеде ехал из избушки лесной в дом отдыха, где жил Федин, вёз письмо. Потом ждал, пока будет написан ответ, получал конфету и ехал обратно. Я был очень заинтересован в активизации этой переписки. И естественно, это тоже в какой-то степени отражено в этом томике, что мне, конечно, очень лестно и приятно. Ну а поскольку вы уже могли заметить, что здесь мелькала фотография, где молодой Костя Федин играет на скрипке, а также сегодня здесь уже была прочитана замечательная его проза, связанная с музыкой, естественно, я пришёл не с пустыми руками. Поэтому наше дружеское соседство, ЦДЛ и московской Консерватории, получит сегодня своё очередное подтверждение».

Последовало выступление лауреата международных конкурсов, студентки Московской консерватории Дианы Кафаровой (аккомпаниатор — Иван Кашцев).

Елена Иосифовна Погорельская, ведущий научный сотрудник Государственного Литературного музея:

«В сравнении с саратовским музеем у нас в отделе рукописных фондов Государственного литературного музея фонд Фебина по объёму очень скромный, всего 34 единицы хранения (фонд № 195). Этот фонд составлен из разных поступлений, в 60–70-е годы материалы передавали сам Константин Александрович Фебин и Нина Константиновна Фебина. Не так давно, по-моему, в 2014 году он пополнился фебинскими материалами, которые пришли в составе фонда Паустовского, по линии его второй жены Валерии Владимировны Навашиной. Речь идёт о пятнадцати письмах Фебина Паустовскому и двух шуточных рисуночках Фебина на таких маленьких карточках формата визитки, «Коста» и «Валя». Эти пятнадцать писем по большей части отправлены из Переделкина, небольшие такие записки. Одна открытка отправлена из Берлина в декабре 1945 года, одна — в 1946-м из Нюрнберга, два последних письма из Сухуми. Письма Фебина охватывают период в семь лет, с ноября 1941-го по ноябрь 1948 года. В том же фонде одно письмо Паустовского Федину 1949 года. Среди корреспондентов Паустовского в составе этой коллекции такие выдающиеся люди, как Аркадий Гайдар, Семён Гехт, Нина Николаевна Грин, Владимир Ермилов (не такой выдающийся, конечно), Борис Лавренёв, Николай Никитин (“Ритор”), Максим Рыльский, Иван Соколов-Микитов, Александр Таиров, Рувим Фраерман. Но, пожалуй, самые интересные и содержательные и стилистически блестящие письма принадлежат Константину Федину. Они и одногодки — в мае мы будем отмечать 125 лет Паустовскому — и тёзки. Вначале были на “вы”, по имени-отчеству, а когда перешли на “ты”, то соответственно Фебин стал обращаться к Паустовскому “Коста”, поскольку Паустовский очень часто так подписывал свои письма к близким людям. Паустовский в свою очередь называл его “Костя”, а Фебин всегда подписывался “Ваш” или “твой Конст.” или “твой Конст. Фебин”. Я выбрала из писем, которые были отправлены из Чистополя, из эвакуации, числом третье, постараюсь его прочитать, оно не самое маленькое. Я не могу сделать какие-то купюры, потому что, вы сейчас убедитесь, в этом письме есть все: есть и лирика, есть и юмор, есть и драма войны, есть и трудности жизни в эвакуации, есть и семья, есть и дружба. Ну, судите сами.

Чистополь, 14 мая 1942 года. Текст будет воспроизведён впервые.

“Дорогой Константин Георгиевич! Был день, когда мы, все трое, получили от всех вас троих по письму. Эта милая, сердечная и обдуманная атака растрогала нас, и расчёт был точный. Мы начали с того дня дебатировать возможный переезд из Чистополя. Куда? Не знаем. Я назвал бы этот период со дня получения ваших писем «среднеазиатской сессией». Но трудно назвать как-нибудь тот смутный разброс чувств и желаний в соединении с фактами окружающей нас действительности, какие наполняют наше бытие последних недель. Скажем, с ледохода. Как гудят пароходы, прощаясь с затоном, если бы вы слышали! Дора Сергеевна плакала горячими слезами целых две недели. Гудки разрывали её сердце напополам. Весь город, город беженцев, был охвачен безумием отъездов, переездов, бегств, командировок, вызовов, расставаний,

отлётов и пеших уходов в неизвестность. В этом бреде мы ложимся спать, с этой манией пробуждаемся. Но дело не только в гудках. В разливе, которому нет предела, мы живём как на венецианской лагуне, в лихорадке весны. И не только баржи, пристани, дощаники и тархатящие катеры рыбзавода мутят наш рассудок. Увы, есть факты погуще и потрезвее. Их скучновато перечислять: деньги, питание — сто тысяч мелочей, слагающих жизнь и обуславливающих успех даже подённой работы. А если работа чуть повыше подённости, как тогда? Может ли она, впрочем, быть повыше? И в мирное время дилемма «искусство–заработок» казалась пошловатой, а в войну — тем паче. Но она-то и движет нашей профессией. Рассуждения эти могли бы быть заменены простой жалобой на зарплату о рубле, но примешивается всё-таки к рублю робкая тень искусства. И вот, пожалуйста, — с конца февраля я пишу пьесу! Да-да, современную четырёхактную большую пьесу! И скоро надеюсь кончить, потому что обретаюсь уже в дебрях развязки, в четвёртом акте. Крёстным отцом пьесы — как все крёстные, неожиданно — был Борис Пастернак. Он уговорил меня заключить договор с Управлением по делам искусств РСФСР и сам тоже подписал. Как видно, чтобы впрыснуть мне куража. Давнишние мои намерения написать пьесу ожили, и я стал работать с необыкновенным увлечением, как давно не писал вообще. Но теперь, к четвёртому акту, возросли сомнения, и я слегка повял. Вы знаете, что в конце пьесы надо быть больше драматургом, чем в начале. Требуется смелость, наглость, пошлость, вообще качества театральные, отсутствующие у нас, у серой скотинки возвышенной, благородной и тончайшей прозы. И ох, как трудно заставить героев — выходцев из прозаического воображения — ходить по сцене с пистолетом, целоваться, кричать и топтать ногами. Но, так или иначе, это придётся сделать. Ибо договор есть договор. Меня вызвал МХАТ (пришло письмо от Хмельёва и Виленкина в Саратов) читать пьесу. Я не обольщаюсь. Помните наши разговоры о театре в Переделкине? Но всё-таки МХАТу пьеса может показаться приемлемой, и в этом случае я буду канителиться с ними года два, пока они не засунут мою рукопись за декорационный задник. Посему я решил ответить на призыв согласием и в начале июня ехать в Саратов. Это обстоятельство острейшим образом выдвинуло на очередь сессии вопрос о Нине. Она потеряла семестр в своём ГИТИСе, однако ей обещано, что если она явится в институт ко второму семестру, то год не пропадёт. Сейчас — начало второго семестра, институт — в Саратове, я еду туда. Рассудите, Константин Георгиевич, как поступить? Я не колебался бы, если бы в Саратове не было голода. Но что ожидает Нину в такой момент? В одиночестве или даже в семье, если мы тоже переедем туда, когда ей придётся работать вдвойне, чтобы догнать курс, а есть не более подопытного кролика. Вот тут-то и погадай. Нина тянет в Саратов, я консервативнейше стою за Чистополь, Дора Сергеевна просто плачет на пароходы независимо от того, куда они идут. Мне кажется, что лето решит за нас, что делать. План же мой пока таков: я еду в первых числах июня в Саратов, вероятно, с Ниной. Она присматривается, возможно ли устроиться жить в Саратове, я еду на короткое время в Москву, устроить денежные дела, сдать пьесу, сосватать её какому-нибудь театру, затем мы собираемся снова в Чистополе и возобновляем сессию. Среднеазиатская проблема, Вы понимаете, отнесена событиями на дальний план. Но как нам дорого ваше общее желание улучшить нам быт переброской в тёплый край! Как дорога дружба! Скоро год, дорогой Константин Георгиевич, как мы с Вами встретили страшную весть на террасе моей дачи. Страшный год! Непрерывно, почти ежедневно получаю я вести о несчастном Ленинграде. Умерло множество моих близких друзей и знакомых, продолжают безвыходно мучиться десятки отлично известных мне людей. Помочь им ничем нельзя. Беспомощность эта иногда невыносима.

И очень жалко друзей, с которыми ушли в вечность чудесные дни надежд и радужных заблуждений. А мы ещё живём и не хотим расставаться с новыми надеждами и что-то делаем. Помните наше первое чувство, чувство сознания тогда, на террасе, что бы там ни произошло, а началась новая эпоха, за неё идёт борьба. Хотя мечта о *последней* войне уже обманула нас с Вами один раз. Ведь прошлую войну тоже называли последней, и именно наше поколение хвасталось, что превратило её в последнюю. Однако пусть это будут иллюзии. Давайте ошибаться, иначе жизнь невозможна. Обнимаю Вас крепко, дорогой. Желаю успеха и здоровья. Милой Валерии Владимировне сердечный поклон. Всегда Ваш, Конст. Федин».

Н. В. Корниенко: «Вот поверьте, все письма Федина — они такие. Это Литература. Без письма и без дружеской переписки русская литература невозможна, это важнейшая её часть».

Владимир Павлович Смирнов, профессор, заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института имени А. М. Горького:

«То, что происходит сейчас, это восстановление справедливости. И не только нравственной справедливости, а просто — радость назвать вещи своими именами. Есть, конечно, огромный художник и — попытки его стереть, исказить. Вы знаете всё это. Они чудовищно глупы, в сущности, потому что подлинность всё равно победит. И уровень такого художника, как Федин, — в его смысле, совершенно таком метафизическом (слова нормальные не приходят в голову сейчас). И если говорить о европейскости ещё, неизбежной случайности, замечательной, которую никто не отменял и которая есть одна из форм выражения собственно русского духа и русского художества. Федин в этом отношении был поразительным. Помню, мальчишкой был ещё, кончал десятый класс, готовился к экзаменам. Это было в городе Калининграде, он же Кёнигсберг. Остатки каких-то немецких домов, где наша семья жила. Папа подписался на собрание сочинений Федина в шести томах, такое зелёно-голубое. И я стал его читать. Пришёл том с романом “Города и годы”. И меня это поразило. Потому что я считал: то, что вокруг было, то, что называлось советская литература, — ну, всё-таки это, мягко говоря, не Стендаль. И я был, мальчишка, совершенно поражён. Не всё понимая, не всё чувствуя, но — сам по себе характер, такого рода художественность, которую нельзя подделать, потому что смысл любой художественности в том, что она не подлежит подделке. Никогда и нигде это не будет, как бы ни старались. И то, что сделал Федин потом... Помню совершеннейшее удивление. Наше поколение, слегка заброшенное в разные дела и обстоятельства и не очень-то многое понимающее, с невыработанностью стилистически объяснимых начал жизни — не только искусства. Это ведь сложно всё, к этому надо брести, как-то ковылять. Тем более, что мы тогда вырастали с чувством, что там — да, а вот у нас, в России, всё не то: дороги хреновые, это не то, то не то. Понятно, что всё это надо перенести на власть. Ну где-то это всё гуляло и свистело. И тут — книга Федина “Горький среди нас”. Я никогда специально Фединым не занимался, не буду притворяться. Я просто Федина любил всегда. Мне нравилась его удивительная тонкость, чувство равновесия, без которого нет художественности, как сегодня ни настаивали бы на разных диссонансах как мирозерцания. Примеры, которые обычно приводят как доказательство

последнего — Хлебников, Джойс, — они замечательные, но в единственном таком варианте, потому что в русской культуре бывают и такого рода, что ли, изгибы судьбы. Федин был одним из слушателей завещания блоковского о назначении поэта, у него есть замечательная работа о Блоке. Это ведь у Блока не просто эссе, это великая вещь — это откровение, рождённое даже не человеком, а духом, который присутствовал в Блоке. И Федин сохранял потрясающее чувство европейской культуры как органической части культуры и мирозерцания русского. Ибо любое ограждение ведёт только к провинциализации — духа, сознания, всего. Русскую литературу измерять лекалами политико-социальными невозможно, не для этого она пришла в мир. Она и в двадцатом веке выжила при разных режимах — это не минус и не плюс режима, это выражение подлинности русской культуры, к которой принадлежал человек, который нас сегодня здесь собрал».

Александр Михайлович Панфилов, прозаик, доцент кафедры новейшей русской литературы Литературного института:

«В моём выступлении будет меньше всего литературоведения, это будет такое отражение, такое личное воспоминание, хотя с нашими студентами я, в частности, прозу Константина Федина обсуждаю. Потому что с хорошим писателем всегда возникают, помимо научного интереса, личные отношения. Они иногда гораздо интереснее, нежели собственно научные. Начну с середины 80-х, когда я сам оказался в Литинституте. Представьте себе околосороклетнему молодому человеку, пытающегося писать, которому случайным образом в руки попадает книга “Города и годы” и который просто испытывает некоторое потрясение от этой книги. И понимает после этого, что русской литературы XX века он со своим школьным образованием просто не знал. Потому что все эти полёты пространственные, какие-то всхлипы сюжета — за этим нужно следить. Это очень достойный стиль, это обращение к каким-то пограничным жанрам. То есть это для меня просто было невиданно. Естественно, это вызвало интерес к серапионам, потому что узнал: Константин Федин был серапионом. Мы, конечно, мало знали со своим школьным образованием. Но в книжных магазинах продавался Шкловский “О теории прозы”, “О литературе” Эйхенбаума, какие-то книги Каверина продавались мемуарные. И человек, который этим заинтересовался искренне, мог более-менее всё узнать. Узнать, что все эти такие разные, прекрасные, голодные, молодые, счастливые люди — очень разные — собрались в Серапионовом братстве не просто так. То есть для них такие вещи, как обнажение приёма, ритмизованная проза и так далее — были вещи не случайные. Хотя понятно, что они делились там. И Константин Федин занимал правый фланг со своим модернистским романом “Города и годы”. Шкловский говорил: “Федин — парень хороший. Но слишком традиционен”. “Города и годы”, кстати, раскритиковал как раз Шкловский. И вот с этим потрясением и некоторыми знаниями я и мои ровесники пришли в Литературный институт. И тут случилось совершенно ужасное. Это была середина восьмидесятых годов. Вы помните, что происходило. Нам начали неустанно промывать уши из разнообразных идеологических брандспойтов. В конце концов случилась беда и трагедия — мы не захотели читать Федина. И чтоб вернуться к Федину, пришлось повзрослеть, всё осознать про эти брандспойты и после этого пере-

читать его и переоценить. И вот тогда уже настоящая оценка и установилась. Это произошло не скоро, это произошло к 2000-м годам — люди, которые занимались творчеством Федина, знают, сколько чуши о нём было сказано во второй половине 80-х и в 90-е годы. (Н. В. Корниенко мрачно: «И сейчас».) Сейчас уже тише это говорится, потому что те люди, которые привыкли побивать, скажем, Фадеева и Федина Александром Беком или Гроссманом, всё-таки поутихли. Они всё-таки узнали, что третий закон Ньютона универсален. И из тех гонителей, ниспровергателей и побивателей одних писателей другими можно превратиться просто в неудачника и немощного. И после этого наверняка происходит новое узнавание. Достаточно адекватное, честное, у многих влюблённое в Федина. Я не скажу, что мне Федин весь нравится. Но в творчество Федина 20-х годов я просто влюблён. Это касается даже не романа «Города и годы», который я советую студентам читать, потому что он очень интересен в смысле литературной учёбы. Это касается безумно интересного романа «Братья», прекрасно написанного, а кроме того таких повестей, как, например, «Старик». Кстати, одним из источников «Старика» стали воспоминания Чернышевского, написанные в камере тюрьмы. Чернышевского знал отец Федина. И рассказывал своему сыну, на какой бумаге — он ведь был хозяином писчебумажного магазина — на какой бумаге предпочитал Чернышевский писать в старости. Есть совершенно замечательная повесть «Наровчатская хроника»... (Из зала подсказывают: «Трансвааль».) Нет, я говорю о своих влюблённостях. Потому что отношения с хорошим писателем, близким писателем — это как отношения с любимым человеком: это череда любви — нелюбви, очарования — разочарования, а всё кончается — умерли они все в один день и стали счастливы. В «Наровчатской хронике» есть потрясающие символы, на которых, кажется, ещё никто не заострял внимание. Напомню. Федин написал эту повесть на материале своего сызранского опыта. Хроника пишется послушником некоего монастыря, который угодил в 1919 год. Чуть ли не единственный положительный человек в этой хронике — это игумен монастыря, который старается спасти монастырь в этой наступившей разрухе. Он добрый, он мудрый, он замечательный. И вот с ним как раз связан один из сильнейших образов этой вещи. Монастырь выписывал советскую газету, «Наровчатскую правду». У иноков монастыря хранились и старые «Епархиальные ведомости». Все эти газеты хранились на крыше, и однажды во время дождя с дырявой крыши натекло как раз на «Наровчатскую правду». Послушник вытаскивает эту «Наровчатскую правду» на крышу высушить, а сам бежит по делам в город. А когда возвращается, налетает ветер, и эта вся «Наровчатская правда» разлетается по окрестностям. И вдруг он видит настоятеля этого своего отца Рафаила, который в калитку рассматривает своих иноков, которые — кто в исподнем, кто в подштанниках, кто-то в подрысниках бегают и собирают в высокой траве эту «Наровчатскую правду». Настоятель хохочет, но тем не менее этого послушника бьёт по голове за то, что он ввёл в искушение братию. Но это не самое главное. Самое главное, когда собранные листы этой «Наровчатской правды» монахи приносят, то там оказывается, что на этих листах осталось только большими буквами слово «правда», а все остальное просто выжжено солнцем. Вот и понимайте как хотите. На самом деле, вся эта вещь — свидетельство о сломе нормы. Нормы, которая на протяжении веков творилась, создавалась не только и не столько

царями, священниками, ленинскими орлами, революционными демократами. Она хтонично вырастала. И почему-то это всё рухнуло. Об этом пишет Федин. Это, по-моему, 1924 или 1925 год. Высочайшей пробы проза. И эту прозу попытались в 1990-е годы просто закрыть. Как будто её нет. Слава Богу, всё это кончилось. Ещё одно личное воспоминание напоследок. Оно связано с Саратовом. Я наведни летом бродил по этому прекрасному городу. Там, конечно, советское градоустройство постаралось. Тем не менее старый Саратов по-прежнему прекрасен, мил, тёпел. И в нём, что меня поразило, сосуществует множество всяких стилей. Гармонично сосуществует. Барокко, постмодерн, архитектурные стили, немецкая улица со своей псевдоготикой. Какая-то эклектика. И это даже не самое главное. Самое главное было, когда я пошёл от радищевского музея, который, как многие знают, его внук художник Боголюбов создавал, чтобы возродить втоптанное в грязь имя своего деда. Мы всё время чьи-то имена втоптываем в грязь, а потом приходится их возрождать. Так вот, я пошёл от этого радищевского музея до музея-усадьбы художника Борисова-Мусатова, который в своих грёзах-картинах мечтал о небывалом, потом спустился к музею-усадьбе Чернышевского, который воспитал целое поколение революционной молодёжи, потом прошёл к музею Федина, который тоже размышлял всё время о месте интеллигенции в революции — как бы революцию ни понимали: как природную катастрофу, как логический результат наших ошибок, метаний или чьей-то глупости и трусости. И когда я прошёл все эти четыре музея и сел там как раз у памятника Федину, я понял, что наша культура — едина, взаимосвязана, взаимозависима. Это очень тёплое пространство, в котором мы существуем и которое надо хранить, в котором не надо устраивать никаких рукопашных схваток. И за это понимание отдельное спасибо Саратову и Федину».

Алла Михайловна Грачёва, доктор филологических наук, заведующая Отделом новейшей русской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом):

«Я очень рада быть сегодня здесь, в Москве, видеть саратовцев. Хочу донести до вас голос Петербурга, голос Ленинграда, потому что в жизни Константина Александровича Федина этот город значил очень много. Почти двадцать лет. Если представить это на возрастной шкале — мы ведь пока ещё живем не мафусаиловы века — это годы расцвета. Годы творческих свершений. Годы надежд и радостных заблуждений. И радужных заблуждений. У Федина с этим связан Ленинград. И немножечко ещё Петроград — в который он приехал. Надо сказать, что он был в Петрограде и покинул Ленинград, переехал в Москву в очень тяжёлые, переломные в жизни страны годы. Сначала он был фактически здесь в годы блокады Петрограда, когда даже те, кто не принял советскую власть, просто физически не могли уехать из города. И таким образом Федин, молодой становящийся литератор, увидел весь свет литературы Серебряного века. Покинул он Ленинград в 1937 году после многих своих свершений, становления как писателя, как организатора литературного процесса. Здесь не надо объяснять, какие это были тяжёлые годы в истории русской культуры. Основной мой герой — Алексей Михайлович Ремизов. Мне выпало счастье участвовать в коллективном труде, о котором сегодня идёт речь, и опубликовать переписку Федина и Ремизова. Алексей Ремизов был одним из тех, кто был таким как бы магистром, кто

рецензировал тот самый рассказ “Сад”, который выиграл приз на конкурсе Дома литераторов — молоденьких таких дарований. (Может, не столь юных днями, но ещё юных в литературе.) Переписка, завязавшаяся между ними с начала личных отношений, существовала до 1957 года, до дня смерти Ремизова, который в 1921 году покинул Россию и стал эмигрантом. Мы должны всё-таки литературу воспринимать ещё в человеческих образах, в человеческих взаимоотношениях. Приведу по памяти письмо Федина в Берлин Ремизову. Он пишет:

«Алексей Михайлович, я понимаю, что вы скучаете, у вас нет литературы. А у меня нет денег. Но я взял, снял с полок всё, что у меня было, и отослал вам. Книги ужасно дорого стоят, и я не могу их купить. Но я отдал все свои вам. Вот и всё. Чем могу, помогу».

В уже “серьёзные” годы, в начале 30-х, Федин был в Париже и посетил Ремизова-эмигранта. И вот в 1944 году появляется замечательная, абсолютно не оценённая книга “Горький среди нас”. Федин не случайно был академиком. Определённым образом он сочетал в себе литератора и историка литературы, и хранил вот это осознание литературного процесса. Потому что эти картины литературной жизни он фактически рисует. Такие яркие значимые фигуры. Он застал всех! Потому что тогда даже Мережковский, Гиппиус — те, кто хотел — они не могли выбраться из Петрограда. И вот в этих картинах литературной жизни Федин рисует яркие значимые фигуры — Фёдора Сологуба, Акима Вольтинского и Алексея Ремизова — тех, кто олицетворяет такое прекрасное ушедшее прошлое литературы Серебряного века, и те, кто как Ремизов, писатели, беременные русским авангардом, у которых молодые писатели черпают очень многое именно для развития художественного процесса. Само название “Горький среди нас” — это не любимое деление литературы на мы и они, враги и свои, чужие и наши. Это всё мы. Потому что мы — писатели. Это и Фёдор Сологуб, и Аким Вольтинский, и молодые Серапионовы братья, и Алексей Ремизов. И то, что пережил Федин за эту книгу — статья в “Правде”, где пишется, что Федин ставит этих, так сказать врагов, выше, чем друзей, и погружает Горького в эту среду врагов — это непростительная халатность (*Н. В. Корниенко: “Махровый реакционер”*.) Эта книга заканчивалась словами: “Я виделся с Ремизовым в Париже, но об этом я расскажу позже”. После окончания Второй мировой войны, когда возобновляются на какой-то момент связи литературной эмиграции и литературы, оставшейся на родине, советской литературы, и Ремизов получает весточку от Корнея Чуковского и от Федина, то он пишет: “Надо обязательно все книжки мои послать. Прежде всего Федину”. Он всё-таки успел перед самой смертью послать ему пронзительное письмо и все книги, которые хранятся сейчас в саратовском музее. И эта роль — не только как большого, крупного художника, но как художника в тяжёлые, непростые годы, когда искусственно пытались разделить на своих и чужих, Федин сохранял вот это высокое благородство осознания того, что мир писателя — это *наш* мир. Горький среди нас. В этом тоже большая справедливость и по отношению к Горькому, который тоже не так давно выпил, так сказать, свою чашу. Ремизов вёл такие удивительные дневники — он записывал то, что случилось днём, и так настроил своё творческое сознание, что каждую ночь в полусонном состоянии видел сон и записывал его. И вот там масса знакомых и писателей

из круга парижской эмиграции. Естественно, там масса воспоминаний о знакомых из тех ушедших блестящих годов Серебряного века. И очень немного людей из уже современной советской России. Там возникают Ахматова, Зощенко — эти сны актуализируются в связи с Постановлением о журналах “Звезда” и “Ленинград”. И, вы знаете, ему всё время снится Федин. Причём один из последних снов — цветущий сад, идёт Федин. А сбоку такая помета — Ремизов иногда делал пометы: “Я знаю: Федин всегда к хорошему”. Такая, знаете, коннотация. И вот, возвращаясь к тому, о чём я говорила, — последние слова о Ремизове в этом удивительном труде, не просто мемуарах, но труде писателя-историка “Горький среди нас”: “Я расскажу об этом позже”. И мне кажется, то, что сейчас предпринимается уникальными усилиями прежде всего сотрудников музея Федина в Саратове, сотрудниками Института мировой литературы и сотрудниками Пушкинского Дома — это как раз и есть реализация того, о чём говорит Константин Федин. Он рассказывает теперь нам, о чём не успел рассказать. Пусть позже, но его голос в этих переписках, в этих контактах совершенно между разными людьми доходит до нас. И вот в этом абсолютная современность мира этого великого писателя».

Елена Алексеевна Папкова, кандидат филологических наук, внучка Всеволода Иванова:

«Помимо того, что мне выпало большое счастье готовить переписку Константина Александровича и Всеволода Вячеславовича, я ещё рада тому, что, когда в 1970-е годы снимался фильм о Всеволоде Иванове, сохранилась уникальная запись голоса Федина. Предоставим слово самому Константину Александровичу:

“Первый раз я встретился с Всеволодом Вячеславовичем у Горького в его рабочем кабинете на Кронверкском. Когда вошёл, я не заметил, что между полками есть кто-то. Горький взял меня за бок и слегка повернул. И сказал: “Познакомьтесь, тоже писатель. Всево́лод Ива́нов. Из Сибири. Да-с”. Я вижу исхудалого молодого человека в полувоенной одежде в обмотках на ногах. И он говорит малословно, почти скупно, но его речь удивительно точно переносит в какой-то особый мир. Вскоре после этой первой встречи Всеволод приходит ко мне и читает мне первую свою книгу рассказов маленькую, в обложечке, с тонко написанным названием “Рогульки”. Книжку набирал сам автор, Всеволод Иванов. И помогал ему другой наборщик из той типографии, где он служил раньше. Так я познакомился с фантастической речью, уже письменной речью Всеволода. Фантастической — потому что сочетается в ней всё: истинный реализм с какой-то фантазией. Вот эта черта его — какого-то полёта, какой-то пышности, праздничности слова вместе с очень точным и очень действительным выражением — это заронилось у него навсегда и это покоряет”.

К этому можно добавить — вот вы видели, насколько удивительным Константин Александрович был товарищем. Товарищем, который умел восхищаться другим, не просто приходил на помощь, а умел радоваться его радостям и умел вот так удивительно говорить о талантах близких ему людей. И Всеволод Вячеславович и Константин Александрович вместе прошли довольно большой жизненный путь. Их дружба длилась больше сорока лет, до смерти дедушки. Как вспоминает Всеволод Иванов, Федин ни много ни мало подарил ему брюки в 21-м году, потому что у того была шинель из Сибири, а брюки были такие, видимо, плохонькие. И как они, будучи серапионами

восточной группы, едва не побили Лунца после его статьи (об этом есть в письмах), как они отстаивали традиции русской классической литературы. Как потом в 30-е годы — это был непростой период, когда они участвовали в проектах Горького и готовили Первый съезд вместе с Горьким (не думаю, что с ним было легко, и дневники Федина сохранили это отношение, притом что оба любили Горького и считали себя его учениками). Жизнь рядом в Лаврушинском переулке, буквально в одном подъезде. Жизнь рядом в Переделкине. И тоже совместные какие-то дела. Мне больше всего запомнилось — это связано с Литературным институтом, — как оба защищали Беллу Ахмадулину и Давида Маркиша, когда их хотели выгнать из Литинститута. Нельзя сказать, что между ними не было разногласий — были, но они преодолевали всё, что вставало между ними (я думаю, инициатива тут была Константина Александровича, который называл дедушку Всеволодушка — до самых последних дней письма с таким обращением). Когда в 1963 году Всеволод Иванов ушёл из жизни, была подготовлена книга “Всеволод Иванов, писатель и человек”, которую открывали как раз воспоминания Федина. И вот как он пишет:

“Он заставлял петь камни, оживать ароматы, зацветать ветры. Таким я узнал его в 1921 году. Таким утратил его в 1963-м. Все наши десятилетия безуданного марша по жизни мы шагали с ним в ногу. И я не помню, чтоб в любую, даже самую тяжелую годину, после любой встречи с ним мне не становилось бы легче”».

Кира Борисовна Андроникашвили, кандидат филологических наук, внучка Бориса Пильняка:

«Федина и Пильняка связывало очень многое. Связывали корни. Мама Бориса Пильняка была из рода саратовских купцов. Пильняк регулярно в Саратов ездил, и детей своих туда привозил. И навещал, ездил по своим родным местам. И это их, конечно, объединяло с Фединым. Они оба учились в Коммерческом институте — не знаю, видели ли друг друга там, может быть, пересеклись. Разминулись, может быть, месяцами где-то. Знакомство их принято относить к 1921 году, когда Пильняк стал активно наезжать в Петербург и дружить с серапионовыми братьями. Надо сказать, что серапионовы братья не очень дружно его приняли. Там были объективные причины. Потому что Пильняк был очень энергичный, фамильярный, очень бурный, неудержимый, ему хотелось сразу всё объять. Всех полюбить, со всеми на ты перейти. Возможно, питерских писателей это как-то сдерживало. Но, тем не менее, у него сразу завязались дружеские отношения с Всеволодом Ивановым, с Фединым, с Никитиным, о чём очень волновался Максим Горький, который очень ревностно относился к молодым писателям и дотошно, почти в каждом письме, оберегал их от тлетворного влияния Бориса Пильняка. Когда в одном из писем Константин Федин поделился с Горьким своими творческими исканиями, что он стоит на перепутье — как писать, просто или мудрёно, он получил от Максима Горького большую отповедь. В оправдание дедушки скажу, что тут, может быть, причина кроется в некоторых личных обстоятельствах, о которых упоминал ещё Ходасевич, который сказал, что открыть эти обстоятельства время не пришло. Горький, который помог Пильняку с публикацией первого романа “Голый год” и так его открыто встретил, буквально через некоторое время от него резко отвернулся. Но это уже де-

тали. В общем-то, всю его жизнь, если не считать многочисленные отъезды Пильняка и занятость их в разных городах, Федин и Пильняк провели бок о бок. Их тесно очень связывали 22–23-й годы, работа в артели писателей “Круг”. Федин заменял Пильняка на время его отъезда в 23-м году. Все эти годы они тесно общались и обсуждали, как этому издательству жить, как строиться. Готовясь к сегодняшнему выступлению, я пересматривала письма. И должна сказать, что отношения, хоть и дружеские были, но они всё же на дистанции. Их переписка сугубо деловая, исключительно о творчестве, они делятся впечатлениями о произведениях друг друга. Переписка какая-то сдержанная, уважительная. Нет такого личностного панибратства, которое можно наблюдать в письмах Пильняка по отношению к другим. Эта переписка и дружба была, думаю, двух уважающих друг друга писателей, которые отдавали себе отчет в талантах друг друга и в том, что они принадлежат той “команде”, которая вершила русскую литературу, оглядываясь на свой внутренний мир, а не на окружающий.

Прочитаю вам письмо 1924 года, когда Пильняк был в Шихановском лесничестве Саратовской области (их родные места).

“4 июля 1924 г. Шиханское лесничество

Константинушко, дорогой, —

с мест общей нашей родины из тишины и жара наших дубовых лесов, от Волги, от гор в лесах и эхо, —

— из Шихановского лесничества, Вольского уезда, того самого, которое возникло при Павле I грамотой на имя графа Орлова-Денисова о том, что «войди ты на гору Шиханскую, и всё, что видит глаз твой — твоё», где в лесах стоят теперь полуразрушенные сторожки, да вот по соседству с нами нашли землянку с псалтырью, да где мы поселились (над Волгой, в горах, в сторожке, где спим на полу на траве, пьём молоко и сырые яйца, растим волчонка), мы вдвоём с Ольгой, —

— вот отсюда, сегодня, 4-го июля <1>924 — пишу я тебе это письмо с тем, чтобы у нас по-прежнему был мир, с тем, чтобы это моё письмо было мирным, как последнее твоё.

После Саратова мы не виделись, ты оставил мне письмо, в том письме, последние его строки очень тронули меня, по-хорошему, — о том, что нехорошо и жаль, что за последний год прошло между нами охлаждение. Для того, чтоб быть совсем открытым, скажу, что с моей стороны, да, была холодность к тебе, должно быть из-за мелочей, по двум причинам, потому, что тебе не понравилась повесть Ювенского (глупо это, а так, ибо мне решилось, что у тебя плохой вкус и «личничество»), и потому, что в «Круге» ты сделал несколько вещей, кои мне были обидны: — глупо это, летошним снегом поросло это, — а вот эти два месяца, когда я все время собирался написать тебе, поростили это и «совестливостью», так что «кто старое помянет» — и я никогда больше не вернусь к этому.

Ты спросишь, почему я собирался писать тебе два месяца, — потому что эти два месяца, за исключением суматошных дней в Москве, я писал и сидел за столом до остервенения, до ненависти к перу, — и только вчера кончил это сидение: вчера кончил роман, в десять с половиной листов, правда, много «стришкёный», но всё же, давшийся мне потом, имя роману «Россия — Расея — Русь»...

Напиши мне: на Москву, Поварская, 26, 8, тел. 2–32–39. Отсюда я уеду на днях, пробуду несколько дней в Саратове, а потом — в полярную экспедицию, — а потом... где Всеволод, — я пишу ему сегодня, чтобы спросить,

когда он в Китай, я тоже хочу собраться... в Китай. В Москве я буду числа до 25-го июля.

Целую крепко, питерцам поклон. Напиши о всяческих делах, о том, о сём, о себе, о твоём романе, о самочувствии. Я чувствую себя выжатой тряпкой, — но завтра сяду всё же снова за машинку, ибо выдумал два хороших рассказа и один хочу написать ещё здесь. — —

Целую крепко. Ольга Сергеевна кланяется. Поклон всем».

Вот так у них неровно было. Был ещё период охлаждения между ними — это 29-й год, когда началось разрушение Союза писателей. Началось оно с травли Пильняка за публикацию “Красного дерева” в “Метрополисе”. Это мы сейчас всё с вами знаем, что Пильняк был ни при чём. Не было бы Пильняка, был бы кто-то другой и был бы другой повод. Но, тем не менее, некий осадок и ощущение с близкого расстояния, что это именно Пильняк отчасти повинен в том, что разгромили Союз и в Москве, и в Питере, несколько охладили отношения. Но что говорить, от судьбы не уйдёшь. Где-то начиная с 33-го года у них отношения изменились. Видимо, какие-то внутренние обстоятельства (писателям, в общем, нелегко жилось) — отошли на второй план. И то, что их тянуло все эти годы и всю жизнь друг к другу, видимо, это уже вышло на первый план. И мне очень приятно, что последний год жизни Пильняка — а это был 36-й год (если не считать наезды, когда Пильняк с дочкой, Натальей Борисовной, моей тётей, ездил в Питер и когда они общались), последний год, когда Федин переехал в Переделкино. Пильняка уже перестали публиковать, многие уже считали его расстрелянным или арестованным. Его препарировали 28 октября 36-го года на заседании московском, и он уже никуда особо не ездил, жил в основном в Переделкине, и всего несколько человек близких друзей скрасили этот его последний год дружбой, верностью, ежедневными посиделками, своим присутствием. И среди них был Константин Федин».

Галина Николаевна Воронцова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ, заведующая группой Собрания сочинений А. Н. Толстого:

«Уже первый роман Федина показал, сколько к этому времени писателем было передумано, осмыслено, сформулировано в виде вопросов, на которые до сих пор нет ответов. Это потому, что вопросы были не из простых. Но тому поколению писателей дерзости хватало их задавать. Константин Александрович очень быстро стал профессиональным писателем. Его ранняя проза, которая была создана в 20-е и даже 30-е годы — конечно, предполагала эстетическое сопереживание читателя. “Города и годы” можно читать по-разному. Можно читать с точки зрения проблем, которые там заложены. С точки зрения модернистского сюжета. Но это произведение невозможно читать, не получая эстетического удовольствия. Творчество Константина Федина — неотменимая страница русской литературы XX века. Тот архив, который он оставил, более всего свидетельствует о многогранности писателя, которую здесь уже неоднократно отмечали. Прочитую письмо Алексея Толстого, современника Федина, с которым он дружил. Он пишет одному из членов Серапионова братства Николаю Никитину:

“Ты мне доставил очень большое удовольствие письмом. У нас нелепая жизнь. Когда-то такие письма между писателями — о впечатлениях, критиче-

ские, полемические, хвалебные — составляли часть литературной жизни. Это увеличивало чувство важности дела, приподнимало, создавало напряжённую ответственную обстановку для творчества. Злоба и зависть, конечно, были и тогда. И не в меньшей степени. Но было и другое. А у нас именно этого «и другого», перекидывающего мостки друг к другу, и не найдёшь”.

Но к счастью, в 1920-30-е годы эта описанная Толстым ситуация не была столь безнадежна, потому что традиции эпистолярного общения писателей, “перекидывавшего мостки друг к другу”, ещё существовала. И ярким носителем этой традиции был как раз Константин Александрович Федин. Его переписка с Иваном Сергеевичем Соколовым-Микитовым — в той же мере литературный памятник эпохи, как роман “Города и годы”, как его дневники, которые читали, читают и будут перечитывать, потому что там не только с необычайной щедростью раскрыта личность автора этого дневника, но и запечатлён образ времени. И, что очень важно, даны блистательные характеристики его современников. Приведу текст, который не может даже квалифицироваться как написанный для самого себя, дневниковый текст, потому что ряд этих характеристик перерастают в самостоятельное художественное эссе. Это относится к Алексею Николаевичу Толстому, с которым Федин был очень дружен. Написан был этот текст на следующий день после смерти писателя, то есть 24 февраля 1945 года.

“Целая эпоха связана у меня с Алексеем — двадцать лет, наполненных серьёзнейшим общением в искусстве, дружбой, приятельством, размолвками, мировыми, охлаждениями и вспышками привязанности. Всё это вытекало из его характера — женского, коварно-лукавого, широкого и мелочного одновременно. Всё соединённое с его образом неизгладимо, как сама жизнь. Гаргантюа, помещик, грубый реалист и циник, эстет и благородный русский сказочник, осмеятель символистов и сам символистский поэт, мастер, труженик, собутыльник — он жил с философией Омара Хайяма и ненавидел в жизни только одно — смерть...

Он с лёгкостью отыскивал надлежащее место в обществе — будь то Петербург Блока или Париж эмиграции и смены вех, Ленинград НЭПа, Москва Кремлёвского величия и Указов. Его девиз был: делать всё для того, чтобы делать своё искусство. Но для того, чтобы сделаться великим художником, ему недоставало нищеты. Дар его был много выше того, что им сделано. Эпоха помогла ему стать виднейшим художником, потому что она требовала от талантов быть видными, но не великими. Никто после него не займёт его положения, потому что ни у кого нет его жажды занимать положение, в сочетании с великолепными данными для этого. Но Россия пожалеет не раз, что Толстой не поднялся на ту высоту, которую должен был бы занять по природе. Художник в нём вечно бился с человеком за свои высшие права, но чересчур часто человек брал верх своими выгодными правилами.

И всё же это было существо гармоническое. Толстой не любил душевного раздора и не терзался им, как не любил житейских неприятностей. В сущности, он был «наслажденцем», и главная его сила заключалась в плотском обожании жизни. Никто не умел так описать счастье и бездумную радость бытия, как он. Размышления он допускал в своё душевное хозяйство только тогда, когда мысль утверждала силу, радость, удовольствие. Среди русских писателей он был поэтому редкостью.

Я хотел бы, чтобы за упокой его души было выпито столько, сколько я выпил с ним во время наших пирований...”

Ну а отношение Алексея Николаевича Толстого хорошо известно — будучи старшим современником Федина, он никогда ему не покровительствовал, но относился необычайно тепло, по-отечески и очень хорошо понимал масштаб личности его как человека и как писателя.

И последнее, чем я бы хотела закончить. Личность филолога-исследователя всегда формируется тем материалом, с которым он работает. И я уверена, что те, кто сейчас осваивает архив Константина Александровича Федина, проходят блестящую филологическую школу. Поэтому я всем нам желаю открытий на этом пути».

Сергей Фёдорович Дмитренко, доцент кафедры новейшей русской литературы, проректор Литературного института по научной и творческой работе:

«Прошу прощения, что занимаю ваше время, когда уже, по напоминанию здешних служительниц, *спят усталые игрушки, книжки спят*. Но не могу не сказать о том Федине, о котором сегодня ещё не сказали. Сегодня праздник не только у родных и близких Константина Александровича, но и у меня тоже сегодня “Федин день” — 27 февраля моему папе, Фёдору Никитичу, фронтовику, исполнилось бы 95 лет, он совсем немного не дожил до этого своего юбилея. Так вот: именно папа открыл мне Федина в самом раннем детстве, Федина — детского писателя. Здесь в презентации на экране проходит обложка его детской книжки “Сазаны”: с детства, с середины 1950-х годов помню эту обложку, эту фединскую книжку. Помню его рассказ о войне “Мальчик из Семлёва”. Это странный рассказ, когда читаешь его взрослым. Но соглашаешься, ибо сам пережил это, — хотя ребёнок-читатель в нём многое недопоймёт, благодаря рассказу очень многое почувствует.

Как помните, это рассказ о мальчишке-партизане, который иногда и немцев убивал, а теперь оказался в столице на литературном вечере. И этот мальчик задаёт рассказчику, то есть писателю, вопрос: “Вот вы сегодня читали рассказ: что это — правда, или вы это придумываете?” “Зачем придумывать? — отвечает писатель. — Правда интереснее всякой придумки”. “Да-а, как бы не так!”, — возражает мальчик. И это “как бы не так!” — очень важный сюжет, когда, очевидно, сам Федин задумывается, что такое правда, что — придумка и что такое литература. Задумывается и передаёт этот сложнейший, мировоззренческий вопрос читателю-ребёнку. Вот, по-моему, очень важный урок Федина детям, урок надолго, а то и на всю жизнь.

И последнее, от Литинститута. Федина в Литературном институте читали всегда, и сейчас он есть в программах. А в советское время читали его фактически полностью, не только блистательного раннего. Читали даже “Первые радости”, “Необыкновенное лето”, “Костёр”. Хотя я, честно говоря, “Костёр” не дочитал. Подумал: если Федин его не дописал, почему я должен это недописанное дочитывать?! С тем передаю вам привет от доцента нашей кафедры новейшей русской литературы Игоря Ивановича Большчева, который как раз ведёт курс, в который входит Федин, где есть “Города и годы”, “Братья”, фединская серапионья проза. У Игоря Ивановича сегодня тоже день рождения, из-за коего он не смог здесь присутствовать, но пообещал, что своей маленькой дочке прочитает на сон грядущий “Сазанов”. Глядя на часы, понимаешь, что как раз в эти минуты и в его квартире звучит фединское слово. Так что и тем, у кого есть дети и внуки, то есть, пожалуй, всем нам,

предлагаю на радость зрителям ЦДЛ покинуть этот зал — наш вечер длится четвертый час — и отправиться к детским, внучьим и правнучьим кроваткам и колыбелькам с тем, чтобы тоже прочитать родным младенцам что-нибудь хорошее из дедушки Кости Федина».

Константин Александрович Роговин, внук Константина Александровича Федина:

«В заключение этого вечера мне хочется от всей нашей семьи, очень разветвлённой на сегодня, большой, поблагодарить всех присутствующих за то, что вы пришли, за память деда и очень уважительное, как мне показалось на этом вечере, отношение. Передать всем приветствие Нины Константиновны, нашей мамы, которой мы отметили 94-летие и которая, увы, не могла быть среди нас здесь. Но душой она, конечно, здесь и, конечно, она всех приветствует, очень всем благодарна, как и мы все, что вы пришли. Спасибо вам большое. Спасибо нашей замечательной Наталье Васильевне Корниенко, которая была инициатором этого вечера».

Н. В. Корниенко:

«Будьте все здоровы. И читайте Федина. Мы — очень богатая страна, у нас — замечательная русская литература XX века».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Корниенко Н. В.* Как идти, чтобы не сорваться в пропасть? (К истории создания романа К. Федина «Города и годы» // Константин Федин и его современники (Фединские чтения. Вып. 5). Саратов, 2013. С. 3–44.
2. *Луниц Л. Н.* Обезьяны идут!. СПб.: Инапресс, 2003. 435 с.
3. *Федин К. А.* Серапионовы братья о себе // Литературные записки. 1922. № 3. С. 27–28.

REFERENCES

1. *Kornienko N. V.* Kak idti, chtoby ne sorvat'sja v propast'? (K istorii sozdanija romana K. Fedina «Goroda i gody» // Konstantin Fedin i ego sovremenniki (Fedinskie chtenija. Vyp. 5). Saratov, 2013. P. 3–44.
2. *Lunc L. N.* Obez'jany idut!. SPb.: Inapress, 2003. 432 p.
3. *Fedin K. A.* Serapionovy brat'ja o sebe // Literaturnye zapiski. 1922. № 3. P. 27–28.

SUMMARY

THEORY AND HISTORY OF LITERATURE

“THE FALLEN SKY”:
TO the HISTORY of the CREATION of KONSTANTIN FEDIN’S NOVEL
“CITIES and YEARS”

Natalya V. Kornienko

Doctor of Philology, Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences,
Head of Contemporary Russian Literature and Russian Literature Abroad
Department at the Gorky Institute of World Literature of the RAS
(Moscow, Russian Federation);
info@imli.ru

Abstract: The article examines the history of the creation of Konstantin Fedin’s novel «Cities and Years». The Appendices contain Fedin’s texts, which served as the basis for the novel. The author analyzes various sources that influenced the formation of those texts. It is maintained that the novel is not just one of the illustrative works about the intelligentsia in revolutionary events. The article explores the deep meaning of its artistic originality and the prospect of its development in subsequent literature. The intellectual character’s subjective perception of the surrounding reality is evaluated in the context of the leading philosophical theories of the period in question. The argument about the intelligentsia’s mission was transferred to a new level of life which had absorbed the reflection and merciless introspection of the intelligentsia’s thought of man as well as Russian and world history and culture.

Keywords: Konstantin Fedin, Cities and Years, Russian literature of the 1920s – 1930s, intelligentsia, revolution, Startsov, Nikita Karev.

“OUR PRINCESS is a CRIPPLE!”:
the PLOT and IMAGES of the RUSSIAN FAIRY TALE
“THE MAIDEN without HANDS” (ATU 706)

Varvara E. Dobrovolskaya

PhD, Head of Intangible Cultural Heritage Department of The Russia
National House of Folk Arts and Amateur Creativity
(Moscow, Russian Federation);dobrovolska@inbox.ru

Abstract: The article deals with the representation of disability in the Russian folk tradition on the example of the fairy tale “The Maiden without Hands” (ATU 706). Folk culture often regards physical disability as a certain sign of being chosen by supernatural powers, the mark of one’s belonging to those who are endowed with special supernatural abilities. At the same time in fairy tales, people with disabilities might be considered as those who pose a danger to others, since their disability can be perceived as a punishment for their own sins. Recovery from a disability in most cases is associated with God, saints or the Virgin Mary. They help a person to restore his/her abilities to see or hear, less often restore their lost limbs, heal them from paralysis, neurological and mental diseases. In most folklore genres, disability indicates a connection with the “other” world and the presence of some special abilities. In the fairy tale “The Maiden without Hands” special qualities of the heroine, her compliance with the standard, the correctness of choice of the Prince and her upgrading in social status is confirmed by the healing of her disability.

Keywords: Russian fairy tale, the story of the origin of the plot, disability representation.

“THE STRANGE STAR of LIFE” (the THEME of a HUMAN BEING
and GOLD in “DON JUAN” by BYRON and its LINKS to RUSSIAN
and FRENCH LITERATURE)

Boris N. Tarasov

Doctor of Philology, Professor,
Head of Foreign Literature Department of the Maxim Gorky Institute
of Literature and Creative Writing (Moscow, Russian Federation);
bntarasov@yandex.ru

Abstract: The article examines the genetic and typological similarities in the interpretation of the theme of money in the works of Byron, Balzac and Dostoevsky. The function of equalizing, reductionist, transforming and compensating monetary absolutism is shown in the framework of these writers’ reflections on the mystery of man’s existence on earth. This work also reveals the anthropological consequences of monetarist consciousness, which distorts and inverts the hierarchy of values, alienates and materializes people’s relationships, affecting spiritual and moral entropy in a degrading society.

Keywords: the mystery of man, the dark root of being, monetary absolutism, monetarist consciousness, belittling of personality, the power of egocentrism and mediocrity.

LITERARY EDUCATION

A SKETCH as an EXAM

Experiments and the Beginning of Theory

Abstract: The leaders of poetry, prose, drama, literary criticism, essay and journalism, and literary translation workshops at the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing share their experience of instructing the students and post-graduates during entrance exams when they write their sketches and later when they study at the Institute. The masters reflect upon the difficulties and impediments that the students have to overcome.

Keywords: literary sketch, author, theme, plot, reality, fiction, detail, character.

FROM THE HISTORY OF LITERARY INSTITUTE

In memory of the German historian of Russian literature
of the twentieth century,
the first Honorary Doctor of the Literary Institute,
Professor

WOLFGANG KASACK

January 20, 1927 – January 10, 2003

WOLFGANG KASACK and the LITERARY INSTITUTE

Maria V. Zorkaya (Zhdanova)

Master of the literary translation workshop, PhD,
Professor of the Literary Translation Department of the Maxim Gorky Institute
of Literature and Creative Writing, (Moscow, Russian Federation);
xydperevod@litinstitut.ru

Abstract: The recollections of the Literary Institute’s cooperation with the Institute of Slavic Studies at the University of Cologne (Germany), which began and developed with an active participation of the outstanding German scholar of

Slavonic studies, Wolfgang Kazak (1927-2003), the first Honorary Doctor of the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing .

Keywords: Wolfgang Kazak, Literary Institute, Institute of Slavonic Studies, University of Cologne, Sergey N. Esin, Evgeny Yu. Sidorov, «Lexicon of Russian Literature of the 20th Century».

A RUSTY RIFLE AND RUSSIAN LITERATURE SAVED WOLFGANG KASACK

Evgeny A. Popov

Writer, Master of the creative prose seminar, Associate Professor of the Creative Writing Department of the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Moscow, Russian Federation);
popov1984@yandex.ru

Abstract: The recollections of the encounters with the outstanding German Slavist Wolfgang Kazak (1927–2003), the author of the internationally renowned «Lexicon of Russian Literature of the 20th Century», his reminiscences of the 1994 trip to Samara. The turn of his fate, the son of the German anti-fascist writer Herman Kazak, took place in 1945: having become the Soviet prisoner of a war camp on the Volga, Kazak began to study the Russian language and fell in love with Russian literature.

Keywords: Wolfgang Kazak, Russian literature, World War II, anti-fascism, German Kazak, Samara (Kuibyshev), evil.

REVIEWS

A MONUMENT to FEDIN

Konstantin Fedin and his Contemporaries. From the Literary Heritage of the Twentieth Century. Book. 1 / Chief ed. Nina V. Kornienko; comp. Irina E. Kabanova. Moscow: IMLI RAN, 2016. 680 p.

Yuriy A. Azarov

Abstract: In his review Yuriy A. Azarov, Doctor of Philology, analytically presented an academic collection devoted to the life and work of Konstantin Fedin (1892–1977), one of the most prominent Soviet prose writers. Research is carried out in a broad historical and cultural context; the publication is supposed to be continued.

Keywords: Konstantin Fedin, «Cities and Years», the State Museum of Konstantin Fedin, letters from writers, Fedor Sologub, Korney Chukovsky, Boris Pasternak, «Doctor Zhivago».

CHRONICLE

«THE ROZANOV GATHERINGS» — 2017

The academic report informs about the philosophical, historical and cultural readings «The Rozanov Gatherings» (2017), held annually on February 5 in Sergiev Posad. Their permanent members are teachers of the Literary Institute. Here are presented the abstracts of the papers and the other conference events.

Keywords: Vasily Rozanov, Sergiev Posad, Literary Institute, Mikhail Saltykov (Shchedrin), Vladimir Solovyov, Osip Mandelstam, Alexander Nikolyyukin, Victor Sukach.

«MY BOOKS will be READ after MANY YEARS ...»
Literary soiree to the 125th Konstantin Fedin's anniversary

Elena M. Trubilova

PhD, Senior Researcher of Contemporary Russian Literature and Russian Literature Abroad Department at the Gorky Institute of World Literature of the RAS
info@imli.ru

The papers of the literary soiree participants dedicated to the anniversary of Konstantin Fedin were presented. Literary critics and cultural figures substantiate the need for a new reading of Fedin's works and a new research in the field of Russian Soviet literature. The previously unpublished correspondence between Fedin and Paustovsky and the archival materials about other Russian writers of the 20th century were also presented.

Keywords: Konstantin Fedin, Russian literature of the 1920s – 1930s, the Serapion brothers, children's literature, letters from writers, Alexey Remizov, Alexey Tolstoy, Ivan Sokolov-Mikitov, Konstantin Paustovsky, Boris Pilnyak.

ISSN 2408-9451

Вестник Литературного института имени А. М. Горького
№ 1'2017

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Литературный институт имени А. М. Горького»
123104, г. Москва, Тверской бульвар, 25

Издание зарегистрировано
*Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-19959 от 29 апреля 2005 г.*

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» — 20577

Адрес редакции:
123104, г. Москва, Тверской бульвар, 25
Телефон редакции: (495) 694 06 61, 694 11 41
Факс: (495) 694 06 61
E-mail: vestlit@litinstitut.ru

Подписано в печать 16.03.2017
Цена договорная
Тираж 1000 экз.

